

НЕБО НА НИТОЧКЕ

роман-дневник

Поезд-сон

Поезд у меня с детства – в снах. Вдалеке сначала был. Проезжающий. Тороплюсь попасть в него. Но там, далеко, он мчится мимо, и чужой такой. Можно уже понять – опоздала. Всё равно тороплюсь, билет в кармане сжимаю. Вижу – из поезда выкидывают какие-то большие белые, в рост человека, мешки... Просыпаюсь в холодном поту.

Позже, когда подростком была, – поезда в снах стали ближе... Вот уже насыпь, но крутая. Карабкаюсь, а вагоны мимо-мимо.

И вдруг, совсем недавно – р-раз! – в поезде оказалась. Сквозь сон почувствовала удивление: «Неужели успела?».

Но женщина подошла, вся в чёрном, лица не видно под платком:

– Выходи! – говорит, и выталкивает.

Кубарем качусь по какому-то деревянному настилу, похожему на те, что папа в детстве моём сколачивал, как тротуарчики перед домом, от грязи...

Таких снов за сорокасемилетнюю жизнь пересчитать можно по пальцам. Они надолго оседают в памяти, как будто просят о чём-то, или предупреждают...

И – на! тебе, – уже в жизни – рак.

Больше поезда не снятся.

Теперь мысли-вопросы лежат в голове – неподъёмные, как рельсы: как это могло произойти? Почему со мной?

И сна нет, и спать невозможно: теперь вся жизнь словно поезд, ездит в воспоминаниях по кругу туда-сюда, туда-сюда. И будто вагоны, вопросы: «Почему сейчас? Неужели это конец?».

Серёжка – мой муж, как-то сказал, осторожно так, будто боясь градусник уронить:

– Ты бы записывала свои ощущения... вдруг кому-нибудь пригодятся...

Я-то понимала, что это он советует, чтобы меня занять чем-то, чтобы я заняла свои мысли и тело, и не окуклилась, как он высказывается о домохозяйках, превратившихся в нечто. И я, где-то внутри себя, соглашаюсь. Но сколько раз садилась за записи, а всё не то. Как-то странно это – писать о себе, пытаюсь найти «не зная что», превратившееся в три буквы. С этим невозможно ужиться. Хочется отбросить это, как будто ничего не было. Проснуться однажды и ощутить, что всё, что произошло – сон. Но это не грипп, который заканчивается через семь дней. Это не сон. И начинаешь мысленно прощупывать всё своё тело, прислушиваясь к каждому изменению внутри. А мозг, чтобы уйти от действительности, перепахивает прошлое, выискивая там точку отсчёта, будто можно что-то изменить... И одни ощущения, ощущения, и сослагательное наклонение – «вот это не так бы сделала, вот то». Видимо, эксперимент какого-то огромного механизма, где жизненные лабиринты, в которые попадаешь – для чего-то нужен. Может быть, для тебя, тебя, тебя... для детей моих и внуков, для тех, кто уже заболел, или тех, кто здоровствует и может быть предупреждён, что не надо делать, чего можно бы избежать...

Мысленно я стала постоянно разговаривать со своим прошлым. В него я совершаю бегство из настоящего, которое остановилось и движется, как в замедленной съёмке. Стою, рассматриваю всё вокруг и вижу – кто из моих друзей или близких, уходя вперёд, оглянулся. Я стою или медленно двигаюсь, и будто делаю шаг вперёд, но уже понимаю – далеко не уйти. Каждый метр прожитого, будто на ощупь подошвой чувствуется – галькой, песком, трухой, грязью, пылью и даже углями. И руками удержаться не за что – кругом только воздух, душный воздух воспоминаний.

Может быть, это и есть ад... А что же тогда такое «жизнь»?

Попробую эти ощущения в руках передать своим записям. Они разные – от прикосновения к разным событиям жизни. Это в руках. А душа, тело... Об этом – в первую очередь. Только не думай, что это бабское нытьё... Папа в ожидании появления меня, хотел, чтобы родился сын. Может, потому и испытания эти не как слабый пол выношу.

В описании того, что происходит, как будто оголяешься перед теми, кто, возможно, будет читать всё это. Но эта оголённость не куска провода, с которого содрана изоляция. Иная. Продолжаю чувствовать, что я в жизни, но и одновременно, где-то по-над ней, за пределами осязаемого. Взгляд будто через стекло: все там, а я здесь. И не понятно, кто за кем наблюдает, но, скорее, я за вами. Потому что у меня появилось свободное время для наблюдений. Всё, что заботило прежде – остановилось. Жизнь – в раме оконной. И моя галерея обладает этой единственной картиной. Я – наблюдатель. Вынужденно – наблюдатель. Меня связывают с этой картиной воспоминания. Стою посреди этой галереи с единственной картиной. Единственный посетитель, и автор её. Зябко от этого. Но не кожей. Кожа перестала быть чувствительной к прикосновениям, к холоду, боли. Это похоже на прилюдное раздевание. И нет ни стеснения, ни стыда.

Может, потому что и реальные раздевания уже стали совсем не такими, как были до мая две тысячи одиннадцатого года, когда на комиссии на инвалидность, снимая одежду, я вдруг поняла, что мне в здоровом состоянии это делать было стыдно. А теперь – после операций, химий, многочисленных узи, рентгенов, МРТ и других процедур этот процесс превратился в обыденность. Я стою голая, с перечеркнувшим моё прошлое грубым красным швом через весь живот, как рисунок одной рельсы со шпалами... За столом, передо мной сидят несколько врачей, вперившись в меня изучающими взглядами. Я-не-ощуща-ю-ни-че-го. На меня смотрят несколько пар глаз. Что-то говорят. Что-то пишут. Я смотрю на них без капли стыда. А, может быть, это уже не я.

16 июля 2012. Марина

Позвонила Марина:

- Беда у нас, Ань... У старшей моей дочери Юльки рак обнаружили...

Марина плакала, а я растерянно сопела в трубку, пытаюсь сообразить – что же говорить, и начала лепетать что-то несусразное:

- Может, это не точно?

- Я тоже надеюсь. В среду вылетаю к ней. Ты Расскажи... ну, когда у тебя всё это случилось, ну...что надо было...

Юлька жила в другом городе, где обустроилась сразу после окончания университета. Там же замуж вышла, родила Марика, которого каждый год, вот уже в течение почти десяти лет, отправляла на лето к своим родителям, на юг. Стройная, красивая, деловая и скромная. Она легко, игриво откидывала падающую на лоб чёлку. Заходя в людное помещение, где все знали друг друга, пробиралась краем в удобное место и просто наблюдала. Такой я запомнила её с две тысячи седьмого года, когда ездила по приглашению на томский фестиваль. Юля давно уже жила в этом сибирском старинном городе, свыкшись с его зимой и совсем коротким летом. Но при встрече видно было по ней, по её коротким фразам, что она ностальгирует по городу детства, по его теплу.

Наш южный город когда-то радовал всех приезжающих обилием яблок. Серёжка, вспоминая о детстве, рассказывал о яблоках, размером с кочан капусты. Яблоками спасались в голодные времена. Они были и едой, и символами радости, счастья. Но не только яблоки влекли в этот город. Он был особенный во всех отношениях. Долгое лето. Относительно морозная зима. Размеренность и спокойствие.

Приезжая сюда погостить к родственникам, ещё школьницей, – я восхищалась всем: ровными улицами, у которых есть верх и низ, где горы – верх; монументальными зданиями, нависающими грузными, но одновременно лёгки-

ми конструкциями, и украшенными восточным орнаментом жилыми многоэтажками; скверами с плавающими в небольших водоёмах лебедями, арыками, в которых летом журчит талая вода с ледников, возвышающихся над жарким городом. Фонтаны... Вот уже несколько десятилетий их запускают по всему городу двадцать пятого апреля, в День Фонтанов, и дети уже норовят засунуть в них ноги, а взрослые радуются, как дети. Благодать, одним словом.

Я и предположить тогда не могла, что буду жить в этом южном городе.

Марина и её муж Лёнька стали одними из первых, с кем мы с Сергеем познакомились после моего переезда сюда.

Я увидела их впервые на концерте. Они исполняли песни Юрия Визбора и Ады Якушевой – Леонид бегло играл на гитаре, а Марина уверенно подпевала, и создавалось ощущение полного попадания ими в характеры авторов песен. Тогда же, после концерта, мы и познакомились. Первой подошла Марина, улыбнулась и протянула руку:

- Привет! Тебя, я слышала – Аня зовут? Поедьте к нам в гости? Мы на машине...

Леонид уже что-то бурно обсуждал с Сергеем, и так по-свойски, что мне показалось – мы давно знакомы.

А летом вместе поехали на Иссык-Куль, потом ещё куда-то, потом праздновали день рождения мой, потом Марины... Время завертело наше знакомство настолько, что казалось, так было всегда.

Марина и Лёня стали рано бабушкой и дедушкой – младшая дочь Полина уже в шестнадцать подарила им внука, а вскоре и внучку.

Поэтому, во все последующие годы Марина, как заботливая бабушка, почти на всё лето выпадала из нашей дружеской компании. Да это и понятно – такая гвардия дома: Марик и двое Полинкиных детей – Марат и Аля. Со стороны это смотрелось именно так. А Лёнька – это для нас он был Лёнька. Глядя на его большую громоздкую фигуру, наверное, и язык бы не повернулся

назвать его так в глаза. Да и на работе он – руководитель отдела большого предприятия, и звание его не хухры-мухры – кандидат химических наук. Поэтому и не Лёнька вовсе, а Бережной Леонид Александрович. Марина тоже успела покандидатствовать, и тоже, как химик. У всей династии Бережных – химическое призвание и звания. И сестра Лёньки Рита, или как мы её зовём Марго – тоже химик, но и поэт по совместительству, и она вскоре оказалась в нашей компании.

Роль домохозяйки, свалившаяся на Марину из-за повальных сокращений почти по всем государственным учреждениям, в начале двухтысячных, ей была, как птичий помёт, капнувший с неба. Неожиданно и неприятно. Но это вначале – не зря же говорят, что это знак благодарения свыше. Вот и Марина – поныла нам, подружкам, поскулила в подушку, а вскоре свыклась. И даже ремонт в квартире затеяла. Вот только на Лёньке теперь лежала двойная, а то и четверная нагрузка, всё-таки единственный кормилец на такую ораву.

И тут, вдруг, такое...

Первое, о чём я подумала: «Только бы Марина своими слезами не сделала Юльке хуже».

Ведь что-что, а слёзы не помогут. Тем более, слёзы близкого тебе человека. Помню, как сдерживала слёзы моя взрослая дочь Настя, глядя на меня после операции. И видела испуг в глазах других родственников, приходивших навестить меня во время химиотерапии. Они сдерживали себя. А я видела, что они мучаются. От этого мне было ещё тяжелее. Соседка по палате Вера сказала как-то, что она не стала никому из родственников говорить о заболевании:

- Пусть думают, что это просто язва или гастрит... и не говорю, где лежу, только по телефону общаемся...

Я подумала тогда, что она совершает благородный поступок по отношению к близким. Но как же она сама? Как смогут родные простить её и понять, если вдруг станет поздно, и они осознают, что не смогли вовремя чем-то помочь.

Но что поможет? Что мне хотелось в те минуты, и что я отвергала, чего боялась, какие шаги не сделала бы – с позиции сегодняшнего дня, когда прошли почти два года после операций и химий?

19 июля 2012. Начало переписки с Юлей

Договорились с Юлькой переписываться. Я предложила ей просто разговаривать, описывать то, что происходит. По желанию, конечно. Юлька встретила моё предложение забавным. И в игривой форме мы начали диалог.

«Я сама не поняла еще, наверное, что со мной. Ощущению серьезности проблемы сегодня восемнадцать дней, диагнозу – десять... Потом я расскажу тебе, как весь июнь ходила к лучшим врачам и никто не смог распознать страшную болячку, пока из меня не хлынула кровяшка до потолка. И знаешь – ведь у меня по-прежнему ничего не болит, хорошие анализы и отрицательное все, кроме гистологии...».

У меня сложилось ощущение, что Юлька заигрывает с болезнью. Она ещё не осознала, что произошло. Как будто это была простуда. Утром она бежала на работу. Именно «бежала», совмещая больницу и незаконченные проекты.

- У меня сегодня, представляешь, вышли около ста студентов, и мы разровняли бывшую мусорную площадку. Через неделю завезут саженцы, и мы посадим целую аллею дубов и грабов! Нет, ты только подумай, – была свалка, а будет аллея! – говорила она по телефону.

Юлька работала в городской мэрии руководителем социально-молодёжных проектов. Её энтузиазм заражал оптимизмом. Хотелось тоже соскочить, куда-то бежать, что-то делать хорошее и кричать всему миру:

- Оглянитесь! Вокруг так много можно сделать полезного! Успеть сделать... Видя, что ей сейчас не до болезни, я восхищалась её работоспособностью и боялась утомить Юльку, как мне на тот момент казалось, глупыми расспросами и своим навязыванием. Я думала, что чем дольше человек находится в

контакте с социумом, тем ему легче переносить любую болячку. И знала по себе: работа отвлекает, затягивает, и даже отстраняет от реальности.

В очередном письме высказала своё опасение, и получила ответ от Юльки:

«Ты меня совсем не утомила, наоборот... У нас с тобой всё похоже и не похоже одновременно. И причины путаются со следствиями, и непонятно, что делать сначала, а что потом. У меня ничего не болит, представляешь?! А врачи говорят о чём-то страшном. Оно во мне – но мне не страшно, потому что я «это» не ощущаю. Я лечу по жизни на бреющем... В последнее время жить было как-то очень трудно, но так здорово! Я нарадоваться не успевала, что всё, до чего дотягивалась, получалось, и не было душевных метаний, ведь в руках целый город – это такой драйв!».

Я заметила, что Юлька боится произносить это слово, а значит, не верит, что оно может касаться её. Я тоже и боялась, и не верила. Тогда накануне случившегося всё было каким-то особенно лёгким, доступным. Я даже думала – неужели, наконец-то, судьба повернулась ко мне лицом. Я закончила работу над диском с песенками для детей, над которым работала почти два года, записывая аранжировки, голос, делая оформление. Одна из рекламных компаний сама предложила сделать мне представление диска. Как-то совершенно без напряжения прошла регистрация диска в Министерстве юстиции. И на двадцать восьмое ноября две тысячи десятого года назначили презентацию. Распечатали афиши, лифлеты, тираж сделали. И даже уже за эти песенки взялись три школы, где дети начали разучивать их. А ещё, к тому времени, я слегка изменила имидж, рассуждала так: «Всё-таки следует выходить к детям, и моя мальчишеская стрижка, стиль которой не меняла с юношеских лет, была немного неуместна». Решение стать блондинкой мои друзья и близкие оценили.

А ещё я немного похудела, и все вокруг сыпали комплементы:

- Как ты классно выглядишь!..

- У тебя, наверное, что-то изменилось в жизни?!...

Но в то же время наплывали мысли, которые я отгоняла. Они оседали каким-то тяжёлым осадком, сквозь который я не могла рассмотреть причину тяжести, и назойливо уводили в депрессию. Я связывала это с творческой усталостью, с головным болями, которые преследовали меня уже очень давно.

Вечерами я чувствовала лёгкое подтрясывание и озноб. Серёжка, видя меня, кутающуюся в плед, удивлялся:

- Как ты можешь мёрзнуть?! Жара такая...

- Да, опять, наверное, кто-то чихнул на меня, – шутила я, видя на градуснике незначительное повышение температуры.

Но это состояние хронической простуды длилось и длилось. Сергей начал подтрунивать по этому поводу:

- Бедной Аннушке – все камушки...

Чувствовала, что мне просто надо отдохнуть и была уверена – вот, пройдёт презентация диска, и наступит новый жизненный этап...

Ещё преследовало какое-то ощущение страха от тревожных снов, от надвигающейся зимы, которую я всегда переживала с поникшим настроением.

Как-то Серёжка придумал, как можно отгородиться от зимней депрессии:

- Скоро двадцать третье декабря, можно сказать «ура! перезимовали!».

- Где ж перезимовали-то, зима ещё только началась?!...

- Нее-ет! Пе-ре-зи-мо-ва-ли! Ночь на убыль пошла, значит, и весна скоро...

- Ну, скажешь тоже! В феврале ещё морозы ударят...

- Ну, это морозы, а день уже всё равно длиннее ночи стал!

Но я всё чаще ловила себя на том, что назойливо крутятся мысли о смысле жизни, о бренности её, о нелепостях и даже о никчёмности существования...

Что это было? Уныние? Если это оно, и я понимаю, что это грех, но не знаю, что делать, ведь не могу же я искусственно, насильно для себя не замечать то, что идёт на уровне физического угнетения. И в голове при этом постоянно стучало: «Я устала... как я устала...».

Вот и Юлька написала об этом:

«...где-то с января начал накрывать периодами метафизический ужас, но я гнала прочь дурные мысли и была непоколебимо уверена, что все хорошее – впереди. А потом вот это, очень быстро и неожиданно».

Мысли путались, не давали покоя. Они навязчиво требовали спешить, быстрее заканчивать начатое. Я совсем мало спала – в сутки часа четыре, а то и три. Укладываясь спать, Серёжка, уже видевший седьмой, а то и десятый сон, просыпался и находил в себе силы, шутя, спросить:

- Где была?

- Спи уже...

- Скажи, с кем сегодня была? – с закрытыми глазами, монотонно, но назидательно требовал ответа муж, – Что-то новенькое написала?

- ...Спи уже... я тебе на ящик выслала.

И долго ещё ворочалась, прокручивая в голове сценарии одного, другого, третьего дела... А работы невпроворот. Хотя... Это я считала, что выполняю работу, на самом деле, это больше походило на мои придумки. Параллельно с подготовкой диска, я записывала кому-то диски, проводила уроки гитары и фортепиано, вела концертные программы для авторов... И всё думала – почему всё это я не умею выстроить так, чтобы это приносило доход, а не нервность от того, что всё заработанное на уроках плюс Серёжкина зарплата, шло на наши остальные проекты, которые были, как прорва, и требовали ещё больших вложений, а отдачи не сулили никакой.

...Ещё в 2002 году, когда переехала жить в Алма-Ату, я была счастлива от только что случившегося замужества. Мне не хотелось заниматься тем, что я оставила там, в другом городе. А оставила я Театр песни, бардовской песни. Театр был организован мною в конце девяностых. Теперь уже понимаю, что и это была моя прихоть. Спустя много лет, понимаю, что это был «полный назад» – от профессионализма в самодеятельность. И всё ради того, чтобы для любопытства разобраться в том, что называется бардовской песней. Я писала песни с юношеских лет, и верила, что через них могу рассказать чело-

вечеству очень много важных вещей. На фестивале Петербургского аккорда Вероника Долина на мастер-классе задала мне вопрос в лоб:

- А кому вы пишете?

- Человечеству пишу, людям, – ответила я и даже разозлилась, – Разным людям, и нет у меня конкретного Васи, Пети, Люси...

Так и есть – я всем хотела рассказать, что я понимаю под добром и злом, что такое красота, и что такое честность и моя искренность.

- Никто так не пишет! – возмущался мой педагог по вокалу, – Надо писать кому-то конкретному...

Что поделаешь, не было у меня этого конкретного субъекта, которому я могла бы рассказать, как «когда-нибудь я выучу урок, и научусь быть доброй, и губами твоими мне расскажет Бог, что станет с музыкой и нами...»

Так сложилось, что я родилась в государстве не того языка, на котором были мои песни. Здесь, в центре иностранной азиатской географии к песне сложно праздное отношение. Она прежде всего нужна людям для развлечения. Никому не нужны были песенные разглагольствования на тему «что такое хорошо, и что такое плохо». В традициях нашего края заложено, что песня совместима только с отдыхом. Но моё понимание песни не укладывалось в это. Во мне музыка жила с детства. Она была необходимостью. Сродни воздуху. Подобно рассказу, разговору о смысле жизни, обдуманному монологу, которым я хотела бы делиться с людьми, чтобы строить гармоничный круг отношений, где в равных долях эстетика и реалии, история нашего мира и истина. Я искала соратников. И, получается, пыталась навязать людям собственные смыслы и смыслы тех авторов, кого уважала за их образ жизни и, как следствие, за образ мысли – в песнях, в поэзии, в слове. Но об этом позже, а пока...

Юльке всё никак не делали операцию. Шли дни, и волнение Марины было понятным:

- Как думаешь, почему ей оттягивают операцию? – мучила она меня этим вопросом.

Зная подробности того, какие процедуры делали Юльке, у меня внутри засел панический страх, о котором я не могла сказать Марине, а уж Юльке тем более. Марина всегда видела меня радостной и даже немного беззаботной, в том числе и в период операций, химий – я не давала повода своим друзьям замечать мои проблемы. И только Серёжка был свидетелем того, как рассыпается мой организм.

К нам в палату положили молодую женщину – Вику, которая с нами неохотно вступала в диалог, больше отмалчивалась, подолгу разговаривала по телефону. Её тон выдавал в ней начальницу, дающую распоряжения налево и направо. И вовсе не стыковались её мягкие интонации в беседах с нами, и жёсткая позиция с сослуживцами.

Ей тоже, как и Юльке, оттягивали операцию. Мы – я и соседка по кровати Лена, уже прооперированные, перекидывались мнениями: «Может, она не заплатила?».

Этот вопрос вставал у всех, несмотря на то, что онкология в госучреждении считается бесплатной. Когда мне на бумажке написали цифру «600», я даже не сразу поняла – о чём это... Но в палате меня «просветили»:

- Не заплатишь, не будут делать. Под разными предлогами – просто не будут, и всё. Вон, Людмила из четвертой палаты – пенсионерка, говорит – не буду платить, так ей и не делают, и уже к выписке готовят.

Никто не смел задаваться вопросом – «за что приходится платить?». Серёжка, мой Серёжка – радетель справедливого подхода и всегда щепетильный в отношении всяческих проплат, тут спасовал. Не объясняя ничего, он просто принёс нужную сумму.

Наверное, многие родственники, кого коснулась эта беда, так же молча делают то же самое, потому что это соломинка, потому что этого боятся все, потому что не заплатишь – не сделают.

У Вики был другой случай. Её анализ гистологии принесли на седьмой день, первоначальный диагноз «миома» не подтвердился, и был вынесен приговор «аденокарцинома, четвёртая стадия».

Молодая не рожавшая ещё Вика опустевшими глазами смотрела куда-то сквозь нас, раскачиваясь из стороны в сторону, и всё повторяла:

- Я ж ребёночка хотела... А если всё вырежут – как же ребёночка-то...

Это и стояло перед глазами, когда Марина терзала меня своим вопросом.

Юлька написала:

«Сижу в этой больнице, и жду операции, которой ужасно боюсь, а ее перенесут, потому что мои начальники поставили на уши всех, и меня обследуют всеми возможными способами, и выясняются какие-то новые подробности, которых у всех в организме достаточно. И уже началось какое-то воспаление, которое вроде тоже отрицательное – но я же уже знаю, что все может быть!... А ещё что-то там в кости нашли, завтра скажут что именно, а я сижу и все силы уходят на то, чтобы не покрываться холодным потом при каждом новом ощущении внутри, и не думать о том, о чем невозможно не думать в такой ситуации».

Юльке назначили химию – с целью «собрать опухоль». Интоксикация от платиновой химии высокая, и после этой процедуры ты не ощущаешь себя человеком разумным. Ты – камень, овощ, гейзер, ртуть. Ты лежишь только на боку, потому что в любой момент может из тебя хлынуть жёлтая жидкость, а если её нет – потому что уже совсем пусто внутри, и ничего из еды не лезет, то выходит воздух из всех отверстий... Ты – в лучшем случае сидишь около унитаза, прислонясь к прохладной кафельной плитке лбом. Ты теперь знаешь, где у тебя печень, потому что она в тебе распирает, бунтует и не хочет принимать что-либо подобное...

24 июля 2012. Сомнения

Позвонила Юле. Марина взяла трубку и сказала, что Юльке делают химию, уже вливают с двенадцати часов. Я посмотрела на часы – у нас по алматинскому времени 18.15. Есть ли разница с Томском – не знала...

Марина сказала, что они читали начало моей истории и ждут продолжения. И добавила, что пока Юля не сможет отвечать, но Марина читает ей вслух.

Я стала сомневаться – а это ли надо сейчас Юльке? Неужели мои воспоминания помогут ей сейчас? Нет, отсылать это я ей не буду...

И нахлынуло чувство обречённости: я хочу ей помочь, но в чём? Меня попросила об этом Марина, но нуждается ли в моих советах Юлька? Страдания Марины – это не страдания Юли. Я же со своими вмешательствами – всего лишь сочувствующая. А нуждалась ли в сочувствии я тогда? По-моему, нет. Если кто-то меня в те моменты жалел, я начала жалеть саму себя. Но жалость ли нужна была мне? Нет. Я была подавлена надвигающейся опасностью? Нет. Надо мной висела угроза уничтожения? Но любая дверь жизни имеет один и тот же выход.

Меня волновали вопросы: когда это началось, почему именно мне выпал такой сценарий?

Я разговариваю сама я собой, пытаюсь найти причины, породившие рак. Я перевернула прошлое, подобно шкафу со старыми вещами.

И тут на помощь пришёл Сергей:

- Ты пиши, пиши, как думаешь – кто захочет, разберётся. Но только так пиши, чтобы и тем, кто здоров польза была, ведь люди даже не подозревают, что их может ожидать. Никто не ожидает, что впереди.

- Но и я этого знать не могу...

- Понимаешь, если бы не ты сама – я бы и не знал, как себя вести рядом... ну, с человеком, заболевшим... Ты можешь помочь всем, если опишешь не только то, что с тобой произошло, но и что этому предшествовало.

Сергей в том разговоре со мной был будто не он, а кто-то другой, кто втолковывал мне алгоритм моих действий.

- Так ведь это с детства придётся начинать, и вообще... даже то, что я и рассказать никому не могла...

- Вот и пиши об этом. А вдруг это станет кодом для расшифровки этой страшной болезни?

- Но это – моя жизнь. Такой же точно путь вряд ли кто пройдёт. А, может, именно ход моей мысли и есть провокатор опухоли? В таком случае, я ненавижу себя...

- Я уверен, тебе придётся многих качеств коснуться.

И действительно, ведь у многих людей сложилось мнение, что в основе рака лежат обиды, но кроме них есть ненависть, недопонимания, страх с ограничением «а вдруг», и даже ложный оптимизм, за которой человек пытается прятать свои проблемы, и многое другое... Но как дойти до сути, до расшифровки, до кода?

Жизнь мне устроила остановку, но не для того, чтобы просто выспаться, а потом, если она позволит, снова впрячься в спешку...

Остановка нужна для того, чтобы взвесить и пересмотреть всё, что было, чтобы уложить свой опыт в слова, схемы, смыслы. Вся жизнь состоит исключительно из смыслов. Чем ты наполнил себя – то и несёшь по жизни. Но я часто думала о том, что не хочу быть старой, не хочу доживать до финальных титров фильма, в котором моя роль – какого-нибудь десятого по счёту осветителя. В юности я хотела быть режиссёром. По сути, и была им...

Встречая каждый Новый год, мы с детьми заполняли карту желаний – немного смешили Бога своими мечтами-планами. Вырезали из накопившихся за год журналов картинки, олицетворяющие наши мечты. Выбирали Оракула – он садился ко всем спиной и обозначал, кому отдать тот или иной «фант» с мечтой. Потом можно было выменять свой фант на кучу желаний. Распределённые по листам ватмана, украшенные рисунками, пожеланиями – эти большие карты весь год потом висели... в туалете – на самом видном месте.

Почему в туалете? Там ты реально освобождаешься от прошлого и есть время спокойно подумать о будущем.

Так раз в год мы делали ревизию в себе, как в своём шкафу. И шкаф стал символом моего порядка в голове. Разложи по полочкам необходимое, выкинь то, чем не пользовался давно. Но бывало и так – достанешь кофточку, которую не надевала два года – пуговички красивые, да и сама вроде ничего, и выбрасывать жалко.

Так и в мыслях – не наведу порядок вовремя, и есть опасение в хаосе блуждать, как в лабиринте прошлых иллюзий. А иллюзии – это не жизнь. Но в блужданиях проходят час за часом, день за днём. И это всё – шкаф твоего прошлого. Если на его полках нет места для будущего, значит, всё пространство заполнило прошлое, и будущее уже не придёт, нет ему места. И не остаётся времени на сегодня, а уж тем более на завтра.

Перебирая прошлое, я освобождаю место для будущего. Только так, анализируя, вспоминая события своей жизни, я наткнулась на то, что в каждом её эпизоде могли находиться провокаторы оживления этой злобной клетки. И, кто знает, если бы я предполагала, что стоит за обычными жизненными событиями, может быть могла вовремя распознать рак, и может быть, на одного человека стало бы меньше среди тех двадцати тысяч, которые каждый день умирают от этого недуга.

И я решила – буду заниматься раскопками своей биографии, буду ворошить, перебирать вещи своего «шкафа». Пусть даже это будет похоже на лепку кирпичей из песка... А Юльке пока отошлю какие-нибудь юморные истории, например те, что я читала, чтобы отвлечься.

Оказывается, я не умела смеяться. Не так – уголками губ, а открыто, нараспашку. Так открыто могут смеяться только дети. А я не умела. Может быть, этому учат в семье или в детском саду, но как-то это прошло мимо меня. Не помню, чтобы мама открыто смеялась и радовалась. За её строгостью, сдержанностью я видела порядок и дисциплину, считая, что излишний смех –

признак дурного тона. И принимала слова мамы: «Ровно столько, сколько смеёшься – будешь и плакать!». Всплыла картинка из детства: однажды после последнего урока мы с одноклассницей дежурили – мыли полы в кабинете истории, и Ленка дурачилась, очень громко смеялась. В кабинет вошла учитель истории, строго глянула на нас, сделала глубокий вдох, так что у неё поднялись плечи, брови, и изогнулись вниз уголки губ, и низким грудным голосом на одном выдохе она произнесла, будто нависая над нами:

- Как вы можете так беззаботно вести себя, когда дети Генуи погибают...

Она вышла, мы замерли, а потом Ленка прыснула, но мне было уже не смешно.

Как-то уже после осознания болезни, мои друзья Таня и Женя Зинины мне прислали посылку с несколькими банками перемолотых ягод шиповника и вложенным письмом. В письме Таня советовала как можно больше смеяться, и каждое утро начинать с чтения анекдотов.

С некоторым скептицизмом я прочла парочку высланных анекдотов, а потом подписалась на рассылку юморных историй, которые всё больше смахивали на переиначенную нелепость «хочешь быть здоровым – будь им!».

Открывая каждое утро письма, мне вначале было не то, что не смешно, а даже противно. Казалось, зачем этой ерунде люди посвящают время, такое ценное для работы, для дел, для жизни.

«Так, что сегодня нам предложит рассылка? – говорила я то ли себе, то ли котам, сидящим всегда около меня, в какой бы комнате квартиры я не находилась».

Итак, вот например: «В буфете.

- Скажите, а салат сегодняшний?

- Я вам больше скажу – он ещё и завтрашний!»

Не смешно. А вот этот:

«Одесса. В церкви напротив офиса с утра без перерыва бьют в колокола.

– Сема, ты не знаешь, чего они звонят целый день?

Сема, меланхолично: – Видимо, дозвониться не могут...», «Решила по дому мужскую работу сделать сама, легла на диван, смотрю телевизор, тяжело, не спорю, но надо...»...

Даже губы растянуть в улыбке не получалось, всё думалось – о чём смеяться, если мелочность чужих забот такая ничтожная, если всё так не смешно в тебе. Можно, конечно, притвориться, что ничего не происходит, поднять кверху руку, как советовала мне одна из подруг, и резко опустить её, с выдохом... Но и это казалось нелепостью, обманом самой себя, придумкой, в которую не верилось. Это было похоже на детскую игру «понарошку». Я смотрела на прохожих, на продавцов в магазинах, в аптеке, на гуляющих мам с детьми, на радостных и балагурящих, на спешащих и обнимающихся – и... поймала себя на мысли, что я ненавижу их всех. Улыбающихся, беззаботных. И себя, одновременно.

Однажды всё-таки открыла утреннюю рассылку и решила дочитать юмор до конца. Кое-что вызвало улыбку. В последующие дни начала постепенно втягиваться в это навязанное чтение, и вскоре поняла, что анекдоты мне стали раскрашивать чёрную полосу жизни цветными красками. Пришлось как будто заново учиться смеяться, познавать, что такое радость. Я бы сравнила её с крыльями за спиной. Это их взмахи включают, как тумблер, твою улыбку. И крылья трепещут до тех пор, пока взгляд не упрётся в то, что тебя опустит на землю. У тех, кому этого заряда хватает надолго – достаточно сил, чтобы какое-то расстояние жизни не идти, а лететь, не стоять, а парить.

Оказалось, для того, чтобы смеяться, надо просто читать глупые нелепые истории – в одиночестве, без чьих-либо присутствий, и – смеяться. Об этом я написала Юльке. И вдруг она меня ошарашила, как будто моими же мыслями вслух:

«Спасибо тебе за эти истории-штучки. Вначале читала и думала – какая же нелепость, а потом, как враскачку, начала смеяться. Отвлекает. Хоть на ненадолго, но отвлекает. А когда зашла мама в палату, я замолчала – что-то обо-

рвалось, и я поняла, что при ней не могу смеяться так, как в одиночку. Что это, Ань? Может, потому что я привыкла жить одна? В последние годы была совсем одна. Нет, я была с Мариком, и заменяла ему и маму, и папу. Так сложилось, что не оказалось со мной рядом человека, за которым я была бы, как за каменной стеной...».

Юлька стала часто употреблять прошедшее время – «была». Об этом я ей написала.

«Ты пишешь «была»... Давай научимся «быть сегодня», а не в прошлом времени. Ты есть сегодня, а в прошлом оставь то, что никогда не возьмёшь с собой в будущее. Анекдоты действительно нелепые. Каждый день читаю какие-нибудь дурацкие истории – просто так...».

Воспоминания о себе я решила выслать Юльке как-нибудь позже, когда она хотя бы перейдёт в такую же категорию реабилитации, как и я.

Сама же всё хожу и «ворошу свой шкаф», вспоминаю – как готовились к первой химии.

15 декабря 2010. Материал

После второй операции, перед выпиской ко мне зашла лечащая врач:

- Вам поставили третью стадию. Опухоль внушительная. Были метастазы в лимфаузлы. Мы, конечно, всё удалили, что смогли увидеть. Скорее всего, вам назначат курс химиотерапии... Старайтесь не простывать. Любая инфекция для вас может обернуться продолжением развития заболевания.

Она сказала это как-то вскользь. Потом я пойму, что она и так мне сказала много. Тогда я не осознавала ещё, что вся наша медицина – это разрозненные сектора. Думала – раз, врач, начавший моё лечение знает, что со мной – он же будет вести меня дальше. Но в каждом секторе узкий специалист делает свой объём и, в лучшем случае, передаёт тебя другому, в худшем – отправляет восвояси. Больной для врачей не является единым организмом, в котором всё должно быть взаимосвязано. Да и слово «больной» – при внимательном

рассмотрении врача превращается в другие понятия – «пациент», а чаще «материал».

Я стала материалом, из которого вырезали несколько органов, и теперь остаток этого «материала» направляли на химиотерапию – адъювантный курс. Позже я узнаю из справочников, что всего существует два вида курсов химиотерапии – адъювантный, или лечащий, и паллиативный – поддерживающий. После шести курсов химиотерапии с платиной – то, что назначили мне, – больше никакого лечения не полагается, и уже иные лечения будут выполнять только функцию поддерживающую.

4 января 2011. Дилетант

Сразу после новогодних праздников, на беседу с заведующей химиотерапии я пришла подготовленная – с блокнотом, вопросами.

Очереди в коридоре не было, я постучала. За дверью говорили по телефону. Я решила подождать. Собираясь с мыслями – что спросить, чего не упустить. Не заметила, как прошло десять минут. Из-за двери раздался смех и громкие радостные возгласы:

- Что ты, что ты! Платье невесты должно быть самое лучшее, и не менее, чем, ну, хотя бы за две тысячи долларов... Это твоя единственная дочь, не переживай – я помогу, выберем и сумочку, и сапожки, и шубку... не переживай... Она говорила, говорила и, похоже, не собиралась прекращать разговор. Я открыла дверь и вошла.

Сидящая за столом статная, черноволосая красавица в возрасте слегка за шестьдесят, увидев вошедшую, протянула руку, и, слегка отодвинув подбородок от трубки, проговорила:

- Направление ваше...

Продолжая ворковать о шикарном наряде, прижимая подбородком и плечом трубку, она автоматически открыла журнал, списала туда мою фамилию, и

ещё раз оторвавшись от разговора, вытянув подбородок от трубки телефона ко мне, сказала:

- Тринадцатого января с вещами в девятый кабинет.

Я вышла за дверь, и на глаза навернулись слёзы.

«Почему так? Я в кино такое видела, но для другой ситуации, когда человеку в тюремной камере говорят – «с вещами на выход»... Почему вдруг здесь эта фраза оказалась уместной?».

И тут же вспомнила высказывание одного преподавателя – чем отличается профессионал от дилетанта: степенью ожидания. Если ты строишь планы в ожидании, и они не совпадают с окончательным результатом, значит ты – дилетант.

Ещё одно наименование меня вступает в силу. Собственно, чего я ожидала?

Внимательности к своей персоне? У неё таких, как я, десятки в день...

На морозном воздухе января стало легче после глубокого вдоха. Впереди целая неделя. Откуда мне было знать в те минуты, что результаты анализов для госпитализации являются годными только десять дней, а к назначенному дню просрочка была уже далеко за...

Что-то я увлеклась многоточиями. Не потому ли это, что не знаю, чем заполнить вопросы, оставленные без ответов. Не знаю как мироустроить пространство, чтобы в нём люди относились к людям, как люди.

Проблемы одного человека порождаются не им одним, а цепью взаимодействий событий, людей. И если одно или два звена сработали не должным образом, запускается механизм разрушения. А где она, грань долженствования? Какой она должно быть в норме для одного и другого человека? И почему то, что дозволено одному, другому может стать камнем преткновения или точкой бифуркации? На чём эта точка держится: во мне ли, или в других людях, или в воспитании, или на чём-то другом?

В цепи моих событий этим слабым звеном оказались моя уверенность, что это должно быть так, а не иначе. А могла ли я знать заранее, как это всё будет происходить?

В результате, когда в назначенный день, мы с Сергеем приехали на оформление в больницу, мои документы оказались под угрозой. Если бы не Сергей, который управленчески расставил всё и всех по местам, и ему даже одна из врачей бросила фразу:

- Вас бы к нам на работу, вот бы порядок был...

Но вернусь в дни перед химиотерапией...

Дома поселилось напряжение. Я видела, как не находит себе места Серёжка. Пришла в гости Настя. Она уже несколько месяцев жила в гражданском браке с Глебом. За обедом я не выдержала и спросила:

- Насть, а вы с Глебом будете... ну, расписываться?

- Мам! Это моветон! И давай не будем об этом.

- Не понимаю – почему?

- Тысячи людей живут счастливо и без этой бумажки...

- Ох, Настя, – вмешался в разговор Сергей, – Это вы сейчас так смело рассуждаете, а ведь с его стороны это полная безответственность...

- Настя, а когда ребёнок будет...

- Знаете, что, родители, не начинайте, и очень прошу – при Глебе даже не поднимайте этот вопрос. Вот, что когда будет, тогда и будем решать.

Повисла пауза, в которой каждый ушёл в своё пространство. Настя попыталась разрядить обстановку:

- Да, я совсем забыла – я же фотоаппарат купила, – она вышла из комнаты и вернулась с массивной чёрной сумкой, размером с буханку хлеба.

- Ну-ка, ну-ка, покажи, – Сергей открыл сумку, вынул из неё новенький фотоаппарат и, имеющий опыт владельца фототехники, стал со знанием дела рассматривать опции, символы и свойства аппарата.

Настя очень позитивный человек, и пыталась внести в атмосферу дома радость. Мы устроили фотосессию, смеялись, находя сходства между нашими профилями на снимках, и я рассказывала, как в детстве она любила говорить мне:

- Чего смотришь на меня? Похожая я на тебя – да?

Потом мы с Сергеем пошли в гипермаркет, и надо было видеть, как мой дорогой муж готов скупить всё с одной лишь целью, чтобы приехать домой и – всё вдруг оказалось бы, как прежде: никакой болезни, никаких операций.

Он мужественно делал мне перевязки, помогал надевать бандаж, и было невозможно не заметить, как ему тяжело быть над всем этим, и не иметь возможности что-то изменить.

Он даже согласился сходить со мной в церковь, на что никогда раньше не решался. А теперь вот... как будто последняя соломинка. Надел крест на шею и не снимает до сих пор.

Мне пришлось отменить все частные уроки по гитаре и фортепиано. Как нарочно, именно в последнее время мой курс стал пользоваться популярностью – лист ожиданий был заполнен на два месяца вперёд. Звонящим я могла объяснить только одно: пока занятий не будет.

Это «пока» мне было страшно произносить. На сколько времени растянется это «пока»? И мысли бродили всякие – «растянется ли?».

Мне пришлось «свернуть» уже начавшиеся курсы – кому-то я молча возвращала оплату, кто-то допытывался – когда можно будет продолжить, и очень настойчивым я говорила правду. Среди них были те, кто испуганно смотрел на меня, будто я в момент превращалась в прокаженную или убогую, и быстрее удалялся.

Жизнь начинала обретать совершенно незнакомые контуры. И что-то внутри подсказывало – надо доделать то, другое, третье... Доделать.

Предел, который маячил где-то совсем близко, стал стимулом. Я села планировать – в очередной раз сместить пространство. И вдруг появились странные

мысли: «А если бы тогда не операция произошла, а наступил конец, — что бы изменилось вокруг? Мир остался бы без моих планов — и ничего не повлияло бы на следующий день без меня».

Моё присутствие и на самом деле ограничилось. В нашем с Сергеем музыкальном проекте «Наш Остров» ребята стали заменять меня, как ведущую, но сценарии я продолжала им писать. И ничего не изменилось — жизнь для других людей продолжалась. А я перешла в отстранённую категорию.

Итого: пациент, материал, дилетант, наблюдатель.

13 января 2011. Квота

Наслышанные о том, что мест для госпитализации, называемых квотами, дают совсем мало, мы с Серёжей приехали пораньше, около семи утра, и были первыми. Около здания, в темноте ещё не наступившего утра, на улице перетапывались с ноги на ногу несколько человек. Все в очередь, но в разные кабинеты. В полвосьмого дверь открыла техничка, и разрешила ожидать прихода работников регистратуры в тёплом помещении.

В назначенном девятом кабинете недавно установили Интернет. Эта связь с республиканским центром была настолько обложена таинством, что, скорее, сходство можно было провести со связью с Богом. Священнодействие назначения кодового номера больному, определённого на госпитализацию, производилось при закрытых дверях, и минут по десять. Вот и мне назначили кодовый номер. По совету «бывалых» заплатила две тысячи тенге, и назначили. Теперь я стала пронумерованной. Дальше — приёмный покой. А там находились больные, которым не достались места ещё со вчерашнего дня. Когда осталось одно свободное койко-место в химиотерапию, в очереди началось оживление. Но странное ощущение не покидало — и здесь очередь. За чем очередь? За правом на жизнь?

Это место досталось мне. Может, потому что я не переживала, как другие, может ещё почему-то. Просто в какой-то момент открылась дверь и высушенная из-за неё голова произнесла мою фамилию.

Сидя в очереди, чтобы занять себя чем-то, я написала строчки почти считалки: «Нам, с присвоенным кодовым номером, Уже видно – где ад, где рай... На поверке – кто жив, кто помер: – Рассчитайсь! – кричат, – Рассчитайсь! И уже не по имени-отчеству, И не важны ни званья, ни чин... Всё, что прочила жизнь – отсрочено На год. Если свезёт – не один. И ни взятка не дать, ни податей. И читается между строк Уравнения «куплю равно продано», Где знак равенства ставит Бог. И молитвами ночью, днём Открывается истины путь, По прожжённым втекая венам За единственным прикупом – будь!».

25 июля 2012. 19:30

Пришло письмо от Юли.

«Привет, Аня.

Два дня лежала пластом – вчера, пока капали, и сегодня. Из ощущений – ничего особо плохого, тошнота и слабость, живот побаливает, но все, в общем-то, терпимо. Из огорчений – начали вылезать волосы на руках. В выходные пойдем за париком, но я как-то не представляю себя в нем – скорее куплю какой-нибудь безумный бандан. Про лекарства, врачей и прочее – у меня, видимо, работает инстинкт самосохранения, даже не интересуюсь – какая у меня стадия, что именно капают... Как-то это все – потом. Сейчас – лечиться. И вообще чувствую себя космонавтом на орбите – у тебя было так? Все как будто в тумане, чуть в другом измерении, а здесь – только я и болячка, с которой во что бы то ни стало нужно договориться.

PS. Читаю твои еврейские анекдоты, бывает очень смешно, спасибо))))).

Я ответила в тот же день:

«Мне парик пригодился всего два раза, всё остальное время ходила в мусульманских шапочках, а в основном была вот такая...» – я прикрепила вло-

жением к письму свою рожицу с лысой головой. «Если не против, давай вышлю тебе такие же шапочки, у вас они вряд ли продаются – они мягкие и не раздражают кожу. С Леонидом передам, он вроде бы к вам собирался приехать на этой неделе.

От тошноты мне помогали солёные хлебные палочки, свежемороженая клюква и замороженные дольки лимона. А ещё пусть ваши посмотрят в книжных магазинах книгу Серван-Шрейбера "Антирак", или вот ссылка на неё...

Ты знаешь, когда у меня разбухала печень – прикладывала на это место тёплую пелёнку, это же помогало при проблемах с кишечником. А ещё представляй себе: взяла свою печень в руки, прополоскала в чистой проточной воде и поставила на место. Ерунда, кажется, а помогало. Это моя подруга-психотерапевт Галя научила. Ощущение другого измерения постоянно было. А ещё... я как будто держусь за воздух... ну, то есть, ощущение, будто за что-то держишься, а на самом деле, этой опоры, или троса, нет. Это будто тонкая нить между тобой и небом... Держись за воздух!».

От Юльки пришёл коротенький ответ:

«От тошноты мне помогают малосольные огурчики. Мама мне их прямо в палате засаливает – и такой запах стоит, м-м-м... А воздух – это небо... Получается, ты держишь небо за верёвочку. Я тоже попробую».

Ощущение другого измерения....

В жизни «до» я была похожа на ткань с рисунком. Рисунок этот формировался много лет: там штрих, сям, там цветочек, там веточка, там петелька, там цвет яркий, где-то темнее, где-то светлее. А потом в одно мгновение кто-то встряхнул эту ткань, и все рисунки с неё осыпались. Теперь эта ткань стала бесцветной, и даже местами можно было рассмотреть её потертость с тонкими нитками.

Но когда я сейчас для самой себя проговаривала фразу «в жизни «до» – запнулась. А «после» называется ли это жизнью? Хотя, как выясняется, и так живут, ко всему человек приспосабливается.

Перед первой химией, зайдя в палату, там за дверью осталось моё прошлое. Всё моё прошлое.

В палате две койки. Одна заправлена и немного смята, на тумбочке маленькая иконка Божьей матери, салфетки, чистый стакан. По оставленным вещам моей будущей соседки трудно определить её интересы, возраст. Следом зашла кастелянша, занесла матрац и постельный комплект.

- Ой, а кровать-то они тебе не заменили, а там глянь-ка дыры какие, – добродушно возмутилась кастелянша.

Только в этот момент я заметила доски и картонки, уложенные вместо сетки кровати.

- Как же спать-то... – не унималась сердобольная.

Дверь открылась и вошла сияющая маленькая женщина почтенного возраста:

- А вот и ко мне соседку привели! – она прошла к полотенцу, и, вытирая руки, поглядывая на действия кастелянши, сердито сказала, – Спать-то на такой кровати невозможно, а химию сделают – и ни уюта, ни терпезу, не перевернуться даже...

Кастелянша попередвигала в разные положения доски и картонки вдоль и поперёк кровати, повздыхала и вышла из палаты.

- Я на этой кровати ночь переночевала, так думала, она никогда не кончится, – будто извинялась соседка, – А сегодня выписали Наталью, я на её кровать перебралась... Меня Раиса Алексеевна зовут...

- Меня – Аня, – поперхнувшись от неожиданного поворота разговора, выдавила из себя я.

- Максимова! – в приоткрытую дверь просунулась голова медсестры, – А где у вас анализ коагулограммы?

Это я – Максимова. Пожав плечами на непонятное слово, я уставилась на медсестру, пытаюсь догадаться, что это за анализ, ведь за прошедший месяц мне пришлось их сдавать столько, что в голове все удержать составляло труда.

- Аичка, – воспользовалась паузой Раиса Алексеевна, обращаясь к медсестре,

- Ты посмотри на какой кровати спать-то ей...

Голова медсестры выросла в фигуру, открывшую полностью дверь и прошедшую к кровати:

- Мда... А кастелянше сказали?

- Да она только что здесь была.

В этот момент дверь распахнулась и вначале появилась большая доска – с виду от двери шкафа, за которой виднелись мужские синие рабочие штаны и ботинки в синих чехлах бахил, а следом и кастелянша:

- Милая, мы тебе пока так приспособим, а потом, как кровать свободная будет – заменим.

Доска водрузилась на кроватную дыру, а картонки сдвинули в ноги.

- Ну, вот, хоть так, – с чувством выполненного долга кастелянша удалилась, а с нею и синие ботинки, и медсестра.

«Забавно всё как-то, – подумала я, заправляя постель, – Ну, зато хоть скрасили время».

Обычные бытовые проблемы теперь казались такими нужными, заполняющими мозг решением каких-то сторонних задач и отвлекающими от погружения в своё состояние. Раиса Алексеевна заметила, что я с трудом наклоняюсь и предложила помочь:

- Ты, поди, после операции? Что у тебя? Молочка?

- Нет, по-женски... Уже месяц после операции...

- А я вчера легла... Всё не решалась, думала, ерунда какая-то – у меня на поджелудочной, но говорят неоперабельная.

Вот так и познакомились, начиная с внутренностей.

Словоохотливая Раиса Алексеевна рассказала обо всём, с чем успела познакомиться за сутки лежания. У неё, как выяснилось, уже и знакомств был почти весь коридор.

Коридор, подобный подвесной дороге, по которой, зачастую держась за стены, перемещались чужаковато выглядящие инопланетяне, тянулся на сто двадцать восемь шагов, упираясь в туалетную комнату с тремя кабинками – это на весь этаж из сорока коек. Передвигающиеся не стеснялись своей голой головы, кто-то прятал череп под косынкой. Худенькая девушка Мира, из палаты напротив, надевала вязаную шапочку, говорила, что голове холодно.

Ко мне пришла врач, представилась моей лечащей.

- Как помолодел медперсонал, – подумала я, а Бану Ануаровна будто прочитала мои мысли и, улыбнувшись, добавила, – Я работаю после ординатуры уже четвёртый год, и сама из семьи медиков.

Раиса Алексеевна деликатно вышла из палаты, предоставив возможность нам с врачом пообщаться.

- Анна Михайловна, я ознакомилась с вашими выписками. Но вы мне расскажите, как всё началось...

Я растерялась. Хотя, внутренне обрадовалась. Когда после первой операции я пришла к участковому онкологу за направлением на вторую операцию, я мысленно готовилась к расспросам врача, к её вниманию, возможным расспросам... И – ничего этого не получила. Был холодный беглый взгляд снизу вверх, а потом – в выписку, потом заполнение каких-то бумаг. Фоном происходящему тикала тишина, в которой, казалось, было слышно, как я сглатываю слюну, как стучит моё сердце и как царапает мой взгляд колпачок движущейся в такт мыслям этого чужого мне человека, заполняющего бланк моей жизни. Заполненные бумаги мне сунули в руки, быстро проговорили – какие анализы нужно досдать и произнесён адрес больницы «на Утепова», который и так был ранее известен.

А здесь, перед врачом-ординатором я ощутила растерянность.

- Когда для меня это началось?! Я не знаю.

- Скажите, а кто-нибудь из родных по прямой линии имел это заболевание?

- По прямой линии...нет, никто...

- Какие симптомы вы можете назвать уже сейчас, после того, как вам сообщили, что у вас? Может быть, что-то беспокоило, но вы на это не обращали внимания, а потом вдруг это вспомнилось?

- У меня последние полтора года по вечерам поднималась небольшая температура и болела спина, я думала – почки, у меня с детства пиелонефрит. Она долго расспрашивала меня, и чем пытливей были вопросы, тем больше я чувствовала защиту, исходящую от этой молоденькой хрупкой девушки в белом халате. Я ей поверила. Впервые за последний месяц моих скитаний от одного врача к другому – я поверила. Стало спокойно, и не страшно, вверяя ей мой обрезанный организм. У меня теперь появилась надежда. Я с готовностью вложила свою судьбу в её легкие руки. Бану сообщила мне о многом, и среди прочего назвала под диктовку схему лечения, рассчитанную на шесть курсов химиотерапии, все названия препаратов – с той целью, чтобы я при желании могла всё прочитать о них в Интернете.

Мне понадобились названия препаратов ещё для одной цели. За тысячи километров от меня, в Петербурге, названия препаратов ждала моя подруга – Галя, она же психотерапевт. Галя планировала консультации по своим каналам. Я не хотела беспокоить её. Но уже после второй операции настояли Сергей и Настя, что Гале нужно сообщить о происходящем.

Галя обладает удивительными способностями – она «видит» меня на расстоянии. Я всегда очень опасливо относилась ко всяческого рода энергетическим внедрениям, но Галя...

Декабрь 1999. Галя

С мая начался сериал неприятных событий. Не было заказов на выступления, а соответственно, денег на жизнь-бытьё наскребалось только, чтобы накор-

мить детей, заплатить за их учёбу, и всё. Подробности этого периода были настолько тяжёлыми, что описать их попробую как-нибудь после.

Ко всему этому примешался бронхит. Он растянулся более, чем на месяц, не давал есть, лежать, стоять, и тем более спать. Раздирающий кашель булькал внутри, вырывался наружу громами моей луженой учительской, журналистской и вокальной глотки. Днём, ночью я надрывалась кашлем сама и не давала спать детям. И удивлялась – почему кашель не проходит.

Мне посоветовали обратиться к Гале.

Галя уже много лет к тому моменту занималась частной практикой – проводила тренинги, и иногда, по просьбе, практиковала мануальную терапию.

Она села напротив меня. Высокая, красивая, утончённая. «В её крови, явно, кровь благородных фамилий» – думала я, разглядывая её тонкие длинные пальцы и грациозные повороты головы.

Галя просто расспрашивала о делах, а мне всё казалось это странным – когда же лечение-то начнётся. И тут я как будто очнулась – мы разговаривали уже не меньше получаса, а я ни разу не кашлянула. Вот так чудо! Домой я летела, как на крыльях. Вечером снова кашляла, но после третьего посещения Галиного кабинета – кашель исчез полностью.

Потом, как-то незаметно наши отношения переросли в дружеские. Галя жила уединённо, посвящая всю себя работе. Мои дети – Настя и Богдан стали для неё со временем, как собственные. Богдана с тех пор она стала звать Богемчик. Я много чему хотела бы научиться у Гали. Нет-нет, боже упаси, заниматься лечениями – здесь каждому своя дорога. Но вот – внимательности, терпеливости, умению концентрироваться на главном и держать под контролем второстепенное, а ещё – не нахлобучивать на свои плечи чужие заботы... В январе две тысячи первого мы с Серёжей уже обсуждали наши совместные жизненные планы, решив пожениться, и я собиралась переехать к нему в Алма-Ату.

Всё не решалась сказать об этом Гале. Мы настолько выросли друг в друга, что расставание было равносильно вырыванию корня.

Настроившись сообщить об отъезде одним из вечеров, я тянула с разговором, уводя в болтовню о чём-то незначительно, а когда столкнулись взглядами, Галя первая произнесла:

- Ты уезжаешь?

Я не знала, куда спрятать глаза, но Галя приобняла меня и сказала:

- Я тоже уезжаю. Сначала в Новосибирск, а потом, наверное, навсегда – в Питер.

Мы хлюпали носами. Но порхающая легкость сидела на правом плече. Корни вырубать не пришлось. Деревья из сплетённого корня начали расти в разные стороны.

14 января 2011. Химия

Вечером, накануне четырнадцатого января, Раиса Алексеевна предложила:

- Сегодня же старый Новый год! Давай встретим его?

Я даже обрадовалась. Завтра моя первая химия, а сегодня праздник. В 23.50 Раиса Алексеевна зажгла свечи, я налила в бокалы клюквенный морс, и Раиса загадочно произнесла:

- Пусть всё, что случилось с нами, будет нам под силу преодолеть! Пусть этот Старый Новый год заберёт всё старое и даст всё новое!

- Ура! – выжимая улыбку, шёпотом прокричала я, Раиса подхватила.

И после небольшой нелепой паузы, предложила – ...А у меня есть новогодняя песенка...

После Раиса Алексеевна читала стихи. Мы наполнили стены воздухом нового, мешая его с неизведанным. Стали едиными в нашем полупшепоте и покаяниях друг другу. Мы стали родными. Нас объединила не кровь, а три буквы, которые там, в обычной жизни люди произносят с опаской. Мы теперь жили с этим, осознавая, что что-то произошло и уже ничего изменить нельзя.

Раиса Алексеевна уже много лет была на пенсии. А до пенсии она занимала высокую руководящую должность в горисполкоме. Подтянутость, поставленный голос, царские повороты головы выдавали в этой хрупкой фигурке былую силу. В свои восемьдесят четыре она выглядела очень даже неплохо.

- Я на всю больницу, наверное, самая старая... – смеялась, искрясь тонкими морщинками уголков глаз, Раиса Алексеевна, – Меня ведь и положили-то сюда только потому, что я что-то когда-то значила. Нужные люди позвонили... А так..., – она вздохнула, – Была бы простой смертной, меня бы и слушать не стали. Лечись, мол, дома.

Раиса Алексеевна рассказала о своей насыщенной интересной жизни, о перипетиях, нелепостях и промахах. Она сама первой задала вопрос, который мучил и меня: как это могло произойти, что послужило толчком к развитию болезни?

Внешняя проблема её была связана с сыном:

- Когда Лёшка был маленький, я боялась упустить возможность повышения по служебной лестнице. Лёшеньке выделили место в интернате. Он там находился по неделям, а на выходные я забирала его домой. А как в школу пошёл – всё-таки уже стал самостоятельным, и жил дома. Но у меня то командировки, то пленумы, то собрания... Упустила я его. Как-то пришлось краснеть перед начальником ГОВД, когда отмазывала сына, замешанного в грабеже. А потом, в перестройку, перед тем, как деньги «обрушились», на него вышел один мошенник, и сунул ему на хранение дипломат с большими деньгами, с очень большими... А в тот день, когда можно было ещё что-то обменять, Лёшу начали вызывать в милицию, на допросы. Ох, и натерпелись мы тогда... И на меня угрозы сыпались, и Алексею пришлось скрываться. А что мне, как матери, делать? Я его скрывала, конечно... Всем говорила, что мы с сыном разругались и, что знать не знаю, где он... Может, за это предательство я и пострадала, а? Как думаешь?...

Что я могла ответить? Откуда мне было знать, что стало причиной оживления этой злобной клетки, которая, говорят, есть в каждом человеке.

Мы все там находились в терзаниях, будто рассматривали свою жизнь под лупой. Была ли у нас раньше возможность вот так, с пристрастием, посмотреть на свою жизнь, свои поступки? Каждый человек занят заботами дня, растрачивая себя, свои силы на вялотекущие события, на празднования юбилеев родственников и друзей, на работу, заботу, ругань и ссоры, на никчемные выяснения отношений, на проблемы, которые загружаем в себя по горло. «Надо работать до шести, а не до смерти», – смеется мой Серёжка, сам же часенько задерживаясь допоздна, а выходные проводя за компьютером.

Компьютеры стали нашим бичом и нашим болотом, засасывающим, поглощающим всё время. Уже несколько лет мы сидим за экранами в разных комнатах одной квартиры, общаясь сообщениями, типа:

- Может, поужинаем?

- А кто готовить пойдёт?

- Ну, я пошла...

- Сейчас, я тут кое-что закончу и приду – помогу...

А после ужина – снова утыкаемся в экраны. Сергей даже спать ложится с айпадом...

Утром Раиса Алексеевна уже успела сходить на прогулку, когда я только что проснулась, удивлённая тем, что в этой больнице не будят по утрам включением света, измерением температуры.

Даже верхнюю одежду разрешено оставлять здесь же в палате, в специальном шкафчике. В любое время можно пойти прогуляться на улице. А ещё в углу палаты стоял обеденный стол, на нём электрочайник, цветные коробочки со вкусностями. Я только утром вспомнила вчерашнюю фразу Раисы:

- Ты сегодня наедайся вдосталь, а то с завтрашнего дня кусок в рот не полезет...

- Проснулась, красавица? Ну, как тебе спалось на новом месте, что снилось?
- доброжелательность Раисы была беспредельной.

Она своим присутствием приносила свет и обволакивала заботой.

- Давай твоё покрывало – я место в процедурном займу.

- ...зачем?

- Ну... Тебе же сегодня будут химию вливать? Или врач тебе не сказала?

- А разве не в палате?

- Не-ет, ты что! Вливают в процедурном. Там всего восемь кушеток. Поэтому, кому хочется быстрее – очередь с вечера занимают. Это чтобы удобнее медсестре было – все под надзором. А уж совсем лежачим – в палате.

В коридоре слышался голос медсестры, призывающий на анализ крови и перечисляющий фамилии, и моя была названа в общем числе.

- Ну вот, иди, сдавай – ты же не успела ещё воды попить?... И заодно спроси у Жанны – это медсестра сегодняшняя, будут тебя сегодня химичить или нет...

Все возникающие вопросы я могла теперь задать Раисе. Её профессиональные навыки позволили и здесь занять положение «над схваткой», зная, кто сегодня дежурит, что будут давать в столовой, как кого зовут из тяжёлых больных...

Погодя, уже после завтрака зашла Бану Ануаровна:

- Анна, вы примерно в одиннадцать часов ложитесь на процедуру. У вас очень долгое вливание будет, поэтому обязателен памперс.

- А что ещё с собой надо иметь?

- Больше ничего... Ну, разве что перед этим не желательно кушать и пить воду... Не переживайте, я буду заходить к вам.

Потом я сбросила сообщения Серёжке, Насте, Богдану и Гале.

Перед определением в химиотерапию мы договорились постоянно быть на связи с Галей. Она провела заочное обучение всех моих близких – что нужно делать, как мне помочь на расстоянии перенести легче химиотерапию. В

назначенный час они, но каждый на своём рабочем месте, должны были начать дышать вместе со мной, помогая лекарству быстро распределиться по отведённым каждому фрагменту организма, и также быстро и аккуратно про-
чистить чистой водой и чистыми мыслями этот орган так, чтобы вода радостно пузырилась и светилась. На Гале было самое сложное – печень.

Я настроилась читать и слушать приятную музыку. Специально загрузила записи хоровых песнопений духовной капеллы моей знакомой из Литвы Лидии, и песни моих друзей.

Вливающаяся в меня жидкость через два часа стала вносить свои коррективы. Примерно через час я поняла, что не могу слушать музыку и читать не могу – буквы съезжаются и разъезжаются. Потом стало подниматься давление, закладывать уши. Я сообщила об этом зашедшей Бану.

- Надо вытерпеть, – строго взглянула она, поправила моё покрывало и вышла.

Рядом лежали такие же, как я. Различие наше было только во времени вливания. Из коротких перебрасываний фразами больных я немного начала просвещаться. Красную жидкость, или как её называли «красная шапочка», вливали тем, у кого проблема с молочкой и лёгкими. Быстро – максимум полчасика, и – в палату. Были и те, кому вливали всего один флакон, но очень медленно. В основном же приходили на промывку – это уже те, кого откапали химией в предыдущие дни, теперь им нужно было вымывать специальными растворами поступившую в организм химический спасительный яд. Тоже недолго – по полчасика.

Я чувствовала, что мой мозг разжижается, разъезжается, стало трудно сообщать. Музыка раздражала наушником ушную раковину. Голова кружилась.

- Надо вытерпеть...– начала приказывать себе я, – Надо вытерпеть...

Как в тумане прошли последующие четыре часа. Открывая глаза, я видела сменяющихся женщин, мелькающие их халаты, и потолок.

Сквозь потолок, казалось, видно небо и всю мою прошлую жизнь – урывками, фрагментами, эпизодами... Уже стемнело за окном. Уже я лежала в процедурном одна. Периодически заглядывала Раиса Алексеевна, спрашивала, чем помочь. Бану Ануаровна зашла в последний раз, когда мне поставили в капельницу пятый флакон. Сказала, что основное позади.

Уже вечером пропустили Настю. В процедурный посторонним запрещено заходить. Но её впустили, ведь уже всё равно никого здесь не было, кроме меня. Я не могла ничего произнести. Боялась испугать дочь своим видом и понимала, что ничего не могу сделать, ничего не могу сказать, ничего не могу изменить, ничего не могу скрыть. Сильно кружилась голова. Слезы текли из глаз тихо и у меня, и у Насти.

Когда прокапали последнюю дозу, Настя помогла мне подняться. Голова не слушалась, стены плыли, ноги путались...

В палате был Богдан. Он тихонько разговаривал с Раисой Алексеевной...

Так закончился мой первый день другой жизни.

Ночью кружилась голова, мысли путались, но какими-то островками выплывали образы – детей, мужа, друзей... Странно, но среди образов не было ни сестёр, ни матери. Отдельно, в стороне стоял папа. Он смотрел мне прямо в глаза. А потом остановился поезд, и папа запрыгнул в него... В какой-то момент мне казалось, что я тоже иду к этому поезду, но потом открывались глаза... Я слышала лёгкое посапывание Раисы Алексеевны и снова катилась вслед за головокружением.

До рассвета думалось о разном – о том, что уже многое в этой жизни узнала. Да и дети выросли. Жаль, что Серёжке я не родила сына... Но нашими общими детьми стали песни, которые уже в жизни с Серёжкой обрели слушателя. Он подхватил наше общее дело. И даже в последнее время стал чувствовать уверенность в том, что мы делали. Он активно продолжал вести вечера с бардами. Поэтому я успокоилась – мой уход не станет предельно тяжёлым... Но где-то глубоко-глубоко я думала: «Ещё вот это не доделала, вот это не до-

сказала, вот это, то... Потому и просила высшие силы – оставить мне ещё жизнь, чтобы завершить, доделать, ещё что-то досказать детям, Серёжке».

На второй день после химии Раиса Алексеевна заняла мне место в процедурном на промывку. Промывкой здесь называют капельницы с физраствором, витаминами, а кому-то и с препаратами, поддерживающими работу сердца и других органов – по показаниям. Процедура длится недолго – тридцать, сорок минут. У меня очень сильно кружилась голова и лежать столько времени на спине я просто не смогла бы, поэтому оттягивала поход на промывку до последнего. Пришла врач.

- Ну, что, первый шаг сделали. Теперь надо набраться сил, чтобы выдержать воздействие препарата. Платина очень токсична, поэтому нужно делать всё, чтобы она быстрее высвобождалась из организма. После промывки придёт тошнота, но чтобы сгладить её, я назначила вам соответствующие лекарства. Сегодня вам их введут вместе с капельницей на промывке, а после, уже дома, будете принимать этот препарат в таблетках, – и протянула мне записанное на листке название препарата.

- Да, и ещё... заведите блокнот. Записывайте всё, что получаете... И не удивляйтесь, что немного память будет подводить, это тоже воздействие платины, ведь костный мозг страдает в первую очередь.

Мне было и тревожно за результат, и одновременно, я испытывала заботу моего врача, вселяющего уверенность. Когда я смотрела на неё, такую молоденькую, в первую нашу встречу, меня брала досада, что такой неопытный специалист будет вести мою историю болезни. Но теперь я испытывала уважение к ней и предельное доверие.

- Анна, что вас сейчас беспокоит? – спросила Бану Ануаровна.

- Голова кружится, ... тяжелые ощущения в правом боку...

И я перечисляла все симптомы, которыми, как в горн, трубил мой организм. Бану внимательно слушала и объясняла – почему происходит то или иное...

- Завтра утром сдадите кровь на эритроциты, посмотрим картину крови... А сейчас соберитесь и надо принять промывку. Можно лежать во время процедуры на боку – насколько это возможно...

В процедурном кабинете сегодня никого не химичили, всех только промывали. Женщины изредка переговаривались – тихо, почти шёпотом. И эту тишину прервал вопль молодой девушки, которую положили на боковую кушетку:

- Чего вы так неосторожно! Мне же больно...

Она истерично вопила. Искажённое болью лицо сморщилось, как у старушки. Сузившиеся закрытые глаза будто втянулись под брови, остренький нос стал совсем маленьким, а оскаливший зубы рот ещё долго был беззвучно открытым. Медсестра обходительно и предельно вежливо попыталась успокоить больную:

- Я вижу, Мира, что у вас ушли вены. Давайте попробуем вставить катетер, ведь у вас ещё три дня промывки – это будет куда лучше, чем каждый раз искать вену.

Мира закрыла лицо свободной рукой, всхлипнула, выдержала паузу и кивнула головой.

Мира – самая молодая из всех пациентов. Её худая смуглая фигурка вызывала у меня щемление, и я, сглотнув то, что можно было собрать в сухом рту, отвернулась, чтобы никто не увидел слёз. Было жалко её, было жалко себя, было жалко всех женщин, которые здесь сейчас лежали на кушетках и смотрели в потолок, где каждая видела или воображала что-то своё, где по прожженным химией венам вливали промывку, чтобы оставить организму надежду на какой-то отрезок жизни.

Мне казалось – я вижу сквозь белёный потолок облака своего детства, свою юность, когда я была такой же, как Мира. Тогда было всё впереди, и я даже не задумывалась над тем, что всё может как-то так повернуться, что уже что-то в мой сценарий жизни не впишется. Когда приходили заболевания, была уверенность, что это пройдёт. А теперь все вокруг тебе говорят, а если не

слышишь, показывают — здесь ты совсем рядом с другим миром, куда всего несколько шагов. И тяжёлая фраза одной из больных «это никогда не пройдёт» вызывала страх.

Немного позже, пока санитарка мыла полы в палате, я вышла в коридор, где на кушетке, обняв ноги худыми руками, сидела Мира. Я села рядом.

Мира первая начала:

- Меня Мира зовут... А я видела — вас вчера химичили, и как вы по коридору еле шли. Это вам дочка помогала? Как вы сейчас?

Она выпаливала вопросы, и было видно, что её немного трясёт и, может, от этого она пытается быстро говорить.

- Да...пойдёт...А ты здесь давно?

- У меня уже восьмая химия...Я уже здесь, как прописанная...

Мира помолчала, глядя в пол, а потом, совсем неожиданно, быстро и уверенно сказала:

- А меня сегодня парень бросил...

Она посмотрела куда-то сквозь меня, на секунду замерла, а потом добавила:

- Ничего! Я здесь не одна такая... Не у всех мужья-то выдерживают. А он мне говорит — «прости, ты уже почти год болеешь, а мне родители говорят, что надо искать невесту здоровую»... А у вас есть муж?

Я кивнула, а она продолжила и уже не обрывочное прощупывание, а свой рассказ. Здесь ведь у каждого — своя история.

- Рак...— она посмотрела на меня, — А вы уже привыкли к этому слову?

- Наверное, ещё пока нет...

- Ничего, и к этому можно привыкнуть! И ... — Мира погладила себя по лысой голове, — к этому тоже... У меня случайно его обнаружили. Ещё в школе был гастрит — а у кого его нет, — улыбалась она, — А потом, уже в конце года как-то внезапно начала худеть, думала, что просто конец учёбы, нервы, зачёты, экзамены, анау-мынау... и вначале даже обрадовалась, — о! классно, накануне лета! — это же здорово, можно будет на море перед подружками по-

выпендриваться.... Хотелось купаться вот так, чтобы на всю жизнь... И я купальник такой классный купила! Но куда-то силы стали пропадать. А потом появились какие-то боли в желудке. Пошла кишку глотать...а они мне говорят – эмэртэ надо сделать, онкомаркёр надо сдать...Ну, и закрутилось... Мира опустила ноги с кушетки и как-то неестественно пережала пальцами рук живот. У неё почти вся талия уместилась в обхвате пальцев.

- Тебе может трудно об этом говорить? – спросила я.

- Не-етт...Если честно, мне наоборот, хочется выговориться...Я, простите, что вам на уши присела...Просто вот вы, кажется, можете выслушать...Ой, чё-то я разболталась...А у вас дочка красивая. И там парень вчера был – это её муж?

- Это мой сын...

- А я вот теперь и не знаю – будут мне делать операцию или нет?!

- А почему не сделали до сих пор?

- Вначале говорили, что опухоль нужно собрать... А потом, после четырёх курсов химии сделали эмэртэ и решили, что надо ещё химичить...Вот уже восьмой курс. Говорят, что процесс приостановился...

В конце длинного коридора показалась санитарка из столовой, она заглядывала в палаты и, по приближении к нам, слышали её слова:

- На ужин! Девушки, женщины, – на ужин...

Меня начало мутить от одной мысли о еде, я закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Из нашей палаты выглянула Раиса Алексеевна:

- Анечка...вы здесь?! На ужин пойдём?

- Нет, Раиса Алексеевна, я не пойду...

- Ну, давай, я возьму тебе, а если попозже тебе захочется поесть – разогрею в микроволновке...

Я с трудом сдержала себя, зажала рот, чтобы из меня нечаянно не сфонтанировало содержимое меня же, и быстро пошла в сторону туалета. Я чувствовала, как Мира и Раиса Алексеевна смотрят мне вслед...

Всю ночь там и просидела.

Сильно болела печень. Я теперь чётко знала – где она находится, и даже могла ощупать её контуры. В два часа ночи, когда уже совсем было невозможно терпеть – написала сообщение Гале в Питер. Галя, как будто ждала, и ответила сразу. Мы переписывались часа три. Она сообщала мне, что нужно сделать, чтобы убрать боль. Легче всего становилось, когда я представляла, что «беру» свою печень в руки и прополаскиваю её в проточной прохладной воде. А когда я вставляла её на место, нужно было её немного согреть. На батарее туалета я грела небольшое полотенце и прикладывала на подреберье. Со всем уже под утро, измождённая, трясущаяся, поплелась в палату. Раиса Алексеевна спала, свернувшись калачиком – «как ребёнок», подумала я. Мне бы тоже вот так свернуться, но не давал это сделать бандаж, который нужно было носить после операции ещё минимум пять месяцев.

Часа через два в палату заглянула санитарка и, увидев, что мы ещё спим, или делаем вид, что спим – тихо прикрыла дверь.

Эта больница меня ещё раз удивила деликатностью персонала. Ни в одной больнице ранее я не наблюдала подобного. Утро там везде начиналось с громкого включения света, звона градусников, гроыхания ведра моющей полы санитарки...

Здесь жила тишина. Она здесь полноправно жила. Может, потому что все, кто находились здесь – уже не совсем жили, а доживали. Глупая мысль. Но она, эта мысль, там приходила много раз. В воздухе, который тоже как будто перемещался на цыпочках по коридору, уводящему в палаты, кажущиеся такими одинаковыми, и мы в них все одинаковые, с одинаковой бедой, с одинаково лысыми головами, – царило спокойствие, и только изредка слышались то стоны, то крики.

Около девяти утра позвали на анализ крови. Раиса Алексеевна сказала, что если лейкоциты в анализе покажут «два», то домой не отпустят, будут поднимать уровень.

У меня сработала защита организма – анализ пришёл с желанной троечкой, а это значило, что завтра отпустят домой, и через двадцать дней – вторая химия.

Днём стало полегче, меньше тошнило, и как-то сами собой написались строчки текста, как молитва к небесам, как просьба: «Сегодня ангелы, слетались ангелы, Погоду лётную назначил Бог. И пели ангельски, смущаясь, ангелы, И подпевали мы им, кто как мог. Мы подпевали им, лежали ровненько, В нас капли капельниц смывали смерть. Пой, ангел, родненький. Пой, ангел, родненький, Ведь ты же знаешь «что» сегодня петь. Ведь ты же знаешь, как сказать Всевышнему! На самом краешке надежды свят Твой голос ангельский, твой образ нынешний, Мой, полный веры и доверья, взгляд. Сил петь уж не было. Лежали ровненько. Сквозь потолок могли на небеса смотреть... Пой, ангел, родненький. Пой, ангел, родненький, Ведь ты же знаешь «что» сегодня петь».

А дома уже случилась и музыка к этому тексту, и я записала песню под гитару.

Пришла на вторую химию. Уже лысая. На голову креативненько намотала тонкий палантин, и выглядело это очень даже мило. Дала самой себе слово – не буду унижаться до хождения в халате! Как бы себя не чувствовала – обязана следить за лицом, за руками.

Зашла в палату уже, как «бывалая», знакомимся. На этот раз нас в палате четверо. Вечером соседка по кровати Вера говорит:

- Ой, девчонки, я вам сейчас прочитаю одно стихотворение, оно про нас написано, и говорят, что такая же, как мы, его написала...

И читает мой текст. Так выразительно читает, что у меня ком к горлу подкатил, и вижу – соседки плачут. Я после призналась:

- Это уже не стихотворение...это песня, – и поставила им запись в телефоне.

После второй химии из больницы забирал Серёжка.

На улице свежий воздух как будто обрадовался мне, а я ему. Он попытался залезть под маску, которую теперь нужно было носить на улице и во всех людных местах, и я слегка приспустила маску с носа, но запаха не почувствовала и глаза наполнились слезами. Сергей взял меня под руку, и мы молча побрели по скользкому тротуару, через дорогу – ловить такси. На противоположной стороне дороги, на углу, около низенького здания красовалась огромная вывеска с надписью «РАСПРОДАЖА. НОВОГОДНИЕ СКИДКИ». Казалось бы – обычная надпись, но она была размещена на здании похоронного бюро. Хватило сил рассмеяться в голос. Вот уж, действительно, казусы жизни, её нелепости и абсурд, и её игра с нами.

6 ноября 2012. В Германию

После второго курса химии, Юлька вместе с родителями приняли решение продолжить лечение в Германии.

Уже купили билеты. Забрали выписки из больницы, которые почему-то не хотели отдавать. Юлька поехала по делам на работу и, возвращаясь, выходя из трамвая, почувствовала, как что-то хрустнуло в бедре. Еле дохромала до дома, откуда вызвали скорую помощь. Рентген показал – перелом шейки бедра.

Началась какая-то внутренняя паника. Как у тридцатитрёхлетней девушки на ровном месте мог произойти перелом шейки бедра? Что делать с поездкой?

.....

После последней записи долго не могла продолжать. То, что произошло у Юльки, и воспоминания о химии оказались настолько тяжёлыми, что не хватало сил записывать ещё что-то. Как будто события жизни давят сверху, а ты барахтаешься в воде, выныриваешь, чтобы набрать воздух, а его всё равно не хватает.

Воспоминания будто начали управлять мною – накатывала тошнота такая же, как после процедур промывки, пропал аппетит, появилась слабость и даже потеря в весе.

Юльке написала простое письмо.

«С твоим папой передала мусульманские шапочки, несмотря на то, что по телефону Марина сказала, что волосы у тебя не выпали. Шапочки пригодятся – они прикольные, можно и просто так носить. А ещё мне передали, что ты держишься очень даже хорошо – после первой химии продолжила ходить на работу. Что сказать – молодец!»

А потом пришло сообщение, что после второй химии Юльке провели обследование, и в операции отказали. Подтвердили четвёртую стадию, неоперабельную. Да ещё началась желтуха от лекарств, и я немного растерялась – до моих ли ей писем.

Марина и Лёнька стали собирать документы в Германию. Была надежда, что там смогут помочь. «Это обязано помочь», – думала я, – «ведь там медицина шагнула намного дальше. И было много подтверждений тому».

«Со мной во время химий лежала одна женщина – Наташа, телеведущая. Её даже не коснулось это слово – «лежала», потому, как ей прокапывали препараты, привезённые из Германии, а они очень сильно даже внешне отличались от наших ёмкостей с лекарствами. Так вот она после прокапывания тут же вставала и убегала делать очередной репортаж. Так что – давай, настраивайся на лучшее и – вперёд». Это я сказала Юльке по телефону.

Сейчас ей нужно слышать только положительное, позитивное. Кто знает, может, именно сила мысли сможет помочь установить защиту организма. Зачем Юльке, и Марине в том числе, знать, что метастазы в кости, которые обнаружили у Юльки, это уже начало конца. Но вдруг это ошибка? И вдруг там, в Германии, химия подействует чудесным образом, и очаг опухоли можно будет удалить?

Слово «вдруг» стало синонимом слову «надежда». Я часто слышала его внутри себя, и верила в его сказочную силу.

...Через два года после операции и шести курсов химий Наташа – та корреспондентка, телеведущая, о которой я говорила, вдруг почувствовала, что послеоперационный дискомфорт в кишечнике становится всё явственней. Обратилась в больницу, а там огорошили: – Рецидив на кишечник, опухоль неоперабельная.

Сначала Наташа струхнула. Потом, по совету сотрудников и влиятельных друзей, предложивших солидные суммы на лечение, обратилась в одну из клиник Германии. Там её прооперировали и назначили курс химиотерапии. С большим трудом получилось выкупить и вывезти в Казахстан лекарства, с которыми Наташа приходила на процедуры.

Я очень вдохновилась рассказом Наташи. А теперь, узнав, что у Юльки есть эта возможность – надеялась, что всё непременно принесёт хороший результат.

А тут этот перелом шейки бедра...

Но уже на руках билеты в Германию, и главное – там надежда, а в Томске – отказ. И, самое страшное: при подготовке документов в Германию выдали выписку, а там открытым текстом написано – «St IV – четвёртая стадия, der ip...– метастазы в кость».

«Сейчас, когда я пишу эти строчки, ты уже в Германии. И Марина рассказывала, что ты даже умудряешься между процедурами знакомиться с достопримечательностями города! Молодчинка! Напиши – что видела, где была? Тебе в этой жизни ещё многое надо увидеть и сделать, поэтому насыщайся впечатлениями и обязательно описывай их. Бог видит, как ты умеешь наслаждаться жизнью. А он любит каждого, даже самого грешного человека, и всякого простит, кто не доверял ему и просит прощения. Верь! Я тоже хотела бы побывать в Германии...».

Написала последнюю строчку, а сама подумала – «только не по больничным поводам».

«Знаешь, я не верю в Бога. Точнее, воспитана, как атеистка, хотя меня маленькую крестили. Мне трудно даже представить, что какие-то сверхъестественные силы могут помочь. Поймала себя на том, что пытаюсь с кем-то мысленно разговаривать... Может, это и есть Бог?...».

По мне друзья заказывали сорокоусты. Много где – в разных городах Казахстана, в разных городах России, и в Литве, и в Израиле, и в Германии, и в Канаде, и на Украине... И мне верилось – мне силу это даёт.

Михаил и Ольга Солнцевы летом отправились в путешествие по Золотому кольцу, и в каждой церкви ставили свечи за здоровье близких, и моё в том числе. Ольга привезла мне из Углича иконку Божьей Матери, и я от неё такую силу почувствовала – будто сила с этой иконы сошла, и меня, словно мать родная обняла... Почувствовала – под защитой я, под крылом её.

А ещё Галя моя придумала такую полуигру: на футболке со стороны спины распечатала эмблему нашего бардовского проекта «Наш Остров», а с другой стороны стала вывязывать узелки-обереги.

- Узелков этих должна быть тысяча, не меньше, – сказала она мне по телефону, – И вывязать их должны все твои друзья, кто желает тебе здоровья.

- Да, как же это возможно? Тысяча?! – удивлялась я.

А Галя в апреле поехала в Усть-Каменогорск, и оттуда – к нам, в Алма-Ату. Привезла эту футболку, на которой уже было вывязано больше половины узелков.

- Это твои друзья из Усть-Каменогорска постарались! – сказала Галя, протягивая мягкую, пышущую энергией здоровья драгоценную одежду, – Представляешь, сколько людей хотят, чтобы ты выздоровела!

Это был тот переломный период, когда я уже, казалось, не смогу больше принять процедуры химии. Тогда оставалась ещё одна – шестая. Но уже на четвёртой химии, прямо во время вливания, меня начало тошнить и полос-

кать. Это вытерпеть уже было невыносимо. Организм бунтовал, отторгал то, что называлось спасением. «Какое же это спасение», – думала я, – «если я могу просто этого не выдержать?». Температура, печёночная боль, отторжение всего, даже воды, невозможность шевелиться, открывать глаза, и тем более думать...

«Если я буду овощем – я не хочу так жить», – истерила я в минуты просветления. – «Я не могу видеть, как мучается Серёжка, как мучаются мои дети, которые не знают – чем мне помочь...» – выла я то ли луне, то ли Богу, когда оставалась одна.

Спасение пришло, как насильное, навязанное втягивание меня в жизнь. Позвонил друг из Питера – Слава Коваль. Сказал, что проездом на Байконур будет у нас, и что было бы здорово организовать ему концерт.

Как объяснить человеку на другом конце провода, что я – это уже не я, и пообещала перезвонить...

У меня всё бунтовало внутри – неужели не найдётся больше никого, кто мог бы провести этот концерт? Обзвонила нескольких человек – отказались.

- Ну, ты же знаешь, что аренда высокая, билетами мы не отобьём...

Или отказ звучал так:

- Ой, что ты, его ведь в нашем регионе не знают. Нужна хорошая рекламная компания, а откуда средства – он ведь сам не будет вкладываться...

На риски подобного рода шли только мы с Серёжкой.

- Вот ненормальные! – слышалось от друзей, которые всё-таки покупали билеты, чтобы хоть чем-то помочь нам, вкладывающимся в местных и иногородних музыкантов по полной.

В нашем мире взаимодействия между людьми держатся исключительно на обмене. Мы обмениваемся взглядами, адресами, делами, энергией и деньгами. Мы меняем внешнее вместо того, чтобы менять внутреннее отношение к предметам, вещам. Кабала внешней зависимости определяет степень наших взаимодействий. Вот бы наоборот: человек жил, чтобы находить свои внут-

рение недочёты и менять их на рост, выискивая предпочтения для совершенствования. Тогда жизнь не казалась бы рутиной, и отсутствовали возгласы «тебе хорошо – ты так интересно живёшь», так как это было бы нормой.

И потому я решила провести концерт Славы. Провести, и всё тут – не во что бы то ни стало, а просто занять себя делом. Цель была как у прежних организаций гастролей – познакомить публику с интересным автором, с его богатым внутренним миром – а вдруг да кто-нибудь что-нибудь в себе, благодаря этой встрече, откроет, и изменит к лучшему.

И тут же шло внутреннее бунтарство – «а если сил, физических сил не хватит, и отказаться уже не будет времени?!». И тут же предложение Сергея:

- А если ты просто всё подготовишь для рекламной компании, напишешь сценарий, а кто-нибудь проведёт?

- Или всё, или ничего! – закрыла тему я.

Оправдание «другой меня» было в следующем: за неимением опыта, никто не проведёт так, как провёл бы человек, знакомый с автором, или «пронёсший» его творчество через себя, через анализ его песен. Такая наглая уверенность о проведении концертов для самых разных авторов во мне уже утвердилась много лет назад. И я осознавала, что это грех – думать так, возвышаясь над возможностями других людей. Но жизнь утверждала обратное – не кому больше.

- Это же делается не для заработка, – пытался убеждать меня Серёжка на заре проведения наших концертов, не согласную с таким меценатством.

- Как ты не понимаешь, люди наверняка думают, что раз мы выплачиваем им гонорар, значит, и оставляем немало у себя.

- Но есть простая здравая арифметика... И не бери на себя миссию думать за других... А если они так думают, это их проблемы. Это же когда-нибудь станет понятным, что именно обогащает людей, а нам сторицей вернётся.

Я не соглашалась, но продолжала вести вечера, комплектовать программы, и – надеялась, что когда-нибудь те, кто показывают свои программы, будут

помогать нам в элементарном – сборе публики. Но шли годы, и этого не происходило. Весть о нашем Острове разлетелась далеко за пределы республики, и, наслышанные о том, что мы организуем программы и исправно выплачиваем гонорары, авторы звонили, писали теперь уже из городов России, предлагая себя в качестве выступающих.

Со Славой мы познакомились в две тысячи пятом году на Томском фестивале «Бабье лето».

В палаточном лагере организаторов для всех приглашенных были установлены добротные высокие палатки. Ночи начала сентября в Томске уже приближались к нулевой температуре. Я, зная, как переношу холод, захватила с собой из дома спальник, и к выданному организаторами спальнику – мой дополнительный оказался кстати. А ещё – нас в палатке поселили двоих. Моей соседкой оказалась Яна Симонович. Яна приехала из Германии, и её творчество меня изумило женственностью, какой-то нежной трогательностью. Перед отправкой ко сну все долго грелись у костра, готовые не спать вообще, чтобы не стучать от холода зубами в своих «комфортабельных» палатках. Уже и петь, и играть даже около костра было невозможно – замерзали пальцы. Мы молча сидели и смотрели на отдающее тепло пламя, и не расходились, пока сон не подбирался совсем близко...

На утро, когда пригревало солнышко – самое время немного спокойно поспать, – но нужно было идти на прослушивание. Мой статус ещё пока не позволял активно принимать участие в прослушивании, и я присоединилась послушать как ведут мастер-класс Слава и автор из Перми Гриша. Это было поучительно. Теперь уже, по прошествии лет, я жалею, что в те моменты не проявила инициативу, не пошла вслед за здравой логикой. Чего-то стеснялась, в какие-то разговоры не встревала, и что-то упустила, что-то пропустила. А может это называется словом «становление»? И моё неучастие в том, что уже, на мой взгляд, как-то устроено, было моей дорогой познания – там, на чужой территории.

И совсем другой я была «на своей территории». Здесь был мной организованный проект, здесь мне был знаком каждый взгляд, каждый жест и каждый камень.

Март 2002. «Наш Остров»

По приезду в Алма-Ату уже на постоянное место жительства, мне, выпавшей из гнезда областного устькаменогорского клуба, было в недоброе удивление видеть, как на алматинском концерте авторы-участники приходят к выступлению впритык. Они, практически, не общаются друг с другом, искусственно отпуская любезности, отпевают свои две-три песни, зачехляют гитары и уходят, не слушая никого из соратников.

Мы с Сергеем посещали концерты, как слушатели и радовались, что мы – молодожёны, что дочь моя поступила в университет, что сын начинает обретать друзей, бренчать на гитаре и сочинять песни. И что уже взрослеющая дочь Сергея, тоже Аня, делает свои первые уверенные шаги в жизни.

Однажды мы поехали с бардами в пригородный лагерь на вылазку с ночёвкой. Днём все слонялись по окрестностям, а вечером собрались в заброшенном зале на попевки.

Там, в «Просветителе» – так назывался лагерь, мы познакомились с Геннадием Ивановым и его женой Алёной. Песни Гены отличались от остальных необычными музыкальными решениями. И с литературной точки зрения он показал нестандартное мышление, а это было для меня куда интереснее, нежели манера выверенных квадратов куплетно-припевной формы, которой пользовалось большинство. Мы договорились встретиться, попеть и, может быть, что-нибудь соорудить вместе.

Уже через неделю мы показывали друг другу наработанные годами, и Гена предложил сделать совместный концерт. Серёжка поддержал нас и проявил в высшей степени заинтересованность в том, чтобы помочь с организационными вопросами. Я посоветовала Геннадию воспользоваться моим опытом

написания постановочных концертов, рассказав ему, как всё это происходило раньше.

Это были программы только по моим песням, которые мне помогали озвучивать скрипач и альтист Антон Рубин и гитаристы-инструментальщики Филипп и Олег. Мы гастролировали по разным городам Казахстана и России, и самым большим нашим событием стали гастроли между Москвой и Петербургом. А позже я провела прослушивание в музыкальном училище и набрала талантливых ребят-студентов, среди которых были и начинающие авторы...

Спектакли – с декорациями, костюмами втягивали нас в творческую жизнь всё глубже и глубже. Кто-то после занятий, кто-то после работы – все торопились на встречу нашей труппы. И вскоре появились постоянные зрители, собравшие фан-группу, и журналисты, освещающие не только гастрольный график, но и будни. И однажды пришла студентка-выпускница с желанием написать дипломную работу по дизайну костюмов концертной одежды. Это был ещё один интересный опыт в копилку нашей жизни. Всё, что творилось в то время конца девяностых, стало для меня особенным, вобрав в себя всё, что я обрела до тех пор: умение писать песни, раскладывать их на музыкальные партии, писать сценарии, и конечно, заниматься организационными вопросами, и – выступать. О нас писали газеты, нас снимало телевидение, шли записи и интервью на радио. Мы жили интересной насыщенной творческой жизнью.

Геннадий слушал меня, просматривал фото и радовался, как ребёнок. Он, видимо, уже представил себя в роли гастролёра и согласился сделать вместе музыкальный спектакль. Я прослушала все песни Гены и слегка стушевалась. Нас всего двое. Для завязки минимального конфликта нужен третий или третья. Но это – только первое... Второе и самое главное для меня замешательство состояло в теме. Девяносто процентов песен Гены были о любви. Она у него, конечно, давала разные оттенки: любовь-радость, счастье, горе, разлу-

ка, мечта, тревога, неожиданность, верность, ложь, грань... Для меня эта тема в песнях была, мягко говоря, не пройденной и потому не реализованной. Только в тот момент я задумалась – почему я почти не пишу о любви. Сказать, что эта тема была тривиальной – нет. Сладость любви мне казалась чем-то надуманным. Иллюзия отношений не по мне. Если что-то происходило между людьми – это можно было объяснить законами физики, химии, биологии и анатомии, в конце концов. Но сюсюканья и другие нежности стали чем-то вроде мулеты для быка. И ещё: кроме любви вокруг столько тем! Это же поиск правды и лжи отношений, это смысл жизни, это – вера, становление, распознавание сути, природа страха, боли, дружбы и предательства, лицемерия, двуличия, зарождения чуда, взаимоотношений с детьми, воспитания добродетелей и уничтожения пороков.

Через неделю я показала первые наброски сценария. Геннадий одобрил его, и у нас начались репетиции. Но вскоре у меня произошёл драматургический стопор – конфликт придуманного сюжета вмещал троих персонажей. Изначально, третий персонаж был эфирным. Он присутствовал в тексте, но в реальности его не было. И я не могла найти разрешение конфликта.

Однажды на одном из кафешных концертов мы с Сергеем познакомились с удивительной жизнерадостной женщиной, любительницей бардовской песни Инной.

Программа концерта была вольная. Сергей договорился с организаторами, и мне позволили спеть две песни.

Инна сидела за столиком со своим братом – Славой. Оба они проявили неподдельный интерес к моим песням. Мы познакомились и обменялись адресами. А вскоре Инна попросилась на нашу репетицию с Геннадием, на которую пришла не одна, а вместе с другом, и тоже автором собственных песен – Гошей.

Услышав удивительный бархатный баритон Гоши, я поняла – кто будет третьим. А Гоша и не сопротивлялся. Так нас стало трое – Гена, Гоша и я.

Наш первый музыкальный спектакль стал большим началом проекта, который мы с Сергеем вскоре назвали «Наш Остров».

На репетициях мы отрабатывали мизансцены, окружая себя деталями, предметами и отношениями.

Инна в каждый свой приезд из командировок бежала к нам. Гоша и Гена, несмотря на то, что им приходилось тратить в пробках по часу, а то и более, на дорогу, чтобы добраться до нас, мчались на репетиции, и мы все вместе пребывали в состоянии особого творческого подъёма. Одновременно мы решили опробовать наши песни для спектакля и пригласили слушателей-добровольцев.

Первый вечер, который мы устроили в нашей квартире, собрал двенадцать человек. Я заранее продумала антураж, задрапировав стены и мебель голубой тканью, сделав кое-где подсветки.

Выступление прошло на отличном уровне. Появился и критик, предположивший недолговечность нашей задумки. Но так ли это было важно нам тогда – окрылённым, находящимся в творческом запале. Мы поняли, что это или подобное действие надо превратить в традицию. Вскоре желающих присутствовать на таких вечерах стало более тридцати человек, и однажды Сергей мне сказал:

- Давай арендуем зал в кафе, и будем проводить регулярные встречи.

К тому моменту мы познакомились с семьёй Солнцевых Миши и Ольги и, зная их деловые качества, предложили – продолжить всё это уже по-серьёзному вместе.

Гена к тому моменту занялся разводом, затем схождением со своей бывшей женой – и всё это растянулось на годы. За последующие десять лет я трижды вылавливала его и просила сделать программу. Гена соглашался – делал, и снова исчезал. Но мы с ним успели выпустить два музыкальных альбома, и даже мне удалось уговорить его официально зарегистрировать один альбом. Этим и закончилось – свидетельство о регистрации так и легло на полку.

Гоша очень любит петь, и готов был делать это без разбору в любом обществе, обласканный влюблёнными в него поклонницами. Ему льстила сама возможность публичного выступления. Меня настораживала некая его беспринципность в отношении творческого роста. Он мало работал над репертуаром, над своими песнями. Но вскоре я начала относиться к этому философски – невозможно объединить творческих людей, нельзя их приручить. Их можно только опекать, оберегать и продвигать.

Там, в декабре 2002 года, мы ещё не осознавали, что стоим у начала новой, наполненной событиями, дороги, с названием «Наш Остров». Он был, действительно остров наших планов, остров наших творческих амбиций, остров нашей жизни. Я с радостью раскрывала объятья всем поющим людям. И мне шли навстречу. Но все мы были разные: с разным уровнем подготовки, разными взглядами на жизнь. С кем-то наши дороги неминуемо расходились – это были, в основном те, кто застревал в своих звёздных желаниях, или не любил работать над собой и над тем, что предстояло проверять не аплодисментами аудитории, а видеть в глазах слушателей.

Но там, в декабре 2002 я уже ощутила быстротечность жизни.

Утром тринадцатого декабря позвонил знакомый бард – Павел Аксёнов и сообщил, что умер Насер Кульсариев.

- Он мне позвонил утром и сказал, что ночью закончил работу над музыкальной темой к новому проекту, и очень просил приехать. Но когда я приехал – звоню, звоню и на телефон и в дверь, а никто не открывает. Уже хотел уходить, но какая-то тревога... Позвонил Дине – жене Насера...и когда она приехала, обеспокоенная тем, что Насер был дома и никуда не собирался уходить, и телефоны не отвечают...

Пока вызывали спасателей – ключ был воткнут в замочную скважину изнутри, – пока с трудом выломали замок и еле открыли дверь – Насер лежал в узком проходе коридора около неё... Потом скажут – тромб оторвался...

В день похорон снег сыпал крупными хлопьями... Тысячная толпа находилась и внутри и около здания национального Театра. Он утопал в море цветов, море звуков мелодий, еле слышных в этой траурной тишине, в море людской любви.

Насера хоронили со всеми почестями, как шоумена, как композитора, как барда. С большого портрета смотрел улыбающийся парень, который когда-то, когда я только-только вливалась в бардовские круги Алма-Аты, во время моей репетиции у микрофона, прикрикнул на всех:

- Тихо!...Тихо, сказал! Она поёт...

Мы и пообщаться-то не успели.

И я поклялась себе, что обязательно проведу какое-то большое мероприятие, посвященное Насеру. Памяти о нём.

2006 год. Слёт имени Насера Кульсариева

Спустя четыре года я смогла осуществить это. Желание что-то эдакое посвятить Насеру было не только у одной меня. Однажды, после программы «Нашего Острова» мы возвращались гружёные, как всегда, аппаратурой, в тот раз нам помог один из поэтов Стефан Милович. Витала в воздухе идея концерта, посвященного Насеру, и он сказал, что с удовольствием бы помог организовать этот концерт. Но Стефан вскоре уехал жить в Венгрию. А я занялась поиском произведений Насера. И с досадой выяснила, что записанных его бардовских вещей практически не осталось. На видеокассетах, которые передала мне Дина – жена Насера, были записи его спектакля, рок-балета, а песни приходилось выискивать по одной – из записей разных концертов. Насер очень любил своих друзей, и в программах чаще с удовольствием озвучивал их песни. А свои... Может, он просто не успел их записать?...

Позвонила одна из моих учениц и предложила встретиться. У неё наметилось ко мне деловое предложение. На встрече она познакомила меня с представи-

тельницей из Кыргызстана, которая, как заинтересованное лицо в продвижении отдыха на Иссык-Куле, озвучила своё желание:

- Мне порекомендовали вас, как организатора фестивалей. Мы готовы идти на расходы для того, чтобы провести фестиваль бардовской песни у нас на побережье, и чтобы этот фестиваль получил популярность, как большие фестивали мира...

И тут у меня, как щелчок, сработало:

- Насер очень любил Иссык-Куль... Вот бы там провести фестиваль его имени.

Лидия – представительница переговоров – встретила это предложение не очень доброжелательно.

- У нас достаточно своих киргизских национальных героев!

- Ну, что ж, в таком случае, зачем вам я? Вы можете пригласить из организаторов кого угодно из своей республики...

- Вы меня не поняли... Если бы мы это хотели сделать, уже бы и сделали...

- Ну, а раз вам интересен приток туристов из Казахстана и других стран, тогда вы должны пойти на наши условия...

В тот момент я ещё не предполагала, что нам с Серёжкой придётся разгребать не только кучу проблем, связанных с подготовкой фестиваля на «чужой» территории, но и предстояло вложиться по самую ма/кушку, чтобы взять на себя полностью все расходы по слёту, а соседи-«напарники» будут продвигать свои идеи, увлечённые цветными революциями и просто не сдержат обещаний.

Но помогало имя Насера. Оно стало путеводной звездой. Обозначив форму, как Слёт, мы с Серёжей оградили себя от конкурсов. За дни слёта в общей сложности провели семь концертов, организовали мастер-классы. Это были показательные концерты. Это были поучительные мастер-классы. Это запомнилось надолго. Это стало тем, что мы хотели сказать в память о Насере.

Тогда нами с Сергеем были приглашены москвичи-барды – Алексей Иващенко, Ирина Алексеева, томич Константин Мыльцев, питерец Алексей Брунов и устькаменогорцы Евгений Зинин и Валерий Чечин.

Слёт получился масштабным. Прошли три концерта в Алматы, и на нескольких автобусах мы выехали на иссыккульскую базу, где ещё три дня концертов-мастерклассов-общений. Основную работу по прослушиванию взяли на себя Костя Мыльцев и Женья Зинин. Они отслушали песни большинства авторов, что-то советуя, рекомендуя. Надо сказать, что до этого периода алмаатинские авторы вообще неохотно куда-либо выезжали. До Иссык-Куля всего восемь часов езды, и то – с напряжением отрывались от своего города. На отдых – да, а для выступлений никто не хотел брать на себя организацию поездки. Не понять было многим в то время, что российские барды – на каждые выходные лета куда-то вырываются только за тем, чтобы других послушать. И вот теперь уже, с радостью для себя, отмечаю – мы положили начало массовых поездок алмаатинцев на всевозможные фестивали.

А тогда Марина и Лёнька Бережные на заключительном концерте на Иссык-Куле должны были исполнять песню, которую они написали вместе с Марго. А то, что должно было произойти во время песни, знали только четыре-пять человек, организаторов этого концерта, ну и я, конечно, как придумавшая всё это по сценарию. Ребят – Марину, Леонида и Марго я предупредила, почти приказывая:

– Что бы не происходило во время вашего пения, пойте и не останавливайтесь!

И вот поют они песню об Иссык-Куле, а задник сцены начинает медленно открываться... Все-то думали, что там глухая стена, а там – Иссык-Куль, и не нарисованная картина, а реальное море, отделённое от зала только этой стеной, которая сейчас медленно развигалась, и голуби вдоль полетели... Красотища! Слушатели, все до одного, ахая, вставать начали. И даже те, кто за кулисами были – не удержались, почти сюда же на сцену вышли. А ребята –

Марина, Лёнька и Марго поют и не оборачиваются. Как настоящие солдаты, которым пост нельзя оставлять! И в песне их Иссык-Куль, и вот он – Иссык-Куль!

А сами потом делились впечатлениями:

- Смотрим, у людей глаза округляются...
- И свет откуда-то сзади пошёл, а оглянуться хочется – жуть...
- А нам сказано – петь!
- И мы поём!
- А люди уже все встали и хлопают...
- Нас заглушают...
- И восторг такой у всех...
- И фотографируют!
- А нам сказано – не реагировать...

Под конец песни овации были просто нескончаемые! Наверное, за всю историю «Нашего Острова» эти были самые продолжительные аплодисменты, со слезами восторга от нахлынувшего счастья.

И мне тогда хотелось ликовать, кричать:

- Вот оно – счастье! Счастье, которое переполняет, удивляет, и оно подкреплено песней, с удивительными открытыми к людям словами.

Как много значит для меня – удивление. Оно – тот самый показатель не открытого в тебе клапана, или того, что уже было приоткрыто и вдруг наполнилось до краёв неизвестным доселе. Люблю эти моменты удивления! И, кажется, если вдруг долго не возникает их, жизнь перестаёт быть наполненной. Так выстраивался мой опыт организации больших программ когда-то в моём маленьком родном городке Серебрянске, потом в Усть-Каменогорске, и теперь на алматинской территории.

Очень скоро многие авторы считали за честь выступить у нас на «Острове» с гастрольями.

Так я размышляла о предстоящем выступлении Славы Ковалёва, и меня терзали вопросы: «А что будет, если не проведу? Ну, вычеркнет меня Слава из своей жизни. Так я в его жизни особо не присутствовала. Ну, не услышат барды Алматы отличного автора... так, они, ещё не известно, придут ли вообще на концерт... А возможно, большинство этого ничего и не заметят».

Занятые своими делами, заботами, люди уже давно стали воспринимать бардовскую песню только и только, как развлечение. Той тяги к движению, которое отмечалась в России или там, в Восточном Казахстане, здесь не отмечалось. Была авторская амбициозность с одной стороны, и слушательское редкое любопытство – с другой. Нет, были, конечно, единицы, как я их называла – талантливых слушателей, кто регулярно приходил на программы, зывал своих друзей и принимал участие во всевозможных внеконцертных делах – поездках и вылазках на природу, на фестивали в другие города. Были и те, кто составляли ядро авторов и исполнителей, и в них я находила отклик в первую очередь. Они «приплывали» на «Остров» в одиночку, или на пароме вместе с семьями. Причаливая, образовывали свою лагуну, раскидывали свой лагерь, кто-то перемещался вглубь «Острова», кто-то занимал территорию на ближайшем архипелаге и наблюдал за «Островом» в бинокль. Равнодушных не было. Хотя были отвергнутые законами «Острова», но и они несли эмоции, не всегда положительные, но не затянутые тиной равнодушия. А потом, за каких-то полгода моей болезни, появились те, кто решил повторить то, что мы делали на «Острове». Это уже был их проект, и вовсе не «Остров».

«Наш Остров» стал пустеть.

Весь мир для меня с тех минут разделился на «мы» и «они». Они стали находиться где-то в другом от меня измерении. Или – я теперь находилась в другом?... Я немного умерла для всех. И этого особо никто не заметил. Жизнь продолжалась у них, у всех. Меня в их жизни уже не было.

Я поняла — как легко в этот момент принять это своё положение навсегда. Может быть, кто-то, оказавшись в моей ситуации, как в подобные моменты, так и поступает. И всё это накатывает потому, что ты чувствуешь себя уже не частью чего-то большого, например, пассажиром большого корабля... Ты становишься похож на пассажира в спущенной с корабля лодке. Какое-то время лодку держит трос, это и есть твоё «вдруг», это и есть надежда. Она в руках того, кто там, на корабле, и кто этот трос не отпускает.

Трос моей лодки крепко держал Сергей, а потом легонько подтянула дочь. Настя со своим другом в феврале поехали отдыхать в Индию. Настя никогда не ездила за границу, никогда ещё не летала на самолёте, и эту поездку они задумали задолго до моей болезни. Было заметно, что она переживает, терзается:

— Мам, может сдать билеты?...

Настя беспокоилась, что не сможет мне помочь во время второй химии.

- Настя, всё будет нормально, — успокаивала я её, — Я же раньше не знала, что такое «химия», а теперь знаю, и мне уже совсем не страшно. Тысячи людей всё это проходят...

Говорила, а сама, еле сдерживала волнение за неё — пусть бы, только, думала, у неё всё сложилось хорошо.

Настя так ждала этот жизненный этап — когда уже университет за плечами, когда уже есть признание, как первоклассного специалиста-проектировщика. Теперь было самое время подумать о семье, о ребёнке, тем более, что уже годы перевалили за четверть.

Глеб был выбором Насти, а значит, он смог бы сделать мою дочь счастливой. Я мысленно благословила их, и они уехали.

А во время второй химии Настя позвонила.

- Мама, мама! Это такое счастье — видеть и слышать океан! Послушай, послушай — это океан... — она поднесла трубку близко к накатывающим на берег волнам.

Мне всего один раз доводилось раньше слышать шум океана так близко, и тоже в телефонной трубке. То был Атлантический океан. Моя подруга Тая, часто бывая в командировках за рубежом, побаловала как-то меня этим незабываемым впечатлением.

Теперь – Индийский. О, я богатый человек! Я богата звуковыми впечатлениями, я богата отношением ко мне тех, кто дарит мне эту радость!

Настя и Глеб вернулись уже в марте – счастливые, загоровшие и почти с порога объявили нам, что они решили пожениться и ещё самое главное – Настя должна будет в декабре родить...

Продление тебя в этой жизни – это что-то из области сакрального, из сферы того, чего не объяснить в ощущениях. Ты длишься в своих детях, в своих внуках – и это значит только одно: ты становишься почти бессмертен. Это и есть тот трос, который тебя держит рядом с кораблём жизни.

Свадьбу они устроили скромную, и уже после моей последней химии.

Концерт Славы я провела. Он пел, даря воздух жизни – с надрывом, со счастьем в голосе.

Завершая вечер, произнося заключительные слова, у меня в голове крутилась страшная мысль: «А вдруг это я делаю в последний раз...».

2007 год. Марго

Расставшись с Галей в Усть-Каменогорске, мне хотелось найти подругу здесь в Алматы. Подругу, с которой мы могли бы хотя бы иногда делиться своими смыслами, впечатлениями. В моём понимании «подруга» – ощущалась даже не потребность, а норма жизни. Ты не можешь иметь много друзей – это закон моего понимания жизни. Приятелей, товарищей может быть сколько угодно, но друзей... С друзьями ты предельно близок в мыслях, в поступках. Какие-то принципиальные решения ты делишь только с другом. Ты с ним совпадаешь. Вы можете идти к разным целям, но движет одно: друг тебя способен понять и принять таким, какой ты есть. Там, где есть непонимание,

а тем более принципиальное, уже не дружба. Невозможно быть близким с десятью человеками, потому что другу нужно уделять время. У меня много приятельниц, приятелей – тех, с кем мы встречались или встречаемся по самым разным поводам и находим общий язык в компании. Но друг – это тот из немногих, с кем тебе хочется побыть наедине, обсудить что-то, или просто помолчать. И он всегда рядом. А если, вдруг, далеко – он помнит о тебе и скучает.

Судьба подарила мне замечательные встречи с Михаилом и Ольгой Солнцевыми, Галей, Инной, Таей, Галиной Ивановной, Гошей, Надей, о которых я как-нибудь расскажу, и с Мариной – мамой Юли, и её отцом Леонидом. Но как-то неожиданно мне стало уютно и тепло вместе со снохой Марины – Марго.

Мы с Марго как-то то ли случайно, то ли намеренно, срослись душами, мыслями, и стали близкими, какими могут быть отношения сестёр. Поспособствовали этому две наших поездки на всемирный бардовский фестиваль, который проходит ежегодно уже несколько десятков лет, между Самарой и Тольятти.

В 2007 году, в середине июня, я решилась съездить на этот фестиваль. Ехать одной мне было не впервой. Уже так объехала более десятка городов – была на челябинском фестивале «Ильмены», в Томске, в Екатеринбурге, Бийске, Новосибирске... Но тут что-то меня подтолкнуло позвонить Марго. Это было проведением. Марго неожиданно легко согласилась, тем более, как выяснилось, у неё намечался отпуск, и она не могла найти – как его с пользой употребить. Моё предложение ей показалось полезным.

Приезд к нам по весне очень интересного человека из Самары – Тахтарова Александра Евгеньевича, стал для нас провокацией и, одновременно, подмогой, в окончательном определении с поездкой.

Всё дело в том, что в тот год на фестивалях произошёл организаторский раскол, и фестиваль развалился на две поляны. Приверженцы традиций, с гордо

поднятой головой, ушли на Фёдоровские луга, а оставшиеся на Матрюковских озёрах ощущали себя царями положения.

Нам же, наблюдающим эту картину со стороны, вначале было не понятно – куда же себя определить... Тут-то и помог Александр Евгеньевич, тот самый – из Самары. Он просто и утвердительно сказал:

- Я вас повезу на Фёдоровские луга, там уже вам и место застолбил с палаткой.

Место застолбить на этом фестивале очень важно заранее, ведь съезжались сюда до двухсот тысяч народу, и половина из них поющего. Александр Евгеньевич встретил нас в Самаре, и с городом познакомил, и с комфортом доставил на поляну, передав на руки своему брату Якову, и его дружной команде, как позже выяснилось – помощников организаторов по техническому обеспечению фестиваля.

Уже вечером, по совету Якова, мы с Марго отправились в гости, да не совсем в гости – на прослушивание в «страну «Зазеркалье».

Это был вход в мир достопримечательных людей.

Там нам с Марго открылся доступ к сердцу фестиваля. Умелые организаторы «Зазеркалья» – Галина и Александр Роттенберги так обустроили свою сказочную страну-сцену-лагерь, что попавшие сюда начинали ощущать себя близкими родственниками.

Надо сказать, что доступ в лагерь открывался не всем, и этот счастливый билет мы с Марго в тот вечер вытянули.

Марго читала свои стихи, я пела, мы слушали других, и – наполнялись тем, что зовётся «песенное содружество». Здесь мне стали известны имена тех, кто потом, позже станет для меня – кто-то путеводителем, кто-то оберегом, кто-то другом.

Уезжая с фестиваля, мы в поезде делились с Марго впечатлениями, и уже обсуждали – как мы поедem на этот фестиваль в следующем году.

Как и в предыдущую поездку, я зачем-то пошла в конкурс. По 2007-му году я понимала, что конкурс могут одолеть только те, чьи номера ближе к шоу. Это расстраивало, это возмущало, но это же и заставляло сопротивляться. Ведь каждый конкурсант хочет быть услышанным. Для чего, иначе, писать песни? Добрый и желающий мне только добра, один из членов жюри второго тура – Дмитрий, предложил вывести в конкурс две песни, которые, на мой взгляд, были не совсем «тем», что надо. Но как определить – что надо? Это всегда остаётся загадкой для автора, тем более, когда в копилке около двух сотен песен, когда нет опыта вращения в кругах этой конкретной территории, когда главный недостаток, что ты вот такой, какой есть, и не похож ни на Долину, ни на Якушеву. Да и не понятно – почему надо быть похожим на кого-то? Я успешно дошла до последнего тура в 2007. В 2008 история повторилась, а дальше не получилось – не хватило профессионализма, амбиций, уровня знакомств и везения.

Как ни крути – мы варились в собственном соку. А приглашённые к нам на «Остров» гастролёры реализовывали свои запросы, и им было не до нас. Многие даже и не знали, что я не просто организатор, а автор.

Уже много лет бардовские просторы нашей территории занимала только одна яркая персона. О ней ходили легенды, она негласно управляла, как пешками, теми, кто появлялся на песенном горизонте за пределами нашего государства. Её обсуждали в кулуарах, некоторые лебезили перед ней, но многие уважали за написанные песни. Она складывала собственное непоколебимое мнение о каждом, щедро делилась этим мнением в своих кругах, и это было похоже на приговор.

Приговор был вынесен и мне, попавшей к ней в немилость при нашем первом знакомстве, когда она по своему разумению сформировала мнение, и вынесла вердикт – «не достойна». Этого оказалось достаточно, чтобы перекрыть мне вход туда, куда я шла, а она уже в силу времени и обстоятельств, там была давно.

Всё думаю – что же это такое: не военное же время? И право расстреливать на мирной территории не даётся никому. Но кто-то берёт на себя это вот так легко, и ведёт бой, отстаивая своё место под солнцем, которое всем одинаково светит. Люди научились ненавидеть себе подобных за то, что ты идёшь с ними в одном направлении. Не важно, что по разным дорогам идёшь. И даже отстаёшь по времени. Что это? Неприятие видеть кого-то рядом? А может, больше – нелюбовь к людям? Как можно с этой нелюбовью творить: писать картины, песни, которые несут добро, нравственность, эстетику? А, может быть, они компенсируют недостающие качества? Как жаль, что мы не умеем разговаривать так, чтобы слышать друг друга вовремя. Полотно жизни настолько многогранно – и каждый находится на своём месте. В чём мы – нитка с ниткой этого полотна – состязаемся друг с другом: в прочности, в шелковистости, а может в суровости? Мы – разные. Будь мы одинаковые – мы бы вообще не имели интереса друг к другу, да и не пересекались бы.

Алла отвела взгляд, поравнявшись со мной. Возможно, её мысли были сейчас где-то в творческом полёте, возможно, она в этот момент складывала строчки своей новой песни. И позже она бросит фразу:

- Снова мы на фестивале одни из Казахстана...

- А в конкурсе есть ваши? – спросит её кто-то из оргкомитета.

- Нн-неет! Я что-то никого и не видела и не слышала... Да и кому у нас быть?!

Я воспринимала её такой, какая она есть. Она экзальтированно повязывала плечи платком, нервно поправляла волосы во время разговора, прятала глаза и томно произносила на хрипотце, ведя бровью и растягивая:

- Нн-неет...

Марго стала свидетелем всей этой толкотни – там, на фестивалях в 2007 и 2008-от годах. И эта история перекинулась в 2012 год, когда я всё-таки проломила стену неприятия той важной персоны – я прошла в финал. Но Аллой, как членом жюри финала, единственной, по своей воле поставившей мне са-

мый низкий балл, это тут же было истолковано с червоточиной, потому что всё пошло не по её сценарию. К сожалению, не в сторону перемирия и понимания, а для окончательного разрыва.

Есть люди, кому начертано свыше делать одно и то же дело, но идти разными дорогами в одном направлении. Случайные пересечения людей тоже продуманы свыше, и это надо принять только с одной целью – выполнять свою миссию, и идти по заданному пути. К сожалению, это мне стало понятно только сейчас. А тогда я негодовала, злилась и проклинала тот день, когда написала первую песню.

Чтобы не чувствовать себя рабом обстоятельств – следуй своей дорогой. И всё, что встретится на ней, принимай безропотно. Возможно, что-то придётся отвергнуть и обойти, а с чем-то согласиться. Но никогда не будь равнодушным. Равнодушие – это камень, который тянет на дно, это болото, затягивающееся тиной, это ничто, в котором ты не можешь полноценно ощущать себя думающим человеком.

До первой моей химии Марго позвонила и рассказала подробности о минеральной воде, которую мне предстояло пить, чтобы выводить токсины. Она всё ж-таки химик, и, немного исследовав – что у нас есть в продаже, дала дельные советы. Выяснилось, что самая простая и доступная наша минеральная вода «Агаш» обладает всеми необходимыми свойствами для получения необходимого количества минералов.

Марго была постоянно на связи. После второй химии она позвонила и сказала:

- Я хочу подарить тебе парик... Мы поедем, ты выберешь сама, но я тебе его подарю. Не отказывай мне, пожалуйста...

Мы долго терроризировали одну, потом другую продавщицу, купили парик, и ещё... сидушку с крышкой на унитаз. Красивую сидушку. Я смеялась:

- Мне теперь в туалете жить приходится, а с такой крышкой его обнимать приятней...

На день весеннего равноденствия, на Наурыз, выпала моя четвёртая химия. Уже было совсем тепло на улице. В палатах стали чаще открывать окна. Но к ослабленным организмам быстро липла простуда, и мы натягивали маски, кутались в шали и продолжали своё безропотное существование.

В палатах одни больные сменялись другими. Обрастание знакомыми, наполненными одной бедой, уводило в какую-то другую жизнь. Нас всё больше связывали разговоры о болезни, о рецидивах, о смертях...

У Айгуль опухла рука с той стороны, где была удалена молочка. Она не могла поднимать её.

- Как твоя рука, меньше болит? – спросила Айка, совсем молоденькая девушка, поступившая с воспалённым лимфоузлом на шее.

- Да, болит... Но я это говорю спокойно. А там, – она мотнула головой в сторону окна, – я бы нервничала, мне всё равно пришлось бы мужу ужин готовить, уборку делать... И ему без разницы – что у тебя болит или не болит. Он давно со мной и не разговаривает... Придёт с работы, душ принял, поел, и на диван – каналы щёлкать...

- А мой ещё и пьяный приходит... – вставила Роза из второй палаты, – Я не понимала раньше, где он успевает налакаться. Думала, вот машину купим, пить не будет. Ага! Купили! Он приезжает вечером – поставит её в гараж, сам, шнырк, в магазинчик рядышком. А там, продавщица мне сама рассказывала – чекушку купит, и тут же её залпом, и только жвачкой «закусывает»...

- Хорошо, что после работы! – это Валя, бывшая учитель физкультуры, – У моей вон сестры – за руль пьяный сел. Один раз пронесло, другой. А после дня рождения сестры, в ресторане отмечали... Он, смотрю – одну рюмочку, и следом ещё... Я ему говорю – так ты ж, вроде с машиной... А он у нас в службе спасения работает, – рассмеялся мне в лицо: «Сам себя же и спасу!». Мыгы, спас! В таком же пьяном виде аварию и устроил... Прав лишили, так он вообще озверел... Глядя на жизнь такую я и замуж не хочу...

У Айгуль с каждым днём рука пухла сильнее. Врачи не комментировали. Айгуль плакала. Обезболивающие не помогали. Потом Айгуль перестала вставать с постели, а потом её перевели в хоспис.

Хоспис находился рядом с нашим зданием. Туда определяли безнадежных. Но мы успокаивали себя – туда отправляли, потому что там уход интенсивный, и обезболивающие дают постоянно...

У Айки – той, что с воспалённым лимфоузлом, химиями «задавили» заразу, и она выписывалась счастливая, с надеждой, что больше это никогда не вернётся.

Учительница физкультуры, изумительного телосложения, Валя только здесь узнала, что такое давление, что такое боль не от нагрузок, а внутренняя, не известно от чего.

Лера – высокая стройная женщина, преподаватель университета – каждое утро начинала с зарядки и ходьбы спортивным шагом по коридору. Она говорила:

- Форму не надо терять в любом состоянии...

У Люды был рак желудка. Она с радостью ложилась на химию, говорила:

- Как прокапают, так на меня аппетит нападает... Ну, не сразу, а через неделю, так, хоть, поесть немного могу.

Ей приносили запечённые яблоки, она их разносила по палатам:

- Девочки, берите яблочки печёные, есть кисленькие – вот эти позеленее, и сладкие...

- А сама-то чего не ешь?

- Да не могу я столько. Мне и чайной ложки хватает. А родные придут, увидят, что я их не съела, и обижаться будут...

К четвёртой химии уже все знали о моём увлечении песней и женщины предложили принести гитару и провести концерт.

- А то у людей праздник, а мы что – лысые что ли? – смеялась Валя, имея в виду приближающийся Наурыз – восточный новый год.

- А что – не лысые?! – гладила себя по круглой сверкающей голове Айка и смеялась тоже.

- Давай-давай, тащи гитару, авось меня здесь научишь играть на ней... А чё – на старости-то лет? – подзуживала бывшая проводница Светлана, и добавила,

- А, может, обо мне песню сочинишь, а?...

Конечно, я попросила Серёжу, он удивился, но гитару принёс.

А ещё у нас к Наурызу открыли на этаже библиотеку. Там я и дала праздничный концерт. В библиотеке стоял телевизор и шкаф для книжек. Только вот книжки в ней были все из совсем другой жизни. Нет, конечно, здесь, в этих условиях, радовались любому чтиву, но полистав содержимое, я на следующую химию принесла пополнение, и обнаружилось, что не я одна оказалась сметливой такой. Так библиотека и наполнилась.

Когда я собралась домой после четвёртой химии, предупредила Серёжку, чтобы он не отпрашивался с работы, сказала, что сама доберусь. Вызвала такси. Таксист оказался очень компанейски-настроенным и разговорчивым. Спросил, увидев на моём лице маску:

- Гриппуете что ли? – и, не дожидаясь ответа, рассматривая место, откуда забрал меня, добавил, – А что это за здания здесь?

Наш больничный городок состоял из трёх двухэтажных зданий, огороженных ещё с хрущевских времён низеньким бетонным забором. Самое дальнее здание – хоспис, посередке – здание для больных спидом, а внизу наша химиотерапия.

Я посмотрела в зеркало, приспустила маску:

- Нет, это не грипп. Просто, чтобы от прохожих не заразиться – организм ослабленный, всё хватает... Здесь химию делают.

- Какую-такую химию? – не унимался таксист.

- Ну... больным раком...

- А вы, что, больная раком? – он даже слегка замедлил езду.

- Мыгы... – я кивнула.

Водитель замолчал, и спустя время добавил:

- А вот, если бы я вас встретил просто на улице, и даже ничего такого бы и не смог подумать...ну, как обычный человек...

Это меня рассмешило.

- А я и так обычный человек...

- Ну, я в смысле...— засмутился водитель, — Не то хотел сказать...

Какой-то отрезок дороги мы ехали молча.

Всюду висели праздничные транспаранты, вывески-поздравления с Наурыз-зом. Я спросила:

- Как вчера город праздновал праздник? Наверное, на площади было гулянье? Мы слышали, как запускали салют.

- Ой, мы вчера семьёй ходили — был такой большой концерт, весь день шёл. Ну, мы с женой и с сынишкой — он у нас маленький ещё, но уже такой шустрый, в конкурсе стрельбы водой из пистолетов выиграли большую мягкую игрушку, так он с ней спать лёг...

Водитель улыбался. Я сидела сзади, и наблюдала, как он украдкой поглядывает на меня через центральное зеркало в салоне, будто пытаюсь что-то во мне рассмотреть.

- А давайте я вас прокачу по самым нарядным улицам... просто так... у меня сегодня настроение хорошее... ну, если вы не очень спешите...

Я улыбнулась:

- Давайте, если не трудно...

И мы поехали по красочной улице Абая, потом поднялись до новой площади, потом спустились до старой площади, и всюду чувствовалась радость праздника — большого праздника города, который начался вчера, но продлится до тех пор, пока ты не почувствуешь, что праздник кончился.

Алма-Ата праздничный город. В нём, с приходом ранней весны, расцветают не только тюльпаны, ирисы, каштаны, распускаются и бутоны фонтанов, а ещё у людей распускаются улыбки восточной признательности. Это город

тёплых рукопожатий, жарких объятий и белых одежд. Не в каждом городе можно летом легко облачаться в белое. Здесь – белый цвет лета спасает от жары и не кажется таким марким, как например, в городе моей юности – Усть-Каменогорске...

Таксист довёз меня до дома. Я протянула ему оплату, а он поставил ладошкой отказ:

- Я не возьму... Не могу я взять...

- Но это не правильно, это же ваша работа...

- Всех денег всё равно не заработаешь... Сегодня я могу себе позволить не брать оплату за праздник. С Наурызом вас!... А можно спросить?... Скажите... а это больно? Ну, этот – рак?

Я замешкалась, но ответила:

- Тело не болит. Душа болит.

Сентябрь 1976. Картошка

У меня, как и у Юльки, то, что обнаружилось – не болело. Может быть, конечно, потому что к боли я относилась терпимо. С детства часто болела голова, и я с годами привыкла терпеть боль, до некоторого времени.

И опять приходится открутить события... На тридцать четыре года назад.

В сентябре, как принято в сельской местности, началось массовое выкапывание картошки. На предприятиях, ещё по весне, профкомы за каждой семьёй закрепляли земельный участок за городом, куда три раза за лето – на посадку, прополку и копку, организовывали выезд.

Городок наш совсем небольшой. По статусу он именуется городом, но так мы его почти никогда не называли. По старой привычке городом величали областной центр. А наш городок – просто Серебрянск. Чаще его называли Серебрянка – по имени речки, впадающей в Иртыш.

Почти у всех жителей свои дома и дачи, где выращивали то, без чего в сельской местности нельзя обойтись – капусту, морковь, помидоры, огурцы, лук,

да ягоды – малину, смородину, клубнику, крыжовник. Из садовых – вишни, черешни, сливы. Яблоки вызревали только мелкие да кислые – дичка, лимонка. Климат-то не ахти какой – не юг всё-таки, почти Алтай. Весна приходила поздно, осень – рано. Потому основным продуктом для стола была картошка. Около дома много не посадишь – только на первую пору. А на выделенках за городом её, родимую, и растили. Точнее, растила-то земля, а мы помогали – сажали, пололи, выкапывали.

При урожае можно было снять с пригородного участка до сорока мешков, и этого хватало на всю зиму для большой семьи. На семена для следующего сезона оставляли в первую очередь, да с припасом – за зиму-то всякое может случиться: то в погребе сырость и грибок заведётся, то двухвостки семена попортят, то от морозов сильных не убережёшь, а то и паводками затопит.

Единственной помощницей в семье осталась я. Сёстры замуж повыходили, да разъехались. И мы вместе с папой и его сослуживцами и их семьями отправившись на поля. Ехали на открытой легковушке. Расселись у бортов, а по центру уложили сумки с провизией, да гору заготовленных мешков, и сверху лопаты – с подписями фамилий на черенках.

Встречный поток воздуха пытался содрать платок с головы. Соседка наша – тётя Валя прижала меня к себе, как будто защищая от чего-то. У неё из подмышки пахло потом, и я пыталась вырваться, хватая свежий воздух ртом.

- Ишь, задувает как! И небо совсем заволокло... Пospеть бы до дождя, – сказала тётя Валя, – Сиди-сиди, ещё не хватало, чтоб наглotalась холодного воздуха... – и прижала меня к себе ещё крепче.

- А Ленка чего не поехала? – высвободившись из-под мышки, прокричала я против ветра.

- Да куда ей – худобе нашей! Мы вон и со старшими управимся... – ответила тётя Валя.

Ленка – моя соседская подружка – и на самом деле была худющая.

- В чём только душа держится... – сердобольно вздыхала сама тётя Валя по своей дочке.

Мы с Ленкой всегда вместе играли в куклы. И, когда я уже немного научилась пикировать на пианино и думала, что музыка есть у всех в голове, всё ей говорила:

- Давай попоём?

На что она мне отвечала:

- Может, лучше в больничку поиграем...

Ленка потом стала врачом, а я...

Ехать было недалеко – километров за двадцать. Кто-то песню затянул, кто-то подхватил. Я любила эти моменты. Чувствовалась какая-то могучая сила в людях, в том, что они все вместе.

За бортом машины мелькали пригорки с ровными прямоугольниками пахоты. Папа поймал мой взгляд:

- Здесь, наверное, гречиха росла... – громко крикнул он, глядя на меня, и пытаясь перекричать рёв машины, – А та-аам вон, видишь, как будто жёлтое по краям поле – был подсолнечник...

Тётя Валя прижимала меня всё крепче и, подпевая, выла тоненько, как будто плакала. Я высвободилась, давая понять, что тоже подпеваю, а сама заглатывала воздух и вглядывалась вдаль – туда, где остались поля гречихи и подсолнечника.

Обычно, по приезду, все соседские накрывали большую поляну. Перекусывали. Не обходилось у взрослых без поллитры. А потом все налегали на лопаты и шуровали по полю, стараясь до обеда основное выкопать, а уж после собирали остатки.

На небе уже не было видно ни одного просвета – всё затянули тяжёлые, будто беременные, обвисшие тучи, готовые вот-вот вылить на нас всю скопившуюся воду. Потому копали картошку, торопясь. Замолчали сверчки. Только кукушка далеко-далеко измеряла чьи-то жизни.

Каждый раз, как приезжали в поле, папа загадывал:

- Кукушка-кукушка, сколько мне жить?...

И вслушивался в далёкое ожидание в тишине, после которого первое «ку-ку» уже было радостью. И если кукушка замолкала после трёх возгласов, папа говорил:

- Ну, ничего, на следующий год ещё спросим.

Дождь сбил все планы. Папа копал, а я собирала картошку в вёдра и высыпала в подготовленные мешки. К полудню брызнули первые капли. Папа стал стаскивать в кучу собранное, а меня отправил ломать лопухи, чтобы накрыть ими мешки с картошкой. Потом, уже совсем по-быстрому мы выкапывали и собирали клубни в вёдра. Торопились все. Урожай в тот год уродился неслыханным, с наших шести соток уже было поднято из земли мешков двадцать, а впереди ещё треть не выкопанного поля. Дождь потихоньку крапал. Перекопанная земля стала прилипать к сапогам и превращаться в месиво. Тут известие пришло – машины по размытой глине подняться к полю не смогут.

- Миша! – это папу моего сосед по делянке окликнул, – Водитель сказал, чтобы мешки под гору скатывали, а чё не сможешь – до завтра оставляй.

Я смотрела на расстроенного папку и ни чем не могла помочь – сил у меня не хватало, чтобы по-настоящему подмогнуть, только один мешок волоком стащила с горы. Дождь припустил сильнее, да так, как будто и нас хотел вбить в эту перевороченную землю. Уже ничего не оставалось, как бросить копаться в грязи и немного переждать ливень, накинув на себя плащ-палатку. Нависшее небо как будто парило над землёй, и падающие крупные капли стекались в ручьи и уносились под гору, прорывая широкие рытвины. Несобранная картошка опять попряталась в землю, покрытая слоем чёрно-коричневой вязи. Брезентовая плащ-палатка тяжёло прилипла к спинам. Папа укрыл меня поплотнее:

- Ты сиди здесь, а я хоть несколько мешков спущу под горку... – и скрылся за полотном дождя.

«Чего ж я тут одна сидеть-то буду – под горку и я могу спихнуть один-другой» – подумала я и нырнула вслед за отцом.

Папка, увидев меня, гаркнул по недоброму, но этим и обошлось – спорить не было времени.

Часа через два, причмокивая грязью, налипшей на кирзовых сапогах, к нам прибрёл дядя Витя с соседнего участка и сказал, что на трассе ждёт автобус, чтобы забрать женщин и детей. Картошку будут грузить завтра, если дождь закончится. Папа сунул мне в руки сумку с так и не съеденными продуктами и приказал бежать к автобусу.

Мужики решили остаться – вдруг да просвет появится. Но и под дождём они продолжали грузить картошку в бортовушку, подъехавшую близко, насколько позволяла глинистая земля.

Папка вернулся домой уже за полночь. Мама переживала, не могла и думать даже, чтобы спать лечь. А тут ещё у меня температура поднялась.

Урожай картошки так и не спасли. И на следующий, и на позаследующий день дождь не прекращался. Вывезенный мокрый урожай нужно было где-то просушить. Обычно это делали, высыпая картошку прямо в огороде. Перебирали и уже после сушки стаскивали в погреб. А тут дождь – как прорва – лил, не прекращая, целую неделю, а потом стукнули первые заморозки.

Это был тяжёлый год для многих семей нашего городка. Да и вытекшие из этого дождя события не принесли ничего хорошего.

Ночью у меня начался жар, я звала папу, а он долго не приходил. Сильно ломало кости, тянуло ноги, и встать с постели не могла. В полубреду я сползла с кровати и пыталась дойти до спальни родителей, но где-то на половине дороги силы кончились.

Оказалось, что температура была очень высокая. С детства я часто болела ангинами. И как только заболела, мама заваривала траву, папа приносил горячее молоко с мёдом и маслом... Всё всегда было по одному и тому же сценарию: ночью поднималась температура, у меня начинало ломить ноги так,

что не было сил терпеть. На мои стоны приходил сонный папа, приносил скипидарную мазь, втирал мне в ноги, укутывал их марлей с ватой. Потом заваривал молоко или чай с малиной. Сил отказываться не было, поэтому приходилось маленькими глотками пить. Так и в тот раз. Но провалялась в постели без сил все выходные. А в понедельник полегчало. Папа вставал рано – уже в шесть утра был на ногах. Заглянул ко мне в комнату:

- Ты как?

Выспавшаяся за все три дня, я уже поднялась и заправляла постель. В ногах была слабость, но казалось, что в школе отвлекусь, и быстрее выздоровею.

- Может, ещё бы полежала денёк-другой? – спросил папа.

- Не-е, у нас контрольная сегодня... – озвучила я первую попавшуюся мысль.

- Да, чё уж – встала, так пусть идёт, – как всегда, уверенно и однотонно проговорила откуда-то из дальней комнаты мама.

С матерью у нас были странные отношения. Осталось в памяти одно – она редко смотрела на меня. Мне часто хотелось, чтобы она притянула меня к себе, обняла. Или спросила: – Как дела, дочка?

...Когда мама ещё работала, она была активисткой, коммунисткой. На этой почве они «переругивались» с папой:

- Кулак! – говорила мама на него.

А он подтрунивал:

- А ты – комуняка!

Помню, как мне было лет семь, когда папа с вечера мне сказал:

- Завтра пасха – праздник великий! Мы с тобой утром встанем пораньше и сходим кое-куда.

- А куда? – я была очень любопытной, и ещё надо было понять – в чём идти. Вдруг, это в поход – а я кеды в школе в шкафчике забыла.

- Нарядно оденься, но не очень... завтра всё узнаешь...

И повёл меня папа в молельный дом. Там было немного страшно. В основном женщины – все в платках. И мне платок на голову повязали. По углам и

на подставках стояли деревянные картинки. Папа сказал, что это иконы. Около них – свечки. Мы тоже свечки зажгли и рядом поставили. Потом поп – таких я на картинках видела – долго по книжке что-то читал. Ничего не было понятно. Но вокруг была какая-то таинственная музыка. Не-ет – запели после. Но музыка была всегда, даже когда не пели. Потом меня брызгали водой и подносили к губам и ко лбу какую-то вышитую золотыми нитками ткань. А потом на меня надели крестик. Так я встретила с Богом.

По дороге домой мы с папой пошли к Иртышу. Там разложили на камешке газетку, почистили варёные цветные яички – и казалось, вкуснее их нет ничего.

- Ты, дочка, только вот что... Матери не надо говорить, где мы были... И ещё... Сейчас ты всего этого не поймёшь, а когда вырастешь – разберёшься... Только крестик, который тебе батюшка надел, сними и спрячь. Пусть это будет наша с тобой тайна. Подрастёшь – я тебе об этом ещё кое-что расскажу.

Потом я не раз ещё слышала, как мама говорила папе:

- Вот, у нас на партийном собрании разбирали Путинцеву, она, ишь, чего удумала – дочку покрестила, и девочке совсем мозги запудрила, а та – молодец – сказала, что в пионеры хочет вступать, и о поступке матери в школе рассказала.

Папа сидел на кухне, чистил морковь и свёклу. Мама тут же сутилась, поглядывая за молоком на плите, чтобы не убежало.

- Да, что ж она плохого-то сделала, что дочь перед Богом представила... – тихонечко сказал папа.

- Ты опять за своё? – мама выставила руки в боки, – Ой, сколько ж тебе говорить одно и то же – с твоими разговорами коммунизм не построишь, а люди-то ишь, как жить хорошо стали – и квартиры дают, и линия партии нас ко всяким прогрессам ведёт...

- Ой, Дуня, не смейся! – уже более окрепшим голосом сказал папа, увидев, как я из своей комнаты вышла и разговором увлеклась, – Партия твоя – это ж земная блажь, людям только мозги запудривает...

- Миша! Не смей так о партии! – мама почти прикрикнула, и на той же ноте продолжила, но уже ко мне, – А ты чего здесь стоишь? Иди-ка, в магазин сбегай – хлеб вон заканчивается.

Я, конечно, убегала в магазин, и старалась походить подольше, зная, что дома сейчас идут между родителями разборки – чья правда левее, а чья правее. Бывало и такое, что по возвращении, мама лежала на диване, держась за сердце, и пахло мочёными яблоками – именно с таким запахом у меня ассоциировался корвалол. Но уже вечером они сидели с папой у телевизора и любезничали.

После той осенней картофельной простуды я неделю проходила в школу, а к выходным снова слегла с температурой. Всё повторилось. И даже то, что в понедельник снова отправилась в школу, а к следующим выходным снова слегла с температурой, но уже примешалась невыносимая боль в спине.

Тётя Валя с Ленкой пришли навестить по-соседски. А я лежу в жару, еле глазами двигаю, и никак место удобное найти не могу – до того спина болит.

Тётя Валя начала на маму ворчать по-соседски:

- Столько детей подняла, а не знаешь что ли, что в больницу надо! Травками она лечит! Да у неё вон под глазами мешки уже, понятно же, что с почками проблемы!

Так и оказалось. Проблемы с почками. Я тогда пролежала в больнице месяц. У одноклассников первая четверть закончилась, уже вторая вовсю... Пришлось оставить спортивную гимнастику, на которую я ходила с шести лет. В музыкалке порядком отстала. Но самое ужасное было для меня то, что я ничего не понимала в новом предмете – химии. А школа – с химическим уклоном. В другую школу было просто невозможно перейти.

Многие современные дети меня бы не поняли. Из-за одного предмета – менять школу? Да и чего «париться», как сейчас говорят, чтобы перейти из одной школы в другую? Это же так просто...

Но не в маленьком городке, где всего четыре района, и в каждом по школе.

А ещё одним из обстоятельств было то, что я страдала синдромом отличницы – не могла учиться плохо. И была всегда на виду – сначала председателем пионерской дружины, потом секретарём комитета комсомола выбрали. «Синдром отличницы» будет мелькать у психологов намного позже. А тогда... Я испытывала стыд из-за того, что ничего не понимаю в химии. А один день в неделю, понедельник, у нас значился, как профильный: шесть уроков неорганической химии. Мы все в белых халатах. Что-то сыпаем, соединяем, взрываем, решая задачки, которые нам давала наша химичка с прозвищем Молекула. Девчонки, которые могли себе позволить носить капроновые колготки, порой уходили после уроков с кислыми лицами, ведь снова придётся отчитываться дома за прожжённый капрон и кланчить деньги на новые. У меня не было этой проблемы, потому что не было капроновых колготок. У меня была проблема другая – я ничего не понимала в химии. Это был для меня чужой язык.

А к языкам, так получилось, у меня с детства было особое отношение.

Лет четырёх от роду я пыталась выражать эмоции через звуки, связанные в какие-то непонятные для окружающих слова. И тут же пела эти, придуманные на ходу, слова. И называла это всё «индийским языком». Хотя представления не имела – о чём говорю. На своём «индийском» я пела, разговаривала с куклами, и отпор получала только от сестёр – учениц старших классов, уже знающих, что такое настоящий иностранный язык.

Немного позже, в пятилетнем возрасте, я научилась выражать мысли через музыкальные звуки, укладывая в немыслимые аккорды свои смыслы.

Папа улыбался. Мама цокала языком. Сестры нервничали.

А когда в почтовом ящике появились первые журналы – «Мурзилка» и «Весёлые картинки», музыкой стали оформляться все написанные в них слова – и стихи, и рассказы. Я открывала журнал, ставила на пюпитр, брала первый аккорд и пела всё, что читала – прозу, стихи... Кое-где слова не укладывались в ритм, поэтому мне приходилось вставлять свои, тут же придуманные. А когда подходящих не находилось – на помощь приходил «индийский язык».

Успокоением было то, что понимал мой язык только плюшевый медведь, молча сидящий на крышке пианино. Он был вынужден часами слушать мои звуковые переплетения. У остальных мой язык не вызывал интереса и тем более отклика.

И уже спустя десятилетия, пройдя филологический ликбез, тема эта стала для меня и открытием, и экспериментом, и восхищением, и результатом творческих находок, и – разочарованием.

Вспоминаю одну преподавательницу университета, которая искусно вставляла ругательные слова в свою речь, и это не вызывало отвращения. Это было частью её характера. Она была бы не она, если бы её словечкам нашлись прилизанные заменители. Это как молоко – настоящее и из порошка. У настоящего, только что из-под коровы, наевшейся полыни, – и горечь, и запах жизни. А в том, что из тетрапакетов – только цвет остался.

Люди-человеки, даже одной национальности – все в той или иной степени говорят друг с другом на своих «индийских» языках, и даже не комплексуют по тому поводу, что говорят, не слыша друг друга, не понимая.

Возможно, вот о таких разных языках, на таких разных языках, я и спотыкаюсь всю жизнь.

Кто-то улыбнётся. Кто-то цокнет языком. А кто-то, как плюшевый медведь, свои смыслы уразумет.

60-е мои. Из разных окон

Родители узнали о строящемся посёлке Серебрянском в шестидесятом году. Собрали нехитрый скарб, одели детишек, коих уже было трое, в новенькие пошитые одёжки, забрали папину справку из больницы о приобретённой चाहотке, и направились из Свинчатки в сторону строящейся ГЭС.

Вот-вот объявят сдачу гидроэлектростанции в эксплуатацию, но рабочие руки, ох как нужны. Старой крепости Бухтарме предстояло уйти на дно водохранилища. Целые деревни – с домами, с кладбищами – на дно. Вся память людская – на дно. Какое-то время гробы всплывали, как лодки – плывут себе куда-то... Но всё это ради будущей счастливой жизни сотен живущих людей. Ведь там, впереди, благодаря работе ГЭС, произойдёт слияние с озером Зайсан, и вся эта полноводная мощь сработает на человека, давая тысячи киловатт энергии.

Сюда стянулись большие умы, ведь построить нужно было неслыханную по тем временам махину, высотой более восьмидесяти метров. Новые технологии в изготовлении бетона для плотины уже прошли лабораторные испытания, и был близок момент торжественного запуска электростанции.

Здесь, в начале шестидесятых, начали трудиться мои родители.

Спустя год, мама «понесла», но родившийся Сашенька был очень слаб, и вскоре умер. Сказалась тяжёлая работа. Маму перевели на более лёгкий труд, а так как она всегда была активной, ей предложили возглавить комсомольскую, а затем и партийную организацию одного из подразделений Кирпичного завода.

Нашей семье дали половину дома на улице Графтио. Это был замечательный район, почти на берегу Иртыша. Через дорогу школа, а двумя кварталами вверх – центральная площадь. В этом доме родилась я. Маме с папой было в то время под пятьдесят. А сёстры уже ходили в средние и старшие классы школы. Рыжей Нине, самой старшей сестре, приходилось больше остальных нянчиться со мной. Она даже немного стеснялась этого, ведь что могли подумать, когда видели её, гуляющую во дворе с коляской – такая молодая, а

уже с ребёнком. Она уходила к речке, и там, на прибрежной гальке, играла со мной в камешки. В памяти осталась холодная иртышская вода и разноцветные голыши камней, среди которых мы находили самые красивые, грели их на перевёрнутой лодке и там же забывали, уходя домой.

Однажды папа варил гудрон, и мы смолили им лодку. Горячее чёрное месиво булькало в огромном баке, будто предупреждая: «Не подходи, вымажу, станешь чёрным на всю жизнь». Когда лодка высохла, мы катались на ней по реке. Пахло свежим гудроном и глубокой водой. Дух захватывало от набегающих волн. Папа разгребал вёслами льнувшие к лодке буруны, и капли взмещающегося вверх всплеска холодили, попадая на руки и колени. Тёмно-синяя вода притягивала взгляд и тут же отталкивала, и не ведомо было мне тогда, какую огромную силу несёт эта река.

Когда по Иртышу стали ходить теплоходы – «Ракеты» и позже «Метеоры» – это было настолько зрелищно, что мы надолго привязывались взглядами к речной дали, наблюдая, как причаливает, а потом отдаляется белый кораблик на приподнятых волнорежущих крыльях, и там, за островками, приближается к шлюзу ГЭС, медленно втекая в котлован водохранилища. Водохранилище все называли морем – широкой гладью раскинувшимся так просторно, что линия горизонта в некоторых местах сливалась с водой, и мне казалось, что море там встречается с небом, а, может быть, небо с морем.

Городок обживался быстро. К семидесятым годам он уже разлёгся от района ГЭС вдоль Иртыша на несколько километров. Ещё в шестьдесят втором году ему присвоили статус города. Сюда по проложенной до ГЭС железной дороге запустили пассажирский состав, и станцию называли Серебрянка. Мы, местные, не любили это упрощённое название, нам казалось, что принижается достоинство нашего уютного, красивого, растущего городка, то ли дело – Серебрянск.

Ходили легенды, что название рабочего посёлка, а потом города, пришло от одноимённой речки, в которой в былые времена вымывали серебро. Даже ка-

кое-то отношение к этим местам имел указ императрицы Екатерины. Но это были, скорее, легенды.

Речка Серебрянка течёт между горами. Здесь же – ещё с десятков мелких речушек со смешными названиями – Поперечка, Пихтовка, Мякотихинка, Селезнёвка. Они, словно ручейки, местами полноводные, бурля, будто торопятся к Иртышу, вливая в него не только свой норовистый характер, но и всю красочность и щедрость гор, которые преодолевают, чтобы соприкоснуться и уже навсегда раствориться в большой воде. Папа мне рассказывал, что вот так всегда малое стремится к большому и в нём растворяется. А я спрашивала:

- А большое куда?

- Для всего большого всегда найдётся ещё большее, – говорил папа.

- А океан куда же тогда – к большому?

- Океан – он уже часть неба: питает тучи и облака, переговаривается с ним, рождает грозы, штормы...

От речки Серебрянки вправо начинается Мякотихинский лес. Здесь, до постройки ГЭС, жило много спецпереселенцев, тех, кого сослали на необжитые территории. В основном, это были сосланные немцы. Сёла Мякотиха, Чистополька, Свинчатка состояли из ссыльных ещё с тридцатых годов. Отец рассказывал об этом по словам своего отца Николая, семью которого судьба забросила в эти края.

В Мякотиху (так отец называл лес, окружавший густым кольцом бывшее село) мы ездили за дикой ягодой и грибами. Ягоды здесь было «бери-не влезет»: смородины чёрной и белой, кислицы, ежевики. Там, не сходя с одного места, можно собрать большое ведро ягоды. Часто набредали на глубокие следы зверей – медведя, лося, да и видеть этих местных обитателей приходилось.

Проехать в эти места можно только на тяжёлых, крытых машинах. Помнится случай, как наш тяжеловес застрял в яме – вот мужики намучались, несколь-

ко часов вызволяя его из засады. Домой вернулись за полночь — мать в слезах, мол, напугалась досмерти.

В сенках дома у нас висело множество пучков с запашистыми сухими травами, родители их заготавливали на случай хвори. Пучки висели кверху прутьями, я отщипывала соцветья жёлтой пижмы, белоголовника, фиолетового зверобоя и составляла букетики для кукол.

Но одним из самых любимых развлечений было наблюдать, как папа, здесь же в сенках, в маленькой пристройке, входом со двора, под красным фонарём колдует над фотографиями. Там, в его фотолаборатории, всё было в безукоризненном порядке — ванночки с проявителем, закрепителем, коробочки с фильтрами, отдельная полка для готовых плёнок... Одна из моих сестёр Зоя стала фотографом, наверное, тяга к фотоделу была передана ей от папы.

Зоя уже училась на фотографа и жила в другом городе. И однажды, когда она приехала на каникулы, в это же время к нам в городок прибыл с гастрольями экстрасенс. Мы всей семьёй отправились на «сеанс-концерт» — так значилось в афише. Да, что там, не только мы — почти весь городок отправился смотреть на небывалое. Дом культуры до отказа набился народом. Зоя почему-то во время смешных экстрасенсовых дирижирований руками, уснула. А всех уснувших экстрасенс попросил сопроводить на сцену. Так Зоя оказалась на сцене. Ох, и смеялся весь зал над тем, что они там, спящие, вытворяли. А мне было даже как-то стыдно за сестру и за себя — будто я там очутилась. Одним из выполняемых заданий было «изобразить своё любимое занятие». Кто-то демонстрировал сценическое искусство, кто-то скакал на лошади, а Зоя скромненько что-то перебирала. Когда экстрасенс подошёл к ней и спросил «что она делает», Зоя ответила: — Фотографии просматриваю.

Сёстры были мне, как мамки. Но, быстро повзрослев, они разъехались кто куда, изредка навещая нас, в основном летом, и одаривая меня гостинцами.

На улице Комсомольской, куда мы переехали жить в конце шестидесятых, кое-где ещё оставались деревянные тротуары. По ним я ходила в детский сад,

и в некоторых местах доски были сгнившими. Было страшно – вдруг, там, под ними сидит злое, оголодавшее чудище – оно-то и грызёт дорожки... Вот такие же деревянные тротуарчики папа сколотил и установил около дома, чтобы в слякоть не пачкалась обувь.

Дома всегда следили за чистотой и порядком. И из-за этого как-то одна из одноклассниц Таня мне сказала:

- Вот ты, Анька, такая чистюля, аж противно... Вот хоть раз бы вышла играть во двор, как человек, в нормальной одежде.

- А эта, что, не нормальная? – спрашивала я, разглядывая отутюженное мамой платье.

- Да, не-е... нормальное, только вот с тобой такой не поиграешь, вдруг запачкаешься... – и она убегала.

Меня это обижало. И как-то я попробовала одеться, что называется, попроще. Вытащила из ещё не глаженной одежды штаны, кофту, а тут мама зашла в комнату:

- А ты чего здесь делаешь? – начала допрос мама, не позволяющая мне даже входить в эту комнату, где гладилось бельё.

- Я...я...так...надо, – ничего внятного не смогла сказать и убежала в свою детскую.

Оделась во всё мягкое, посмотрела на своё отражение в зеркале и села расстроенная:

- Как я такая выйду на улицу?!... Но ведь меня не принимают за «свою» всего-то из-за такой мелочи. Вот возьму и выйду.

И вышла. Танька кинула на меня быстрый взгляд, поджала губы:

- Ну, ты даёшь! А ещё хуже лохмотья не могла найти?

И тут я поняла – опять не то. Значит, Танька умная. А я буду у неё учиться. Но сказать этого не смогла, и заревела.

- Ну, чё ты, я же не специально...

- Ты же сама говорила, что «хоть бы раз вышла человеком»... — всхлипывала я.

- Ну, сказала... А ты чё — не человек?

- Челове-е-ек... — продолжала реветь я.

- А если человек, то не реви. Да и чего-то мне играть расхотелось... Ладно, я домой пойду.

Танька уходила домой, и, как мне казалось, уносила с собой самую главную тайну, она знала — «что такое быть человеком».

Но прошло время, и я не раз задавала ей этот вопрос, а она не отвечала на него.

И уже закончив школу, я уехала учиться в город, а Таня осталась в Серебрянске, и в октябре прислала мне письмо:

«Привет, Ань... Помнишь, мы с тобой постоянно ссорились из-за того, что ты меня допытывала «кто такой человек», так вот — я так и не знаю. И когда мы проходили по литературе повесть «О настоящем человеке» я подумала — вот я бы не выдержала этих пыток, не выдержала. Я что-то болею и болею, и сил больше нет это всё терпеть — всё жжёт внутри. Говорят врачи, надо на рентген в город, но я даже десять минут езды в машине не выдерживаю... Ты береги себя, ты — настоящий человек. И если на неделе приедешь — заходи повидаться. Пока».

Когда я приехала на выходные в конце следующей недели — Таню уже похоронили.

В то время было не принято произносить вслух диагноз «рак». Его и не произносили.

Раковая беда позже коснулась ещё шестерых моих одноклассников и друзей из школы. Я стала седьмой.

Мы учились в городе, куда переехали наши родители. Многие родились в этом городе. Во время строительства шлюза и ГЭС здесь начал строиться

химический завод, потому и школа наша была с химическим уклоном – так сказать, кузница кадров.

Первые классы школы остались незабываемыми. Младшеклассники размещались в одноэтажной пристройке к школе номер «три». Массивные деревянные парты, похожие на медведей в лесу, раскрашенные в коричнево-зелёный цвет, казались нам такими огромными, что нужно было заранее всё продумать, пряча портфель далеко под ноги, чтобы лишний раз не лазать в него во время урока. Наша первая учительница – Александра Кусаиновна – быстро сдружила класс, придумывая различные игры на переменках, и устраивая массу мероприятий по выходным дням. По иронии судьбы, мой сын тоже учился у неё, хотя уже в другом городе.

Накануне пятого класса многих, по месту жительства, перевели в новую школу – которую называли в честь проектировщика ГЭС Михаила Инюшина. Четырёхэтажная краснокирпичная красавица-школа впечатляла! На фризаци строители красиво вывели белым кирпичом рисунок циркуля. Приподнятая, величественно стоящая на холме – она выглядела царственно, ведь именно ей предстояло давать самое главное – уроки, не только истории, литературы и математики, – уроки жизни. В новой школе коридоры долго ещё пахли свежей краской и линолеумом, который уже через два месяца был покрыт чёрными полосками от нашей обуви с каучуковыми подмётками. И нас заставляли раз в неделю отдраивать эти въевшиеся росчерки. Потом ввели «вторую обувь». Но и это не помогло. Видимо, это и было тем, что называется «оставить свой след» – только не в переносном, а в прямом смысле.

Нашему классу «Б» определили в классные руководители молодую учительницу математики – Гертруду Вениаминовну. Какой удивительной внутренней энергии и красоты была наша классная! Это она предложила назвать нашу пионерскую организацию не именем какого-нибудь знаменитого героя-пионера, а совсем малоизвестного, но заслуженного героя – Аркадия Кама-

нина. Очень хорошо запомнился сентябрьский день, когда Гертруда, как мы покороче называли её между собой, трогательно и уверенно рассказывала нам:

- Аркадию было четырнадцать лет, когда он попал на фронт. Он помогал отцу, служившему командиром в авиационном корпусе. Аркадий выполнял работу механика по спецоборудованию, в эскадрилье связи штаба пятого Гвардейского штурмового авиакорпуса. И вскоре уже сам начал летать на двухместном самолёте связи, сначала как бортмеханик, а вскоре как штурман-наблюдатель. По просьбам Аркадия, после взлёта, лётчики давали ему немного попилотировать. И так Аркадий получал лётную практику. И уже в срок третьем году, во время великой отечественной, впервые полетел самостоятельно, как пилот. И однажды он выполнил боевое задание – полёт через линию фронта, к партизанам, для передачи элементов питания для радиостанции...

Мы слушали рассказы Гертруды, как заворожённые. Она умело пользовалась интонациями, и благодаря ей я впервые осознала, что такое правильное голосовое интонирование. Странно, что это мне дали не уроки музыки, а учитель математики.

А какими замечательными были её уроки! Не обладая техническими способностями, но не желая плестись в отстающих, мне приходилось нелегко – легче было срифмовать полёт гипотенузы к катету и изобразить окружностью законченную мысль. Но я старалась, как старались и многие – с целью не огорчить, не разочаровать дорогого нам человека.

Теперь уже, спустя годы, мне кажется, что мы так мало успеваем сказать друг другу хорошего, и закравшиеся недомолвки, обиды гнетут, скапливаясь где-то на уровне глотки. Но если бы, хотя бы на час вернуть, или вернуться к своему прошлому, можно получить, скорее, разочарование, которое неизбежно, как встреча лета с осенью, осени с зимой...

Серебрянские зимы начинались первого октября. Хотя календарная осень ещё не отпускала, но в день Покрова уже подмерзали лужицы, и можно было

в последний раз съездить за рябиной, а если повезёт, наломать и тронувшейся морозом калины. На осиновском перевале, крутом спуске дороги, соединяющей наш спрятанный в горах городок, этой красной и оранжевой ягоды было огромное множество. Здесь, растущая на склонах, она не раз заманивала в ловушки крутых скатов, где, не удержавшись, теряешь равновесие и лежишь в тартарары, успевая заметить в полёте – какая стоит кругом величественная тишина и слышен только хруст ломающихся под тобой веток.

Из суеты сегодняшнего дня я с удовольствием отправилась бы в поход за этой тишиной, чтобы сидя на высокой горе – Беликоковом Шише – над Серебрянском, вглядываться вдаль, к уходящим поездам и проплывающим «Метеорам», подвозящим волну к бурлящей ГЭС – туда, за горизонт жизни, где остались детство и юность, где на перевёрнутой лодке до сих пор лежат забытые кем-то камешки, где гордый Иртыш несёт свои большие воды морю, и море встречается с небом, а может быть, небо с морем.

Когда я «очухалась» после своей почечной простуды, и уже вышла на занятия, по школе объявили Ленинский зачёт.

Это была странная традиция социалистического времени, проходя которую каждый комсомолец, а мы уже почти все в классе вступили в комсомол, должен был отчитаться «перед лицом своих товарищей» о том, как он «сверяет жизнь по Ильичу». То есть на всеобщее обозрение ты должен выставить свои планы, отчитаться о сделанном, и объявить о намеченном.

Зачёт открыла секретарь комсомольской организации класса Анька Самойлова, отчиталась. Я руководила комитетом комсомола всей школы. И над нами подсмеивались: «Вся власть Советам Анек!». И следующей к ответу поставили меня. Тут-то всё и началось. Я, наверное, впервые в жизни, была не готова отвечать на вопросы.

- Кто желает задать вопросы? – спросила строго, обращаясь к классу, Анька Самойлова.

Минутное молчание и некоторое замешательство этой внешне разыгрываемой игры прервала Ленка:

- Что ты сделала полезного для класса за последнее время?

Я почувствовала себя припёртой к стене, пригвождённой этим вопросом, претендовавшим на серьёзный ответ. А что я на самом деле сделала? Ни-че-го! В больнице провалялась... А что считать полезным? А кто что сделала полезного? Вопросы у меня в голове сбивали друг друга, натываясь один на другой, но ответов не было.

- Я...я ничего не сделала.

- Ха! Если наша активисточка ничего не сделала, чего с других спрашивать, - раздалось с последней парты.

- Да она разве вообще-то когда-нибудь что-то делала? – выкрикнул ещё один голос.

- Надо снять её со всех должностей, пусть будет, как все...

Слёзы накатились на глаза неожиданно, как будто прорвавшись из кома в горле, но я не могла позволить, чтобы меня увидели плачущей – я же всегда была перед всеми сильной. Пулей я вылетела из класса, хлопнув дверью так, что было слышно, как свалился фанерный стенд, висевший около. Но куда было бежать? В кармане лежал ключ от кабинета совета дружины, и я рванула на третий этаж. Дверь оказалась открытой, в главном пионерском кабинете сидели второсменщики, с ними была старшая вожатая. Я быстро закрыла дверь, опасаясь, чтобы меня не успели заметить... В коридоре я припала к крану с водой, будто пью, и так простояла, пока не ушла техничка, домывавшая полы. Обида. Меня предали самые близкие? Так думала я, уткнувшись в одну точку за окном и опершись локтями на подоконник. Когда это накопилось в них? Не могло же это произойти на пустом месте?

Пространство всей прожитой жизни, всех отношений с друзьями сузилось в этот момент до прямоугольной рамы школьного окна, в котором были видны близкие горы и далёкое небо. Перед глазами было спокойствие и безмятеж-

ность природы. Там, далеко, тоже что-то происходило каждый час, каждую минуту – волнение передавалось грозами, снегопадом и ливнями. Но тот, кто управлял всем этим, делал это преднамеренно, чтобы не нарушить гармонии мира.

Солнце опять взойдёт завтра, и своим размеренным ходом расставит всё по местам...

Так думала я, стоя у окна, и вглядываясь в непонятную даль. Это же записала потом и в дневнике.

И не услышала, как сзади тихо подошла Гертруда Вениаминовна.

- Аня-аа, – позвала она.

Я обернулась. И подумала, что сейчас она начнёт говорить что-то нравоучительное, а я буду реветь оттого, что ничего не смогу ответить, потому что мне нужно время, чтобы понять – что произошло, а мне этого времени не дают.

- Можно, я тоже здесь постою? – она сказала это и тоже облокотилась на высокий подоконник, всматриваясь в горы.

Молчание вначале начало стучать тяжёлыми ударами сердца и напряжение у меня в голове крутилось вопросом: «Почему она молчит?!»

Потом дыхание стало восстанавливаться, немного сошла краска волнения со щёк, и я взглянула на учительницу. Она смотрела на горы, и даже как будто не замечала меня.

- Я тоже люблю здесь иногда стоять... – сказала Гертруда, – У нас и из квартиры видно эти же горы, но картинки такие разные. Одни и те же горы – а картинки разные... Так и в жизни. Мы смотрим на жизнь с разных точек, и поэтому у всех людей картинки разные.

Гертруда Вениаминовна отошла от окна. Но потом подошла ближе ко мне и сказала:

- Твой портфель останется в классе – заберёшь, когда захочешь, а сейчас давай ещё немного постоим, звонок через десять минут.

- А там, в классе как же?...

- Пришла Елизавета Фёдоровна, и она проверяет у всех планы.

Елизавета Фёдоровна – наш учитель истории, и она же руководила идеологией школы – строгая, правильная, все к ней всегда относились с уважением.

- Ты думаешь – тебя предали? – спросила Гертруда.

Мне хотелось выкрикнуть – «как вы узнали, о чём я думаю?», и я посмотрела вопросительно на свою учительницу. А она вдруг сказала:

- Знаешь, математика – это не просто наука, это умение просчитывать ходы к человеческим поступкам. Я ожидала, что так всё и будет. Но это всего лишь событие из твоей жизни. Знаешь, сколько ещё подобных событий произойдёт! Но я тебе предлагаю – не принимай так близко... нет, не то хотела сказать... надо принимать близко, чтобы душа не зачерствела, но надо..., – она посмотрела на горы, – помни, что на одно и то же событие полезно смотреть из разных окон...

О чём она говорила, я тогда не полностью поняла. Но этот разговор прокручивался в голове ещё много-много раз.

Вспомнился урок физкультуры. Мы – десятиклассники – играли в баскетбол. Тяжёлый оранжевый мяч, похожий на целую по длительности ноту, отстукивал в стаккато сильные доли об пол, тяжело пружиня, и отдавал слабые доли твоим ладоням, и через два-три прыжка-пауз улетал легато в сторону баскетбольного кольца. Потом – «репит», «репит»... всё повторялось. И в один из моментов мяч будто завис, потом неожиданно изменил траекторию, будто в модуляции и... я очнулась от тяжёлого удара по голове. Тяжёлый был мяч. В глазах образовалась длинная пауза...

С тех пор долгие годы меня не отпускали мучительные головные боли.

Они усилились после родов сына.

1984 год. Замуж

Замуж я выскочила. Убежала из семьи родителей. Считала замужество безысходностью. По окончании института мне следовало вернуться в свой городок Серебрянск. Был ещё вариант поступить в аспирантуру, но...

На встрече выпускников школы, на осеннем балу, Илья шёл ко мне через весь зал и уже был уверен, что я буду его невестой.

- Анька, чего ты кочевряжишься? Такой парень! – верещали в один голос мои сокурсницы, когда увидели приехавшего в командировку молоденького Илью в форме сержанта милиции, и пришедшего к нам в общежитие.

И я рассудила: «Милиционер – значит, пить не будет».

Весь городок наш спивался. И перспектива быть замужем за алкашом не впечатляла. А тут и мама подлила масла в огонь. Старшая сестра вышла замуж против её воли за «чужака», который не понравился ей. А вскоре выяснилось, что он ещё и алкаш. Мамины напряженные отношения со старшей дочерью были мне не понятны. И я пыталась понять – почему они в ссоре, но мать закрывалась от меня, уходила от моих расспросов на эту тему.

В последний день новогодних каникул Илья пригласил меня в кино, и после сеанса провожал домой. Время на часах было «22.10», когда мы подошли к моему дому, где около калитки меня поджидала мать:

- Немедленно домой! Тебе сказано было – не позже десяти.

У меня накатились на глаза слёзы. Я уже несколько лет жила в общежитии в городе, и там не было такого контроля, потому что уже шло вступление во взрослую самостоятельную жизнь. Почему же это не воспринималось здесь, ведь послезавтра я опять уеду на учёбу, и родителям будет неведомо – когда я прихожу в общежитие, и тем более, с кем я провожу свой досуг.

Но сказать этого я не имела права. У нас в доме не заведено было детям выражать собственное мнение. Поэтому часто стояла тишина, и – музыка, которая и заполняла собою всё пространство, в котором каждый рисовал свой мир.

А наутро, когда я ещё спала, Илья пришёл в белой рубашечке, с букетом цветов и попросил у родителей моей руки.

Мама схватилась за сердце. Опять запахло мочёными яблоками. Папа усадил Илью за стол переговоров. Я ревела у себя в комнате. Я не хотела замуж. Я не так предполагала выход замуж. Я не хотела выходить замуж за Илью.

Свадьбу назначили на 11 февраля.

А десятого февраля по всему Советскому Союзу объявили траур в связи с кончиной Генерального секретаря партии. И самое бы время отложить свадьбу и больше не возвращаться к этому, но...

- Гости съехались. Мясо пропадает, – истерила на кухне мать, – Что люди скажут?!

Свадьбу сыграли тихо, без марша Мендельсона, без наряженных машин и громкой речи заведующей ЗАГСа: «Объявляетесь мужем и женой...».

С тех пор, слышав звуки «Марша», накатывались слёзы. И моё осознание «это мой крест» стало нормальным утешением, потому как «все так живут».

В декабре родилась Настя. И уже в сентябре следующего года я вышла на работу в свою родную школу, по распределению.

Сентябрь 1986. Не-нор-маль-ная

Навязывание стиля работы, в котором нужно было давать уроки по традиции, только так как положено, в классе, а не где-нибудь на природе, особенно если на дворе тёплая осень и так хочется наполниться остатком тепла. Только сидя на стуле, или ходя по классу, но ни в коем случае не сидя на учительском столе, потому что это демонстрация неприличия, но не следствие порыва, в котором ты чувствуешь только тему урока и ничего более. Учитель в моём понимании был, в первую очередь, человек со своим взглядом на мир, со своей самодостаточностью, а потом – друг. Но только и слышалось: «А что это такое – на уроки с гитарой?», «Не-нор-маль-ная!»...

С учителями отношения не складывались. Разве только с моей бывшей классной – Гертрудой Вениаминовной, она ведь меня знала, как облувленную. Да с несколькими молодыми учителями, которых ещё не зажали тиски шор.

Однажды ко мне в кабинет зашёл учитель физики Сергей Николаевич:

- Анна Михайловна, ребята из десятого «Б» хотят устроить дискотеку, а я им говорю – давайте не просто в танцах трястись, а вначале что-то интересное должно быть. Они, конечно, не против, но вот что это может быть, не могут предложить – может, мы, молодые учителя, придумаем?

- А, что, это здорово! Давайте, ну, например, выступим сами перед ними – на гитарах сыграем, а можно и фрагмент нашего институтского капустника показать...

- Это того, что ваш факультет с нашим делал? Давай!

И вскоре у нас появилось содружество учителей, которые организовали КВН с учениками, потом давали театрализованные вечера, а настоящим итогом содружества стали интегрированные уроки. В уроках самым неожиданным образом мы объединяли темы по литературе, физике, химии, биологии. Мы разработали три ступени выдуманного нами курса «Экологии отношений». Это были, конечно, внеклассные уроки, но прогремели ими мы на весь город, потом на район и даже область. Так, в курсе «человек – природа» мы спешили восьмиклассникам показать мир вместе с Санькой из повести «Век живи – век люби» Валентина Распутина. В пятом классе взяли за основу «Маленького принца» Антуана Экзюпери, а у старшеклассников коснулись очень серьёзных отношений человека и Бога по произведению Александра Меня «Сын человеческий», и нам помогла Гертруда Вениаминовна, давая основы теории относительности и доказывая существование высшей энергии на научном уровне, а физик и биолог на этом же уроке доказывали материальность нашего мира, ставя вопросы перед старшеклассниками, заставляя их думать.

У Астафьева, Довлатова, Айтматова, Алексиевич мы учились благоразумию, преданности, любви и ненависти. Всё мы закручивали вокруг литературных

героев, и нам казалось – нет конца-края нашим безумным фантазиям и интересному жизненному пространству. Нам во всём помогала директор школы Погорелова Валентина Ивановна, её прогрессивные взгляды давали дорогу молодым учителям.

А вскоре начались эксперименты. Они исходили от городского отдела образования, программы экспериментов затронули и литературу, то есть мои уроки попали в эпицентр внимания.

Предшествовало этому моё объявление обо всех моих уроках, как открытых. Любой преподаватель, родитель мог посетить их. Именно это обстоятельство показалось учителям со стажем дерзостью. А мы с учениками просто учились и жили. Начиная с пятого класса, на уроках русского языка строили тогда ещё только начинавшие входить «в моду» схемы, как алгоритмы запоминания правил. А со слабыми учениками изучали морфологию, играя в королевство «ЧаРе», так сокращённо называли мы части речи. Ведь не секрет, что многие учащиеся, придя из начальной школы, не могли отличить понятие «часть речи» от «члена предложения». Но по результатам фронтальной проверки оказалось, что за контрольный диктант в моём шестом классе было получено целых пять двоек, а в параллельном шестом, в котором преподавала инспектор городского отдела образования, было всего пять двоек...

Мы продолжали чертить схемы-полотнища на листах ватмана, и на весенних каникулах моя преподаватель из института, с кафедры русского языка и литературы пригласила моих ребят на институтскую научно-методическую выставку, чтобы внимательнее просмотреть все наши таблицы. Работа была одобрена, и нескольким особо отличившимся ребятам предложили продолжить контакты с институтом и в дальнейшем.

Однажды после урока ко мне зашла представитель ГОРОНО:

- Вы стали учителем года, Анна Михайловна, поздравляю. Но не обольщайтесь – эйфория спадёт, и все увидят, что за вашими результатами нет серьёзной почвы. Ребята ваши развлекаются, а не учатся. Да и моё мнение – здесь,

в школе вы героиня, а попробовали бы дать урок у слабых учеников в профтехучилище, ведь там-то вас бы на смех подняли, это точно...

- Лилия Ивановна, а что вы мне этим хотите доказать? Что я не могу заинтересовать, что я не даю прочных знаний? Или что-то другое?

- Пены в вас много, Анна Михайловна! Время всё расставит, и вы вспомните мои слова.

Мне была брошена перчатка, и я не могла её не поднять.

Тему урока в профтехучилище дали за час до начала. Это была несурезица для этих ребят, для этого возраста, вроде сравнительного анализа серьёзных произведений «Воскресение» и «Анна Каренина». В неподготовленной аудитории, да ещё из ребят, которым было изначально наплевать на уроки, поначалу мне показалось, работать будет невозможно. Но урок получился.

Каждый человек умеет слушать, если создать обстановку и чуть-чуть запустить фантазию. Они умели слушать. Губкой впитывали в себя подростки то, что я рассказывала, ставила в звуке, показывала в слайдах... Урок закончился шквалом аплодисментов. Теперь уже, вспоминая всё это, мне становится смешно – как много мы тратим времени в жизни на эксперименты. А жизнь – это прожитое время, которое не вернуть, не исправить, не отмотать назад. Жизнь не должна быть экспериментом.

Я очень люблю наблюдать за своими учениками, которым на частных уроках музыки рассказываю о том, что такое музыкальная доля, равная одной секунде, которую можно просчитать:

- «Раз и» – прошла секунда, – говорю я им и смотрю в глаза, – «Два и»... вот две секунды вашей жизни ушли в прошлое, и их не вернуть...

Ученики ошарашено смотрят на меня и, одновременно, вглубь себя, отсчитывая уходящие секунды. Достаточно было показать – как уходит в прошлое время, и как бессмысленно оно может уйти всё.

А в апреле к нам в городок съехались учителя из самых разных городов страны. Школа наша входила в тульский эксперимент, сути которого я уже и не помню. Для меня это была просто работа, а не эксперимент. На одном из моих открытых уроков, входящих в показательные, присутствовал заслуженный учитель-методист Украинской ССР Бергер Семён Григорьевич. Его фрагмент урока и выступление перед учителями тронуло во мне такие струны, что слёзы радости переполнили меня. Вот он – тот человек, которого действительно можно назвать Учителем. Я уже определила для себя круг моих Учителей. Это были – Амонашвили, Соловейчик, Никитины... И Бергер. Он был здесь, рядом. И он, неожиданно, предложил принять участие в семинаре по литературе, который должен был пройти у них в Украине. Но с условием – дать урок я должна была с использованием гитары.

И вот он – июнь. Мне оформили командировку. До Минвод долетела без проблем, а дальше билетов нет. Уже на следующее утро начало семинара, а я околачиваюсь в аэропорту Минвод и не знаю, что мне делать.

Очередь, превратившись в единый организм, бесполезно поглядывала в квадрат окошка кассы, надеясь урвать свой кусочек бумажного счастья. Время близилось к полудню, как вдруг я увидела, как к багажной кассе уверенным шагом подошёл мужчина, и, вложив в паспорт красную шелестящую десятку, отдал документ. Через минуту на уровне его носа появилась рука, держащая паспорт, из которого торчал голубой краешек разрешения на прикосновение к небесной жизни. Меня мучили сомнения – попробовать? А вдруг... Но желание быть вовремя на месте и объявленная посадка на какой-то там самолёт подталкивали на эту сделку. Дальше я действовала уверенно и быстро, и бесполезный листик, определяющий везучесть и невезучесть, оказался у меня в руках взамен на волнение, потерянное время и деньги. Это была моя первая в жизни взятка. Но это было ничто по сравнению с тем, что через десять минут я уже сидела в салоне полупустого самолёта рейсом на Симферополь...

Летят самолёты по небу, глядя его своими ладошками-крыльями и, когда вглядываешься с земли в эту идиллию, даже крошки мысли не появляется о грязи, которая может прикоснуться к необъятному простору. Да-ле-ко. До дна не увидеть, и это тянет раствориться в облаках, в звёздах ли...

Можно купаться взглядом в небе, лёжа в траве и ощущая на себе волнение ветра, приливами и отливами балующее тело. Порой же стоишь с задранной вверх башкой и втягивает эта бескрайность, оставляя ощущение потерянности в могуществе обнимающей тебя силы. А пролетающие птицы и самолёты, будто крестики, машут нам крылами, признавая веру в эту великую силу синевы, маня и опрокидывая нас в небо.

В командировочном листе значился пункт конечного прибытия – Алушта. До этого приморского курортного городка вела троллейбусная дорога, и, опрокинутая в крылья придорожных пейзажей, я тонула в созерцаемом потоке переполняющих меня ощущений. По этой самой дороге в сорок первом шёл мой отец, и сейчас я ощущала его волнение...

По приезду в Алушту, оказалось, что гитару в камеру хранения я сдать не смогу и придётся идти с инструментом на поиски нужной мне школы, где была назначена встреча. Но странные сомнения закрались в меня ещё в Симферополе, откуда пыталась я дозвониться по оставленным Бергером телефонам: после первых же цифр номер обрывался. В Алуште картина повторилась. Мне ничего не оставалось, как идти на поиски школы номер один, где должна была проходить конференция, и эта же школа значилась пунктом регистрации. Станным показалось и то, что нигде на вокзале я не заметила даже намёка на проводимую всесоюзную конференцию. Путь от автовокзала лежал через подземный переход и, спускаясь по ступенькам, я услышала звуки дорогого мне инструмента и голос, выводящий розенбаумовское «на ковры из жёлтых листьев...». Двое парней с гитарами стояли перед открытым дипломатом, в котором лежали скомканные и металлические рубли. Увидев в моих руках гитару, парни опрокинули на меня свои взгляды и, пройдя мимо

них, я ещё долго чувствовала затылком их посылы. Женщины-торговки с яблоками и черешней предлагали попробовать фруктовые вкусности. Ах, как хотелось мне черешни, но... нельзя было задерживаться, да и, откровенно, поджилки почему-то тряслись, когда я проходила мимо этих парней с гитарами. Здесь же, в переходе, стояло несколько лотков с газетами и журналами, но мне нужно было торопиться – день перевалил во вторую половину.

Школу нашла быстро. В округе её было множество признаков прошедшего выпускного бала. Но воскресный вечер распластал в тишине школьного двора тетрадные листки, лопнувшие шарики и разноцветное конфетти. Не было даже намёка на сторожа. Походив вокруг, бесполезно настучавшись в двери, я уже расстроилась, и во мне более уверенно стала расти тревога: «А может, не Алушта, а Алупка?». Оставалась ещё одна надежда – адрес директора школы Игоря Васильевича. В ближайшем дворе было не трудно узнать – где живёт директор, отзывчивая старушка указала дом и подъезд:

- Да, вот же этот дом. Вчера у них выпускной был, всю ночь балагурили. Но, по-моему, директор вместе с выпускниками уехала на море.

- Как, уеха-ла? Уехала? Она? – я была в полушоковом состоянии, – Она?

- Да. Она. Вам не плохо?

- Нет-нет, – проговорила я, и мне теперь только, если не всё, то многое стало ясно, я попала не в тот город.

Осталось идти на автовокзал и думать, что делать дальше.

Запахи вечера здесь такие же, как и дома, в моём родном Серебрянске. Мне стало нестерпимо грустно, когда я плелась по направлению к вокзалу. А тут ещё в подземке снова запах черешни... Пока я её покупала, ко мне подошли те самые парни с гитарами – их уже было трое. У меня ноги подкосились.

- Ти процувати прийшла? – спросил худощавый с украинским говорком.

Взяв сдачу и газетный кулёк с ягодами, я сделала вид, что ничего не услышала и быстро зашагала вглубь перехода. «Вот дурра, – колотилось в голове, – Надо было в другую сторону, там ближе к выходу».

Один из парней – невысокий, черноволосый – обогнал меня и, идя спиной вперёд, пытался сбить мой ритм ходьбы.

- Не соромся, расчехляй гитару, – улыбаясь и кривляясь проговорил он.

Я как язык проглотила вместе с парой черешен, которые успела засунуть в рот. Пауза затянулась. Я проглотила ягоды вместе с косточками и закашлялась:

- Н-кх-кх, н...кх-кх...– кто-то из парней похлопал меня по спине, – Нет! Я... я...я... – комок в горле подкатил так близко, что показалось, что сейчас я затоплю этот подземный переход всеми слезами Восточного Казахстана.

Я сглотнула. Выдержала паузу. И, кашляя, остановилась и выпалила:

- Я заблудилась.

Парни оторопели. Черноволосый первым спросил:

- Та тут всёго две вулицы...

- Ха-ха-ха...– загоготал худощавый, – Ось насмешила! Ти звидки взагали? З миста?

Я ничего не поняла, и ещё больше затряслись поджилки, а глаза в этот момент были, наверное, похожи на те две проглоченные черешни. Кулёк с остальными неудачно накренился и ягоды посыпались на цементный пол.

- Ти звидки, дурепа? Ты откуда? – проговорил третий.

- Я из Казахстана приехала... на конференцию учительскую...и заблудилась...

- Так ты учителка? За гитари чи що? – ехидничал худощавый.

Я обняла гитару, уткнулась в неё, захлопала носом и прислонилась к холодной стене перехода.

- Но-но, чё тут слюни пускать, давай рассказывай – чё-нить придумаем...

Я коротко, как смогла, сквозь всхлипывания, рассказала о своём приключении и теперь уже воцарилась общая пауза. Тут, заговорил третий:

- У меня старший брат возит завидувача виддиллом освити, сбегаяю, дознаюся у него – може що скаже, – они хлопнулись по-пацански ладонями, и третий быстрым шагом ушёл.

Худощавый показал на гитару:

- Покаж инструмент...

Я с опаской расчехлила свою кремену. Мне её папа дарил ещё на совершеннолетие.

- Хороша гитарка, – обсматривали парни гитару, стуча по дереву и пробуя струны.

Худощавый тут же заиграл и запел снова Розенбаума, спел куплет, а потом ко мне гитару протягивает:

- А ти чого граешь, классику пиди?

- Нет, я свои пою...

- Дак, ти щей писни пишешь? А, покажь...

Я спела одну, потом другую. В переход заходили-выходили прохожие, кто-то бросал в дипломат деньги, кто-то останавливался и слушал, я выжидала возвращение ушедшего за новостями парня и даже немного вошла в азарт, подбадриваемая парнями:

- Давай, спивай ще, бач як везе!

Из перекидываний фразами парней я уже узнала, что час назад ушёл последний троллейбус в Симферополь.

- Ти голодна пиди? – спросил чернявый, которого звали Вадим.

Есть не хотелось. Я продолжила петь. А сама пела и думала: «Вот это доказалась! Пою в переходе!».

Только минут через сорок вернулся Рома – тот, что убежал за братом, а вместе с ним был мужчина средних лет, представившийся Владимиром Михайловичем. Это был брат Ромы, и он всё обстоятельно рассказал, что всесоюзный семинар по литературе начинается действительно завтра, но не в Алуш-

те, а в Симферополе. И завтра же едет от ГОРОНО машина, и я должна быть в 9.00 вот по этому адресу...

- А сейчас устроим тебя в гостиницу, там уже обо всём договорились, – сказал в заключении он.

В это время худощавый Серёга уже упаковал мою гитару в чехол и протянул мне её и кулёк с деньгами:

- Эт ти заробила! Чинно спивашь, та щей свои!

- Ось коли будеш видомою, може, и нас згадаэш...

Меня устроили в номере люкс интуристовской гостиницы «Алушта», возвышающейся высотным зданием над приморским городком, и я от переживаний уснула быстро, жалея об одном, что утром мне надо будет ухать из этого городка, а я так и не повидаюсь с Чёрным морем.

И снился сон, как я трогаю подошвами черноморскую гальку, захожу в море и плыву далеко-далеко, и вода обволакивает нежно и мелкие рыбки покусывают ноги...

А в Симферополе волновался Бергер. Он послал свою жену, а потом своего сотрудника встречать все рейсы самолётов из Минвод, объяснив им, что должна приехать девушка из Казахстана, в то время, как я благополучно миновала всех встречающих, направляясь навстречу своим приключениям.

Когда утром рафик подъехал к школе номер один, теперь уже в Симферополе обо мне знали уже почти все участники семинара. Семён Григорьевич заключил меня в объятия, но предупредил:

- Ну, ты и напугала нас всех! Подробности вечером, а сейчас – на семинар!

То, что открылось для меня здесь, стало моей верой в силу учительских союзов. Поразила серьёзная методическая сторона семинара – здесь был продуман каждый документ, каждый конспект. В нашем распоряжении находилась богатейшая подборка пособий с инновационными предложениями и поурочным планированием. Журналы, издаваемые Украинской ССР, открыли для меня дверь в неизведанное. А вечерами мы обсуждали проблемы школы с

Семёном Григорьевичем и его женой Лидией – тоже педагогом. Лоджия квартиры Бергеров выходила на глинистый холм окраины города, а когда мы допивали вечерний чай – созвездие Лебедя вдохновляло нас на тёплые разговоры и песни.

Урок я дала. Но этот урок был в моём понимании слишком прост в сравнении с теми золотыми материалами, которыми делились семинаристы-учителя.

1988 год. Мой космонавт

Прошло четыре года после рождения Насти. Я была уверена, что если забеременею в марте, то родится сын.

С мужем отношения уже были напряженными. Днём – работа, вечером – хлопоты по дому, по хозяйству, с дочерью поиграть, а ночами с тетрадками, конспектами, с перечитыванием произведений по литературе и подготовкой к урокам по мировой художественной культуре.

Илья всё больше отдалялся от семьи. У него тоже была работа, работа и ещё раз работа. Точнее – служба. Профессия милиционера влияет на черты характера человека, делая его грубым, чёрствым. И, с одной стороны, безумием было рожать второго ребёнка. Но я не мыслила, что смогу ещё выйти замуж за кого-то другого, а тем более, родить от кого-то другого – н-нет... В нашем небольшом городке все жили по правилам провинции: дом, работа, огород, дети, старость. Многие спивались, потому что только в забытии виделся мнимый уход от реальности, не сулящей ничего хорошего.

У многих женщин в гардеробе из одежды были: халат домашний, халат огородный или дворовый, халат праздничный, а ещё тапочки и калоши.

Профессия учителя обязывала иметь больше – кофточки, юбочки. У меня это было всё со времён до замужества, пока обучалась в институте.

Мужу было безразлично – в чём ты, главное, чтобы вечером был ужин на столе, который он называл «жратва». Выходя замуж, уже перед самой свадьбой, я поняла, что совершению моей ошибки не будет исправления, но было

поздно. Потому на эмоциональном уровне подкорка моя смиренно долбила: «Это крест мой, мне его и нести».

Но мозг противился, нащупывая выход из лабиринта: «Неужели до конца жизни вот так?... Неужели я родилась, чтобы быть жертвой? Неужели я никогда не смогу быть самой собой?» – и верилось где-то в глубине, – «Нет, у меня будет всё по-другому».

После рождения дочери в восемьдесят четвёртом году, вышла на работу, опять в родную школу. Дочь и работа стали для меня спасением – уроки, творческие спектакли, походы... Настю я таскала с собой на репетиции, она даже в одном из спектаклей играла ответственную роль – маленькой волшебницы-кикиморы.

Середина и конец восьмидесятых годов были тяжёлыми в плане ломки мировоззрения. Всё, что с детства прививалось, как ценности, начало медленно рушиться. Это истощало психологически. В воздухе витало какое-то волнение. Сначала от прочитанной повести о цинковых мальчиках, потом – из айтматовской «Плахи» повеяло чем-то тяжёлым, а потом прочитала Солженицына, Довлатова, Набокова и... захотелось спрятаться ото всех, укутаться в старое одеяло, а когда выползти на свет белый, чтобы всё стало по-старому. И однажды это «всё» рухнуло окончательно. Я по привычке, возвращаясь из школы, заглядывала в почтовый ящик, но из подписки ни Литературки, ни «Нового мира», и ещё много чего, уже давно не было.

А однажды к нам в учительскую вбежала запыхавшаяся завхозша и, облокотившись о стол, глубоко дыша, налила в стакан воды из графина, залпом выпила, рот утёрла и выпалила:

- Завтра будут распределять талоны на мебель и на одежду.

Учителя переглянулись.

- Что это за новшество? – спросила молодящаяся пятидесяти пятилетняя учитель домоводства.

А новшество забавно, в игровой форме, предложило вытянуть жребий, на котором значился номерок нашего участия в розыгрыше поступающих в город предметов первой необходимости.

- Ой, как мудрёно! – возмущались многие, но билетики тянули и косо подглядывали – а какой номер у соседа.

Мне на обувь и на стиральную машину достались номера «62» и «101». По подсчётам физика Владимира Александровича стало ясно, что он сможет купить себе обувь года через три, а у него был сороковой номерок. Я зажала в ладошке свои талоны, и чуть не заплакала. На носу зима, у Насти сапог нет, Илье-то обувь казённую в милиции выдадут, а у меня уже сапоги прохудились настолько, что ещё одну зиму вряд ли выдержат.

Полки в магазинах стали напоминать разделочные доски. Они отсвечивали металлическим блеском и кое-где выставленные на них жестяные банки с яблочным повидлом казались снарядами, наготове к бою.

А вскоре уехала на историческую родину лучшая подруга, тоже учительница – Светлана Аркадьевна. Когда она прислала через полгода письмо – его вся учительская читала, передавая из рук в руки, и сжималось всё внутри от строчек: «Здравствуй, родная моя Анька. Ну, вот, с горем пополам мы с мамой добрались до своего пристанища. Сначала нас временно поселили в маабароте – это такие переселенческие пункты, мы там обучались ивриту и адаптировались в новой жизни. Здесь находились много переселенцев со всего мира. Мы жили коммуной, очень дружно, помогали друг другу... А недавно мы въехали в квартирку в районе Хайфы. Она маленькая, но уютная, и нам с мамой её вполне достаточно. При отъезде, в аэропорту нас окончательно «раздели» – заставили много чего оставить. Мне больше всего жалко мамино здоровье. Она так плакала, что ей не разрешают вывезти фамильные драгоценности. Сказали, что нужна экспертиза, а у нас самолёт, и денег ни на какую экспертизу уже совсем нет. А они стоят – смеются в лицо, и ничего не боятся, произнося страшные слова: – Валите на свою родину! Давно пора!...

Анечка, сейчас у нас всё относительно спокойно. Маме дали пособие, а я устроилась гувернанткой, по часам. Когда я первый раз заработала в шекелях (это здесь такие деньги) за день примерно шесть долларов, я была на седьмом небе от счастья. Мне казалось, что теперь наконец-то я смогу чувствовать себя человеком. Анечка, как мне хочется тебя просто накормить! Тебя и всех наших девчонок! Сейчас у меня в холодильнике чего только нет! Уже привычка: иду мимо продуктовой лавки и что-нибудь просто так покупаю... Как жаль, что нельзя этого выслать – не дойдёт ведь. Вначале я сильно комплексовала по поводу языка. Однажды на остановке на нашем английском наречии пыталась объяснить, куда мне надо доехать, а милая женщина рядом стояла, слушала и улыбалась, а потом на русском говорит: – Видно, что вы недавно приехали... Анечка, здесь много русских. Конечно, вырваться сюда сложно, но может и ты попробуешь... Как я хочу, чтобы у тебя была настоящая жизнь! Обнимаю! Твоя Светка». А ниже приписка: «P.S. Писала последнюю строчку и слёзы душили... Ты, наверное, думаешь, что я такая-сякая... Так и есть... Прости меня, если сможешь... Чувствую себя сбежавшей, предавшей тебя...».

Я весь вечер просидела с письмом в обнимку.

- Какая она там, жизнь, – думала, – А здесь – какая? Что такое вообще «жизнь»? Вот родилась в этом городке – почему здесь, а не в другом месте? Почему после учёбы в институте сюда вернулась, ведь могла остаться в городе? Но зато здесь мне вот комнату в малосемейке дали, и я люблю своих учеников.

Я с трудом вытаскивала свой далеко ушедший в прошлое взгляд на жизнь, и с трудом в себя приходила, уткнувшись в стопки тетрадей на столе:

- Сочинения надо допроверять...

Помню какое-то массовое давление на жизнь извне: в школе среди учеников прокатилась волна токсикомании. Мальчишки нюхали клей, бензин. Немного приостановил несчастный случай, когда младшеклассник не успел вовремя

сорвать с головы целлофановый пакет и задохнулся. Искали его всей школой. Нашли тело на второй день в теплотрассе.

Спивающиеся родители учеников были нормой, и с этим бороться нам, молодым учителям, было не под силу. Для меня – молодой учительницы, вернувшейся по распределению в свою же школу, стало непреодолимым страхом подходить к школе перед занятиями. Исправно, каждый день меня поджидала Елизавета Фёдоровна с одной и той же фразой, в которой менялись только фамилии:

- Анна Михайловна, а ваш Байдельдинов опять попал в детскую комнату милиции...

И Байдельдинов, и Лыков, и Паршин были из неблагополучных семей, и как влиять на их мотивы поведения – не подсказывала ни одна педагогическая книга. Тогда я была твёрдо уверена – всё начинается с семьи. Можно и по-другому сказать – всё начинается с любви в семье. А если её нет? И тут я начинала проецировать ситуацию на себя, и, как ослик на привязи, шла и шла по одному и тому же кругу.

Что делать? Как жить и какие ценности выносить ученикам? Выход и ответ был один – что совесть подсказывает. Надо было попробовать посмотреть на ситуацию из другого окна...

Прежняя уверенность в том, что мы можем мир перевернуть, стала испаряться.

Я легко давала открытые уроки. Меня не смущали присутствующие на уроках родители, учителя, инспектора. Жизнь кипела, и мне только дома виделась вилка во взаимоотношениях с мужем, который меня такую не понимал. Он нервно уходил курить, если приходящие к нам в гости учителя-друзья просили меня спеть что-нибудь новенькое. Моё увлечение сочинительством песенок уже переросло в некое признание, и ни один городской праздник не обходился без моего участия.

А потом я решила, что мне нужно родить второго ребёнка. И была уверена – будет сын.

Смотрю сейчас на своих детей и умиляюсь тому, как они планируют беременность, тщательно готовятся к рождению ребёнка. У нас это было как-то не так. Восьмого марта я обустроила всё так, что обязана была забеременеть именно в этот день. Так и случилось, впрочем, как и Настей, тоже восьмого марта. В апреле у меня начался токсикоз – сильный токсикоз. А тут ещё близкий конец школьного года, в школе ремонт, запахи краски. Я отравилась парами краски и попала в больницу на сохранение. Илья было всё это несколько безразлично. Он учился в школе милиции, ездил на сессии в Барнаул, и отдалялся уже от меня настолько, что доброжелатели мне стали передавать новости о том, где он был, с кем, и норовистые даже показали окна квартиры, где он мог находиться.

Ревность? Да, была. Это было похоже на отстаивание своей территории. А потом...

Был август. Вечера уже окутывали прохладой. Самое время вечером немного побыть на свежем воздухе. Токсикоза у меня уже не было, но стали отекать ноги.

Илья пришёл после работы весёлый, возбуждённый и с порога выпалил:

- Нас пригласили Карауловы видик посмотреть, собирайся... Настю отведём сегодня ночевать к бабушке.

Видеомагнитофоны в то время были ещё не у всех, и тем более посмотреть иностранный фильм представлялось в диковинку. С Карауловыми мы не были близкими друзьями, и мне показалось это предложение немного странным. Ну, разве только то, что Илья и Сашка работали вместе в отделении милиции. Но пошли. Катя Караулова была на год меня младше, а её супруг Сашка, наоборот, года на три старше.

Фильм, действительно, оказался иностранным – «Эммануэль». Посмотрев первые кадры, я почувствовала, что мне совсем это смотреть не хочется, Катя

заметила моё настроение, и мы ушли на кухню пить чай. Говорили ни о чём. Пили чай тоже ни о чём. Общих тем у нас не было, только этот вечер, и этот фильм. Катя щебетала о том, как они собираются обставить квартиру, потом съездят в Венгрию, а потом только будут думать о ребёнке.

Фильм шёл долго. Мне показалось – вечность. Сашка пошёл нас провожать. Они с Ильёй бурно что-то обсуждали. Ключ от квартиры остался у Ильи, и я под дверью прождала его около полутора часов. Изнемогая от выпитого чая, я вышла на улицу, чтобы позвать Илью домой:

- Илья! Домой бы уже пора...

- Я сказал – сейчас приду... – резко отрезал Илья.

Пришёл минут через двадцать и с порога прикрикнул:

- А ты чего меня перед друзьями позоришь? Чё, несколько минут подождать нельзя было? И там тоже, фильм не стала смотреть – запахло, что ли учительке такое смотреть?

Я уже готовилась зайти в туалет и открыла дверь. Отвечать на эти фразы я не собиралась, во всяком случае в эту минуту.

Илья, видя, что я не реагирую на его слова, стукнул по двери:

- Я не понял? Ты чё – совсем опупела и со мной тебе даже разговаривать запахло?!

Я испугалась, и даже не за себя, а за ребёнка, который, как мне казалось, там в животе это всё слышал, ведь ему уже целых пять месяцев... Я уставилась на Илью в упор, и рванула дверь туалета на себя:

- Пусти! – и повторила, - Пусти, говорю!

- Ах, дак ты значит, в таком тоне заговорила?

- Слушай, ты с какой цепи сорвался?

- Я-то с цепи не срывался! Нас пригласили, я там строил из себя прилежного семьянина, а ты показала себя во всей своей красе, как стерва!

- Пусти меня в туалет! Ты даже не понимаешь, что мне не интересны сейчас твои слова, а твоё поведение вызывает у меня жалость к твоим выходкам!

Тебе ценны отношения с другими людьми – так, иди, живи с этими людьми, а меня не мучай, – я уже почти кричала.

- Сука! – последовало всего одно слово, и по челюсти я получила удар...

...В туалет мне можно было уже не идти...

Я стояла с полными глазами слёз, пережимая путь предательски струящейся по ногам жидкости.

- Она ещё и обоссалась... Достала меня...

Он ушёл, хлопнув дверью.

Я опустилась на табурет, стоящий рядом, обняла живот и начала тихо хныкать. В голове бежали одна за другой мысли: «Я не смогу простить ему это никогда... Он не только меня, он и тебя сейчас вот так унизил... Как он мог, как он мог...неужели это всё».

Роды были назначены на четырнадцатое декабря. Уже в конце ноября мне стало тяжело таскать ногу – её сводила судорога. Второго декабря, в день рождения Насти, мы вместе с ней приготовили именинный торт, воткнули в него четыре свечки – ровно столько исполнялось ей в этот день. Бабушки и дедушки приглашали нас на празднование к себе, но мы решили быть в этот день дома. Рисовали, лепили из пластилина, читали «Весёлые картинки». Илья уехал на зимнюю сессию, и дома царило спокойствие. Мой папа, дедушка Насти, на следующий день пришёл с подарками и, видя моё состояние, предложил:

- Может, к нам переберётесь на эти дни... А то вот чую я, что скоро тебе рожать.

- Пап, ну ты что! У меня же срок только через две недели. Да и идти скользко, даже в валенках... вдруг упаду.

Настя обрадовалась, что есть возможность с дедушкой покататься на санках, и мы решили, что я остаюсь дома, а внучку они заберут с ночёвкой к себе.

Мы жили в малосемейном общежитии. Малогабаритные квартирki на семью состояли из одной комнаты, кухни и санузла с ванной. Комнаты маленькие,

но удобные. Соседи все друг друга знали. Здесь же, двумя этажами выше, жила семья учителей – Тамары и Сергея Николаевича Астафьевых. Тамара тоже дохаживала последний месяц беременности, и мы часто обменивались новостями, тревогами, неожиданностями и всякими житейскими мелочами. Вечером они позвали меня поиграть в лото. Лото стало предлогом, а основным занятием было просто желание пообщаться.

Меня умиляло всё, чтобы связано с этой парой. Спокойствие в отношениях, размеренность в речи, домашний уют, который поддерживался обоими. Сергей Николаевич только что закончил чистить хрустальную посуду. Хрусталь в те времена был показателем достатка в доме. Его дарили на свадьбу, уставляли им серванты, и отсутствие его бросалось в глаза. Я осознавала, что это некий мещанский подход, но меня останавливало в мыслях-размышлениях выдержанность этой традиции, как символики сохранения хрупкого счастья.

Во время игры в лото у меня начались схватки. Сергей Николаевич перепугался и был готов бежать, звонить, вызывать скорую помощь. В комнатах у нас не было телефонов, только телефон-автомат около общежития. А если тот оказывался сломан, то вниз – по дорожке, к школе, а там у сторожа был дежурный телефон. И если сторож не спит, то скорая приехала бы минут через двадцать.

Я поняла, что если меня прихватит ночью, а дома никого нет, то придётся рожать дома, поэтому согласилась на уговоры Сергея и Тамары, и Сергей Николаевич побежал вызывать скорую.

Я спустилась в свою квартиру, собрала вещи. И, пока ждала помощь, вычистила чайник, а потом ещё и успела пропылесосить ковёр.

В больницу привезли, оформили, обозначили начало схваток и интервал между ними, и началось... Интервал скакал с четырнадцати до трёх минут, и всё начиналось сначала: с четырнадцати до трёх, – и так всё четвертое декабря, потом пятое декабря. Вечером пятого декабря, когда полное изнеможение окутало ослабшие ноги, после очередного осмотра врачи сделали заключение

– готовить к операции. У меня началась паника. Мне казалось, что если у меня вскроют живот, то там обнаружится что-то ужасное. Вот такой страх-видение мною и владел – там будет что-то ужасное.

В течение последних двух лет я активно увлекалась всевозможными обрушившимися в свободное пространство учениями, течениями – хатха-йогой, теософией, индуизмом, тибетской философией. И была уверена, что человек может достичь всего энергией мысли. В какие-то моменты даже казалось, что я начинаю предчувствовать и читать мысли окружающих...

Я уже с трудом передвигалась по палате. Чтобы легче пережить подступающие схватки, маршировала по коридору, каталась по стенке, прислоняясь лбом к холодной стене, и стискивала зубы, чтобы не кричать. И тут из меня хлынуло – отошли воды, а значит, вот-вот могу родить. Позвала медсестру, объяснила ей, что отошли воды. Медсестра хмыкнула:

- На кушетку, на кушетку, мамаша... мы сейчас будем готовить к операции... не выдумывай тут..., – но добавила, – Подожди, миленькая, а?!

- Сейчас буду рожать, – сказала я уверенно и направилась в процедурный.

- Э-эй, мамаша, там не рожают, – она бежала за мной, на ходу что-то кидая на медсестринский стол, одновременно доставая из кармана пузырёк с жидкостью, срывая крышку, и наливая себе на руки. Сильно пахнуло спиртом.

Но я чувствовала, что ещё чуть-чуть и будет поздно. Взгромоздилась на кушетку. Ругающаяся медсестра окрикнула кого-то очень требовательным голосом, в мгновение здесь же оказалась каталка, санитарка, ещё одна медсестра. Меня переложили, куда-то повезли, а я молила и взывала только об одном:

- Только не кесарево...

Уже в операционной врач меня успокоила и попыталась объяснить, что я потеряла много сил за прошедшие двое суток, и вряд ли смогу сама родить.

Я отрезала:

- Я смогу!

И представила, что я натягиваю на себя со стороны темени какие-то неведомые силы, они будто поршень давят на живот и...

Дальше помню плохо, обрывочно. Голос врача:

- Давай ещё... ещё...

Потом тишина. Долгая, тянущая тишина, как будто я в каких-то катакомбах из сказок Гримм. И я уже вижу, что меня вот-вот задавит падающая на меня туша сгнившей лошади, что я пробираюсь по лабиринту замка, в котором где-то слева от меня слышался голос:

- Мальчик...

Я открываю глаза, вижу синий комочек в руках медсестры, но ребёнок почему-то не плачет... какая-то суета, его шлёпают, почти бьют... я отключаюсь, и откуда-то издалека слышу тоненький писк... и голос:

- Реанимацию, срочно!...

Когда пришла в себя, на животе лежала холоднящая грелка со льдом. Никого рядом не было. Потом появилась медсестра:

- Ну, что, мамаша, перепугали тут всех...

- А где ребёнок?

Медсестра сделал вид, что не расслышала и ушла. Я попыталась крикнуть, но что-то как будто ударило в голову.

Опять ничего не помню.

Утром седьмого декабря перевезли в палату. В палате никого. Я одна, и ещё три пустых кровати со свёрнутыми полосатыми матрацами. На стекле окна морозными узорами вышит орнамент. Свет слабо проникает в окно. В коридоре орёт радио траурным маршем Шопена, сменяясь реквиемом Моцарта, потом ещё и ещё траурная музыка, и – ни слова.

Я чувствовала внутреннее напряжение такой силы, как будто из меня вот-вот вырвется гейзер. Лихорадочная дрожь колотила всё тело. Сидеть на кровати больно, лежать тоже. Я начала звать медсестру.

Пришла санитарка. Поставила посередине палаты ведро, прополоскала в нём огромную тряпку, накинула её на швабру и прошлёпала с этим орудием к крайней кровати. Я лежала близко у двери и следила за всеми действиями санитарки.

- А вы не знаете... вы не знаете, когда малышей приносят?

- Ну, когда кормить, тада и принесут. А ты, чё, уже ждёшь?

- Конечно, жду!

- Да, принесут, принесут – куда денутся... – санитарка перестала елозить тряпкой, впялилась в меня взглядом и медленно присела на панцирную сетку пустой кровати, – Ой! Слышала? Вон чё в мире-то творится?!

- А что творится?

- Да землетрясение в Спитаке, это то ли в Грузии, то ли в Армении... Людей погибло – ой-ёй-ёй! Тысячи! Ты-сячи!

Она так это произнесла, что мне стало не по себе... Так же, как села – медленно встала, вздыхая, тревожно проговаривая:

- Беда-то какая... беда-то какая...

И тревога усилилась ещё больше. Я вдруг ощутила какую-то мелочность своих проблем по сравнению с этой огромной бедой.

Санитарка домывала полы, и уже перед выходом посмотрела на меня ещё раз:

- Фамилия-то как?

- Максимова... – Скажите... А, может, вы там спросите... когда мне ребёнка принесут? – попросила я санитарку, когда она уже домывала палату и подавалась, пятясь к двери, затирая тряпкой на швабре свои же следы.

Санитарка что-то буркнула, и дверь закрылась.

Я встала и, еле передвигая ногами, поплелась к двери. Прямо около неё, у моей палаты, горела синим светом кварцевая лампа, и до конца коридора не было видно ни души. И санитарка уже куда-то растворилась. Я пошлёпала по коридору, придерживая между ногами падающую пеленку. Заглянула в одну дверь, в другую...

- Мамаша, – меня окрикнула откуда-то появившаяся медсестра, – Кого ищите?

- Мне ребенка не приносят!

- Как фамилия?

- Максимова.

- Идите в палату, Максимова, сейчас к вам врач придёт на обход.

Примерно через час пришла врач. На её кармашке было вышито синими нитками – «Педиатр».

- Максимова, что же вы натворили? – начала сразу с наезда педиатр, – Вы понимаете, что переход ребёнка из одного состояния в другое подобен выходу из космоса на Землю. И резкий переход провоцирует черепно-мозговую травму! – она внушительно замолчала, откашлялась, – Я вынуждена вам заявить, что мы снимаем с себя всю ответственность за то, что вы натворили! Ребёнок вполне возможно будет олигофреном...

Я смотрела на неё в упор, и не совсем понимала, что она говорит. Траурная музыка стала ещё громче, послышался голос диктора, рассказывающего о последствиях разрушительного землетрясения. Врач шевелила губами, и я не могла понять, что она говорит.

- Вы меня слышите?

Я как будто очнулась. Меня опять трясло мелкой дрожью, и не было сил поднять руки. Я заглатывала горячий, подкативший к краю глотки, воздух. Врач вышла в коридор, кого-то звала, потом мне ставили укол, втыкали капельницу. В ушах горела музыка, и я с трудом смогла произнести:

- Ребёнка мне принесите!

- Мамаша, на четвёртые, а то и на пятые сутки положено вам принести! Роды были тяжелые! Вы слышали, что врач вам сказала – у него черепно-мозговая травма...

Дальше снова ничего не помню. С трудом, то просыпаясь, то проваливаясь в какую-то чёрную пустоту, я пережила ещё сутки или двое. Санитарка принесла еду и завернутую в газеты банку:

- Мамаша, вам передачу принесли, банка тёплая, пельмешки, наверное... пожилой мужчина передал – отец? А муж-то где?.. Ну, да ладно, воспитаешь... Я ему наказала, чтобы он завтра приходил. Если б не мороз на дворе – можно было бы вам через окно увидаться, а так – вишь, как стёкла заморозило – аж рисунки всякие... А ты, красавица, давай-ка сил набирайся.

Мне хотелось пить, я стала подниматься, а сил не было. Санитарка поняла моё желание. Взяла стакан с компотом, принесённый ещё на завтрак, и поднесла мне. Я еле-еле вытянула руку, она дрожала, и я, обхватив стакан пальцами, поняла, что они не слушаются, но было поздно – санитарка уже отпустила стакан, а я его не удержала, и он плюхнулся на кровать. Санитарка выругалась, ушла за тряпкой и, может, ещё за чем. Я попробовала взять пустой стакан – руки тряслись. В тяжёлой голове отдавалось долбёжкой каждое моё движение. Я скатилась пониже на подушку и закрыла глаза. Голова раскалывалась от боли. В таком состоянии это было единственно удобным положением.

В последующие два дня я не могла ни есть, ни пить. Ложка, которую я держала в руке, ходила ходуном. Стакан не могла удержать и поднести ко рту – так тряслись руки. И никого в палате. Только всё та же изредка заходящая санитарка да медсестра. И – траурная музыка за дверью, и строчки:

«Боль в стон, вдох – в поклон той земле, что взяла в свои объятья...»

А ночью снился сон о матери с именем Армения, и крики, и стоны прорывались отовсюду, и детский плач...

На морозном декабрьском окне нарисованные узоры сложили колыбельную песенку, которую я тихо напевала своему маленькому сыночку, находящемуся в неведении, что ждёт-не дождётся его непутёвая мамка, выдавившая

его из Космоса так быстро на Землю, сквозь ужасы землетрясения где-то там далеко, и так близко – на этой, нашей с ним, планете.

Когда Богдана принесли, я его развернула, огладила всё тело руками, и силы откуда-то взялись, и как будто молитву зачитала:

- Что бы ни случилось с тобой – я рядом! Какой бы ты ни был – ты моё дитя! Космонавт мой!

Богдан открыл глаза, и зрачок его стал быстро-быстро перемещаться от переносицы к виску.

Потом в выписке напишут – «родовая асфиксия, олигофрения, нистагм второй степени, на учёт к невропатологу».

Через шесть месяцев я поняла, что развитие Богдана идёт нормально, и чтобы ни было – он мой сын, мой космонавт.

1989 год. Дом

С момента родов у меня начались сильные головные боли. Тело непроизвольно качало в сторону проезжающих машин. Были и короткие потери сознания. Папа уговорил не медлить с визитом к врачу. Я дала обещание, как только станет тепло – займусь здоровьем. Но летом было полно бытовых забот. И осенью, с первыми заморозками, и как только Богдан сделал первые попытки стоять и держаться за опору, я отправилась по врачам. Терапевт. Потом невропатолог. Невропатолог написал направление на консультацию к психиатру, который долго и молча рассматривал меня, сидя напротив, а потом проговорил:

- Вы у нас поэтесса? Мой вам совет: бросьте писать, и всё пройдет!

В маленьких городах многие знают друг друга, даже если не знакомы лично, слышали о другом через третьего человека. Может быть, доктор был прав. Только бросить писать я не могла. Это же не курево... Это, как рука твоя, как нога, которую предложили ампутировать. Строчки, смыслы сами настигали меня, обволакивали, душили, не давали спать по ночам, и помогали, когда я пела колыбельные детям, когда жизнь вокруг казалась пустой – они спасали.

Психиатр назначил мне курс транквилизаторов, и, подбирая схему лечения, я должна была через каждые семь дней являться на приём.

Декретный отпуск закончился через год, и я вышла на работу. Мне стоило большого труда концентрироваться, не подавать виду, что я раздесятиряюсь, разваливаясь в прямом смысле. И однажды на уроке я уже объяснила новую тему, как почувствовала горячий прилив к горлу – так всегда начиналось беспамятство. Успела дойти до учительского стола... очнулась в учительской – ученики принесли, и туда уже прибежала школьная врач.

Потом долго беседовали с директрисой школы. И я понимала, что что-то надо делать. Выход нашла директриса. Это был не совсем выход. Это был уход. Возможно, она заботилась о престиже школы, а возможно, она посчитала, что для меня будет спасением перевод, например, в городскую администрацию, куда меня приглашали ещё до рождения сына. Тогда я чувствовала, что это будет не патриотично по отношению к школе. Теперь – время пришло согласиться. И это был уход-выход по приглашению в администрацию города на должность заведующей отделом по делам с молодёжью. Зарплата оказалась в два раза выше, нагрузка в два раза меньше. Я потихоньку начала втягиваться в дела. Уже провела несколько мероприятий, и как-то меня вызвала к себе в кабинет старший идеолог и спросила:

- Анна Михайловна, вы ведь уже за все годы работы в школе написали не один сценарий на город?

- Мг, – я буркнула что-то невнятное, ожидая, что сейчас дадут какое-нибудь задание.

Меня просили писать сценарии на городские праздники, на встречи с творческими людьми, на выпускные в школы и первые звонки... Я писала их так, как чувствовала жизнь. Однажды, на праздновании Девятого мая собрала ветеранов и участников войны, и предложила им читать строчки прозы и стихотворений в микрофон, когда по площади будут идти колонны трудящихся.

Это показалось необычным нашему главному идеологу города, но не отказал, подписал сценарий после аргумента:

- Зачем нужны казённые отчёты во время движения колонны демонстрантов о том, какой комбинат с какими достижениями пришёл к этому дню? Пусть ветераны читают или говорят об этом дне, зачитывают свои воспоминания, и ими, их словами будут проникаться, восхищаться...

- Ох, Анна Михайловна... ну, смотрите мне, чтобы все ветераны выучили наизубок свои тексты!

Нельзя было в то время без острастки. Время непозволительных срывов. Нельзя было позволить ни промаха, ни много чего другого. И для вольнодумства тоже не было места.

А ветераны, конечно, волновались. Как тем, кто прожил много и повидал немало – запинались, но читали так, что мурашки по спине ползли. Я стояла сзади выступающих – контролировала сценарий. Наготове был нашатырь, валокордин, нитроглицерин. Тогда же, здесь же, читал стихотворение и мой папа. Он красиво декламировал всегда. Голос его дрожал:

- Тысяча четыреста восемнадцать дней... Тысяча четыреста восемнадцать – длилась война... Я был мальчишка – фэззушник, я смело морзе отбивал...

Это был парад парадов.

Такого рода сценарии и накопились внушительной стопкой отпечатанных на пишущей машинке и рукописных страницах – куча и ещё чуть-чуть.

- Анна Михайловна, не могли бы вы привести в надлежащий вид все эти сценарии и принести мне?

А через несколько дней меня вызвала к себе Глава города – Людмила Григорьевна Замятин.

- Анна Михайловна, у меня тут лежит предложение от Нины Аркадьевны, я его рассмотрела и считаю вполне приемлемым, чтобы удовлетворить покупку дома для вас – за ваши заслуги перед городом.

Я не верила своим ушам – разве такое вообще возможно?

Оказалось – возможно.

Почти год пролетел незаметно. Детей определила в детский садик и в ясли. Илья гулял налево уже совсем открыто, и немного сдерживало его только то, что он вступил в партию. Мне тоже назначили собеседование на кандидатский срок. И, вроде бы, жизнь начинала приобретать чёткие контуры: работа – детсад – дом, ужин – сон – детсад – снова работа... да ещё песни, стихи...

1982 год. Муза

Уже в институте я стала собирать в папку написанное и разбросанное по тетрадкам, блокнотам, салфеткам, даже автобусным билетам. Всегда были у меня проблемы с точными рифмами. Но, зная по стихосложению, по Самойлову, по Квятковскому, что рифмы это не главное, я себя не отяжеляла этим. Писала, заботясь только об одном – донести смыслы, своё понимание жизни. На одной из лекций запала в голову фраза преподавателя по литературоведению: «Поэт – слово мужского рода. Марина Цветаева не любила, когда её называли поэтессой». И сформировался комплекс. Да ещё подкинул дровишек уважаемый и почитаемый мною поэт, имя которого уже в то время было на слуху у нас – студентов филфака – Евгений Курдаков. Он вёл литературный кружок. На первую встречу пришёл почти весь наш поток, состоящий из восьмидесяти студенток женского полу и шести студентов – мужеского полу. Были и парни-студенты старших курсов.

Евгений Васильевич много читал, много восхищал, и предвосхищал мои смыслы – и я так думаю, вот ещё бы так мыслить научиться. И тут же он сказал, повторил ту самую фразу, немного перефразировав:

- Поэтом может быть только мужчина. Удел женщин быть или не быть музой поэта...

Вдохновлённые наши парни после этих слов, конечно, ринулись заниматься у Евгения Васильевича в кружке. Нас же – настырных девушек факультета –

образовалась маленькая кучка, которая сидела на галёрке, и с каждой встречей редела.

Евгений Васильевич, конечно, выкладывался по полной. Мы слушали его лекции, выполняли домашние задания. Больше всего запомнилось занятие, когда мы писали в подражание кому-то из известных поэтов. А после был устроен ритуал сожжения всех этих сомнительных творений. И помню ощущения – как было больно сжигать то, что ты отработал до каждой запятой, до каждого тире и вдоха. С того времени и началась настоящая любовь к слову.

Парни, окрылённые общением с Мастером, стали ходить, выгнув грудь колесом. И однажды они решили устроить литературные чтения на квартире у одного из них. Прикинули, что было бы здорово позвать и девчонок.

Хозяин квартиры – студент старшего курса Юрка тщательно подготовился, и он же был в этот вечер центром всеобщего внимания. Юрка писал внимательные стихи. Они витиевато и напыщенно уводили в фантазии. Они были уже сложившимися стихотворениями для того времени.

Юрка вёл себя несколько вальяжно. И, чуть ли не с первого момента знакомства с ним, я поняла, что он ещё тот франт, заигрывать умеет по полной. После встречи он вызвался меня проводить. Много читал стихов. А мне виделся в нём не он, а те, кому он подражает – Блок, Есенин и немного рвано – Маяковский... Но не понимал он, что я отдавала предпочтение стихам и смыслам Бродского и Мандельштама.

- А вот ты мечтаешь о своём будущем? – спросил Юрка.

- Конечно... кто не мечтает...

- Неверное, ... дай угадаю – дом с мезонином, цветочки-цветочки-цветочки, или – отдых на море за границей...

- Юр... мимо... молоко...

- И что? Строгая учителька в школе? Не-еет! Ты будешь преподавать в институте?! А кстати, мне предложили в аспирантуру, вот думаю – зачем поэту аспирантура... а? Как думаешь?

- Юр, мы пришли... Пока...

- Ань... постой ещё немного... А давай завтра сходим погуляем где-нибудь?..

И на следующий день, мы сидели в кафетерии, и он продолжил начатую тему-фантазию:

- Скажи, ну, расскажи – о чём ты мечтала после нашего разговора?

- Да мне и мечтать-то было некогда... В общежитии вечером в коридоре была драка, кого-то ножом пырнули, потом милиция, с нас зачем-то объяснительные брали... Потом я Золя читала, книгу дали только до утра...

- Я тебе мог бы дать Золя, у меня есть... ты не стесняйся, спрашивай, если что надо...

- Да, ладно... А ты фантазёр, значит?

- Ну... знаешь, я с детства любил фантазировать, или как папа говорил – фонтанировать...

Он помолчал и добавил:

- Ань...А выходи за меня замуж?

Я вздёрнула от неожиданности брови.

- Это твои фантазии?

Юрка откинулся на спинку стула, посмотрел с прищуром на меня, и, крутя ложечку в руке, начал:

- Я буду писать, писать, писать стихи... Меня будут печатать, издавать... А ты будешь моей Музой! Подойдёшь ко мне утром, а я ещё как будто не ложился, всё работал, – чмокнешь меня в небритую щёку и скажешь: – Дорогой! Я завтрак приготовила...

- Смешной ты! – сказала я, и подумала:

«Фиг тебе – Музой! Я сама, может быть – поэт!».

Потом Юрка ждал моего ответа, а я немного «подержала фасон», и через несколько дней мы окончательно расстались... друзьями, просто друзьями. Что, правда, вскоре охладило его пыл ко мне, и он пошёл искать свою Музу.

Спустя двадцать лет мы встретились с Юркой на фестивале в Астане, где мне вручали Гран-при конкурса. Он был на фестивале, как представитель прессы – корреспондент республиканской газеты, и ему нужно было сделать репортаж о победителе.

У меня была уже другая фамилия, и Юрка не сразу узнал во мне ту, бывшую его Музу. Он задавал вопросы и не узнавал меня, и я спросила:

- Юр, ты Музу-то свою нашёл?

Юрка уставился на меня в упор и от неожиданности немного приоткрыл рот:

- ...Анна? Анька?....

Потом мы болтали обо всём, о чём не наболтались тогда, скованные возрастом, комплексами. Музу он так и не нашёл. Есть жена, дети, квартира в Астане и вот эта газета, где он работает корреспондентом.

1989 год. Серебрянск – три раза

По окончании института меня распределили в свой родной городок. Меня тяготило отсутствие общения с литературной средой. Ещё со студенчества я вбила себе в голову пример с домом Максимилиана Волошина, где собирались художники, поэты, писатели, и в этой среде творчество разгоралось с силой и великолепием союза единых душ. О таком – мечтать, да и только. Но мне виделась моя жизнь не такой, какой она была. Я где-то глубоко в душе надеялась на то, что что-то щёлкнет в этой жизни и включится свет надежды на моё участие в таком союзе. Шли годы, щелчки были только по носу. А свет я находила, на тот момент, в своей дочери, в учениках и в своих песнях. Песни мои и назвать-то песнями было сложно. Это был крик, рвущийся наружу. У меня не было только одной темы – «о любви». Я считала, что и так всего достаточно, о чём надо говорить – о красоте, о природе, о дружбе, искренности, о творчестве, о месте человека во всём этом, о предательстве...

И решилась. Написала письмо Михаилу Чистякову, тому самому, на стихотворение которого я ещё школьницей сочинила музыку... Тогда это выглядело так.

Мы учились в шестом классе, был объявлен конкурс чтения стихотворений о родном крае. В городской библиотеке нашёлся маленький сборник стихотворений Михаила Чистякова, и в нём я прочла взволновавшие меня строчки:

В межгорье, в замшелых камнях,
Сквозь годы, сквозь древнюю тишь,
Чуть слышно, с серебряным пеньем,
Текла Серебрянка в Иртыш.
А он, затаённый, угрюмый,
В кипенье бунтующих сил,
С какой-то тяжёлою думой
Бурунные воды катил.
Он знал, что не может сравняться
С ним силой любая река.
Ему ли кого бояться?
Ведь он потопил Ермака!
Он лодки на шиверах губит,
Плоты погружает во тьму.
...Но бросили дерзкие люди
Воинственный вызов ему.
1969г.

Слова «текла Серебрянка в Иртыш» заворожили, и сразу запелись. Вот только никак не могло уложиться в исполнение наличие слов «бурунный», «замшелый», «на шивера/х»... Изумительно яркие картины рисовались с помощью таких слов, и чётко представлялось всё происходящее, но в песню моего понимания это не укладывалось. Тогда я решила – чего мучаюсь, ведь конкурс не песен, а стихотворений, и прочла на конкурсе оригинальный текст стихотворения Чистякова. Но музыка, навеянная словами, не отпускала, и как-то само собой случилось, что, изменив несколько слов, я посмела обратить сказанное Михаилом Ивановичем в песню с другими словами:

МОЙ СЕРЕБРЯНЫЙ ГОРОД
В горах одичалых, забытых,
Сквозь годы, сквозь древнюю тишь
Серебряной тоненькой нитью
Текла Серебрянка в Иртыш.
Ей солнышко жёлтое веко
Показывало из-за скалы,
Роняли гортанный клекот
С тяжёлого неба орлы.

И в эти дремучие дебри
Всесильные люди пришли.
От взрыва оглохшее небо
Упало в ладони земли.
Надсадно моторы выли,
Сверкали лебёдок штыки.
Зажала крутая сила
Звериную ярость в тиски.

В пролёты легли затворы,
Притих, присмирел Иртыш,
И выбежал новый город
С весёлыми шапками крыш.
Теперь он стоит на зелёном,
Крутом берегу Иртыша,
И смотрит вперёд озарено,
Великою новью дыша.
Его, в честь глухого местечка,
Чтоб люди забыть не могли
Серебряным именем речки
Строители нарекли.
Серебрянск - мой серебряный город,
Серебрянск - мой юности дорог,
Серебрянск, Серебрянск, Серебрянск.

Потом всё же решилась, и спела эту песню однокласснице Тане. Та одобрила, дала слово, что никому не расскажет о ней. А тут, вскоре, нам объявили о приезде в наш городок самого Чистякова! Настоящий, живой поэт будет выступать перед нами! Таня не удержалась и рассказала Гертруде Вениаминовне о песне. И как-то всё завертелось, закружилось, и я что-то невнятное мямлила, что пою не совсем его слова, что его слова я спеть не смогу... Но меня никто не слушал.

Наступило мартовское утро ожидаемого приезда поэта. Если сказать, что я была ни жива, ни мертва в тот день – значит, ничего не сказать. Помню, как Михаил Иванович читал свои стихи, а я и вслушиваться не могла – так трепетало во мне сердце ожидания момента моего позора. Казалось, из ушей слышно, как оно колотит по стенкам моего тела-колокола. И пришло время конца встречи. Объявили мой выход. Я запела, запела его текст. Сбилась. Запела ещё раз. А потом сделала остановку и спела другой, свой вариант стихотворения.

Михаил Иванович посмотрел на меня внимательно поверх своих толстенных очков и улыбнулся. Мне было стыдно, казалось, он сейчас меня сравнивает с полом... А он сказал:

- Это уже не мои слова, это уже ваша песня. Вы талантливы, и у вас большое будущее...

Он пожал мне руку и улыбнулся ещё шире, как будто благословляя песню на долгую жизнь.

Спустя годы песня стала визитной карточкой всего города. Её разучил хор пенсионеров, который каждое утро по радио выводил дрожащими голосами: «Серебрянск, мой серебряный город, Серебрянск моей юности дорог...». И мы в своём городском комсомольском штабе «Альтаир» каждое заседание открывали ею, и в конце исполнения Андрей Ишин по традиции шёпотом проговаривал:

- Серебрянск – три раза.

Итак, в ноябре 1989 года я написала письмо Чистякову.

Ответ пришёл через месяц. Но не от Чистякова. Писал его друг – писатель Арцишевский.

«Уважаемая Анна (извините, не знаю как по отчеству).

Я пишу по поручению своего друга Михаила Чистякова, которому Вы направили своё письмо. Михаил Иванович очень болен и попросил меня ответить Вам с подробностями.

Я прочёл Ваши стихи и сделал следующие пометки...».

Далее по письму он раскидал правки синим фломастером, минусами и плюсами обозначая свой взгляд на норму. А в конце сделал вывод:

«В целом же в Вас ощущается синдром поэтики... Приезжайте к нам на заседания литературного объединения «Звено Алтая», мы встречаемся по субботам в здании Дворца Пионеров и Школьников...

С уважением, А. Арцишевский».

Я была на седьмом небе от счастья.

И поехала. На каникулах. Поезд приезжал в город утром и отъезжал в 00:00 часов. И я успевала посетить заседание литобъединения, и ночью вернуться домой.

На заседании я оказалась самой молодой. Моя гитара привлекала всеобщее внимание – её я взяла, чтобы уж показать и песни. По первому вопросу шли чтения новых натуралистических заметок писателя Бориса Щербакова, по второму вопросу – читали свои новые стихотворения старожилы. И когда объявили мой выход, я набрала полные лёгкие воздуха и начала петь. Пела обо всём – о детях, о матери-Армении, о яблочном пироге, о папе, и о том, что ...

И снова крутит жизнь по свету,
И снова расстояние сжимаю
До слёз в вопросах и ненайденных ответов,
До истины "я ничего ещё не знаю".

И лишь с уходом только понимаю,
Что зубы сжав, терпимей буду к людям...
Стучит висок - "я ничего уже не знаю",
Но, слава Богу, что ещё всё будет.

Приняли меня очень хорошо. Одна из литобъединенцев, растроганно, выступила с пламенной речью, что, де, эту девушку надо вот так, как есть, взять и ...на телевидение... Другая, моя тёзка, пригласила в гости и рассказала историю своей жизни, которую я запомнила на долгие годы. И поняла тогда из этой истории – творчество не только даёт, оно может отбирать самое ценное, то, за что больше всего цепляешься. Здесь же присутствующий редактор одной из газет предложил опубликовать кое-что у себя.

А ровно в 00.00, подобно Золушке, я села в поезд, превратившийся в тыкву... Но глотка¹ этого творческого вдохновения хватило на какое-то время, чтобы снова чего-то ждать от жизни и надеяться на востребованность.

1991. Инсульт

Дом, как строение, стал для меня, мягко говоря, ещё той обузой. Все удобства во дворе. Отопление – печка. Только внешне может показаться романтикой жизнь на земляном участке. Но дом требует к себе ежедневного внимания. Он, как ребёнок, утром просит пить – и надо принести воды из колонки, печку – подбелить один раз в два дня, погреб просушить, баню натопить,

чтобы стирать на детей и помыть их, еду готовить на печке, пока она не протопилась.

А ещё дом требовал соблюдения хозяйственных традиций. Мы завели кур, козу с козлятами, кроликов. И теперь каждое утро начиналось до восхода солнца, и заканчивался день далеко за полночь. Так же было и раньше – но в творчестве, за написанием песен, за проверкой сочинений по литературе. А теперь – жизнь меня сложила пополам, и с согнутой спиной, только успевая переставлять ноги, я колдошила по хозяйству, глубоко внутрь засунув всё своё творчество. Теперь моим творчеством стал дом.

Головные боли обозначились острее. Они могли прийти ночью, во сне, и не отпускали в течение трёх-четырёх дней. В день уходила пачка таблеток цитрамона. Однажды в выходной день приехал папа и, увидев меня мучающейся с болями, предложил обсудить всё это, когда мне станет легче. Легче не становилось.

Меня направили на консультацию в областной центр, где сделали снимок и, ничего не обнаружив – только что-то, по словам врача, «незначительное в турецком седле», уже в больнице, в областном центре назначили пункцию спинного мозга.

А ночью, после взятия пункции, я проснулась от резкой боли в голове и от того, что в тело как будто вонзились тысячи иголок, почувствовала сухость во рту, захотела встать, но не смогла поднять тело, и только палата куда-то поплыла. Тело не слушалось. Голова кружилась, и её будто сдавливало изнутри и снаружи одновременно. Сколько так лежала – не знаю. Одна рука шевелилась, и я начала долбить ею по кровати. Проснулась соседка, немного повозмущалась, но я настойчиво долбила, и она поднялась, подошла в темноте ко мне, что-то спрашивала, но у меня не получилось ничего произнести, я могла только выдувать воздух и мычать. Звука не было – язык стал такой огромный, что я не могла им шевелить. И он же не давал дышать. Соседка по палате включила свет, ойкнула и убежала звать врача. Потом принесли ка-

пельницу, я отключалась на какое-то время, а когда уже к вечеру следующего дня пришла в полное ощущение себя, почувствовала, что я могу поворачивать голову и даже что-то невнятное произносить. Иголки, или мурашки по телу уже не так сковывали тело, и уже через день я сидела на кровати, а потом с трудом, но перемещалась, подтаскивая немного ногу. Назначили интенсивную терапию, иглоукалывание, массаж и множество других процедур. Так у меня произошёл первый инсульт.

Больница находилась за семьдесят километров от нашего города, в областном центре. На родителей легла огромная нагрузка – двое моих детей. А Илья... Илья нашёл себе новую жену.

Семьдесят два моих дня в больнице стали испытанием.

Мой лечащий невролог – уже в отделении неврологии, куда меня перевели на реабилитацию после нейрохирургии, Лира Васильевна, открыла мне глаза на жизнь, на то, что я называла жизнью, и что на самом деле за этим словом должно быть. Мы много беседовали. Она стала для меня не просто лечащим врачом, но и другом. Зная, что я очень люблю творчество Марины Цветаевой, на выписку она подарила мне огромный её сборник избранного. До сих пор эта книга с подписью Леры – со мной.

- Если твоё возвращение домой всё оставит по-прежнему, то пойми – вскоре твоя жизнь может закончиться. Мой тебе совет – беги, бери детей и беги. У тебя ещё есть шанс начать всё сначала.

Я вернулась – чужая. Моя благодарность была только к родителям – с ними всё это время были дети. Илья уже в открытую встречался с другой женщиной. Но когда я приехала домой, он пришёл домой, как ни в чём не бывало, и у нас состоялся тяжёлый разговор с выяснениями отношений.

После ужина я уложила детей спать, прочитала им сказку о добрых гномах. Настя спросила меня:

- Мама, а почему гномов называют добрыми? Они получается, сразу такими родились?

- Люди рождаются все одинаковые, а что в них закладывается — связано с радостью или грустью, которые дают мама, папа, бабушки и дедушки...

- А я добрая? — Настя смотрела мне в глаза, не моргая.

- Если ты не обижаешь никого, даже самого маленького муравья, значит — ты добрая. То есть, ты знаешь, что ты сильнее — но не показываешь свою силу, а, наоборот помогаешь беззащитному, то ты и добрый, и благородный... Но о благородстве я завтра почитаю...

Я выключила свет в детской комнате. Хлопнула входная дверь — Илья вернулся со двора — уходил курить.

Я поставила чайник, и, собирая со стола грязную посуду, обратила внимание, как Илья, сев на табурет, положил руку на стол и стал нервно тарабанить пальцами:

- Что думаешь делать? — спросил Илья.

Мне с трудом давались передвижения, ещё не до конца восстановились функции правой руки и ноги. И появилось стеснение из-за постоянно дёргающейся мышцы на правой щеке, особенно во время улыбки. И во время переживаний, щека предательски ползла куда-то вверх, как будто показывая мою улыбку.

Как мне хотелось в это время защиты. Мне хотелось покоя. От всей вселенской усталости. Чтобы никто ни о чём не спрашивал. Чтобы самой уложить в голове все мысли в порядок.

Там в больнице, за семьдесят два дня, у меня была возможность всё это обдумать, но как решиться и сделать шаг — было непонятно.

- Мне трудно сейчас говорить... Ты скажи — чего ты хочешь? — у меня поползла щека, а Илья принял это за улыбку-издёвку.

- Чего я хочу?! Пока тебя не было, я понял, что я уважаемый человек. А вот ты появилась — и всем своим видом показываешь, что я дерьмо... А может, всё наоборот?... Ты — мою жизнь превратила в дерьмо! Если бы я знал, что ты такая...

- Какая – такая?

- Ты – шлюха, шаталась чёрти где, и гляди-ка заявила! Смотри-ка на неё – уродина! Да ты психичка, я это докажу в два счёта, и тебя лишат прав на детей!

- Ты не посмеешь этого сделать!

- А что у тебя есть доказательства, что ты занималась их воспитанием?

- А, по-твоему, ты занимался их воспитанием?

Хорошо, что в эти моменты дети были в дальней комнате.

Такие разговоры стали кататься по квадратным метрам нашей кухни каждый вечер. Постоянные препирательства, унижения сменялись недолгими затишьями, и после всё начиналось сначала.

- Да ты никто! И без меня вообще подохнешь... И помни – я тебе такую славу создам, что ты меня век будешь помнить! – вопил Илья, приходя домой как можно позже, и устраивая сцены ненависти.

- Я не сомневаюсь, что ты уже создал мне славу своими походами налево!

- Заткнись! Ты чё, думаешь, я тебя ждать должен с твоих путешествий? Я – ещё молодой, и мне нужна жена!

- Ну, и иди, иди к ней! Зачем сюда приходишь?

- Нет, сначала я тебя по миру пушу, и дети будут со мной...

- Подонок ты...

- Чё ты сказала?! Курва гулящая!

И он озверел... Он схватил мой подбородок пятернёй и оттолкнул. Я не удержалась и повалилась на спину, обо что-то ударилась. Он начал бить в живот ногами, бил и по спине, по почкам. Бил до тех пор, пока не отключилась.

Ночью пришла в себя, еле поднялась. Из комнаты раздавался храп. Я дошла до умывальника и увидела себя в зеркало. На меня смотрела старуха с подтёками под глазами. И я слышала слова Леры Васильевны: «Если хочешь жить – уезжай...».

Утром я позвонила старшей сестре и попросила приехать. Я не знала, что она созвонилась с папой, и они приехали вдвоём. Картина, которую они увидели, их и напугала, и ужаснула. Я показала сестре кровоподтёки на теле. Особенно большая гематома образовалась в области живота. Папа настоял, чтобы я сделала освидетельствование в медэкспертизе. Но мне было стыдно – такой – идти по улице, или ехать в автобусе. О такси в то время не было и речи – у нас их просто не было.

Я завязала поплотнее платок, одела тёмные очки и мы пошли вместе с сестрой Ниной – сами не зная куда. Я уговорила её пойти вместе со мной к начальнику Ильи – в городской отдел милиции. И то, что я услышала на приёме у начальника, меня загнало в тупик:

- Я вам не верю! – сказал подполковник милиции Оспанов, – Илья на отличном счету! К тому же он – член партии! А вы, простите, я знаю, что сейчас без работы?!

- Это временно, я на больничном...

- Ну, мой вам совет: вы выздоравливайте, подлечите свои нервы. Это просто ваш срыв, и я вас понимаю! Но вам говорю – Илья наш отличный сотрудник, и он этого сделать не мог... Да и потом... дела семейные... Зачем сор из избы выносить?

Я вышла во двор, где ждала меня Нина, и заплакала – я ничего не могла сказать, только одно:

- Я домой поеду...

Июнь 1992. Развод

Вскоре вышла на работу. После третьей попытки у меня приняли заявление на развод. Родственники Ильи оккупировали мою жизнь настолько, что мне уже невозможно было сделать ни одного самостоятельного шага. Один из родственников, работающий в исполнительной власти города, каждый вечер, к концу рабочего дня, заходил ко мне в кабинет, и как бы невзначай говорил:

- О, привет! У меня тут дела образовались, и, дай-ка, думаю, загляну...
 - Привет, Николай, проходите, если ненадолго, мне надо детей забирать из садика...
 - Так, не проблема – я на машине, и домой вас подброшу...
- Помогая мне собраться, он опять же, как бы невзначай, говорил:
- Что-то вы с Ильёй к нам в гости не заглядываете?
 - А разве мы раньше это делали? – я смотрела на родственника в упор.
 - Ну, почему бы не изобрести нам такую традицию... – не унимался Николай.
 - Коля, я ж понимаю, к чему вы клоните... Бесполезно всё это!

И – начиналось!

- Как же так?! Вот, всё в толк не возьму – зачем люди разводятся? Вот ведь народили двоих детишек, всё так складывалось у вас замечательно – ты при должности, он школу милиции заканчивает, и тоже у него перспективы неплохие... А тут, на-тебе, развод! Да, у всех не всё гладко в семьях – чего же сразу бежать разводиться? Вот ты скажи мне – из-за чего всё?

У меня не было желания рассказывать человеку, близкому к Илье, что произошло и происходит. Как было объяснить, что не должны люди издеваться над людьми, что все одинаковыми быть не могут, но и терпеть это не все могут, что некоторые поступки людей нельзя прощать, что если ты понял, что твоей жизни идёт угроза, надо уходить от этого. Но дорог ухода всего две – либо из жизни, либо на другой край города, страны, планеты. Только так ты можешь сделать работу над ошибками. К сожалению, жизнь нам не даёт репетиций, и во время твоего жизненного сценария может сработать правило детектива, а тебе не интересен этот жанр, – ты задумывал реализм, историческую драму. Где у нас, у каждого, эта самая точка отсчёта, когда жизнь становится подвластна правилам отдельного жанра? Возможно, в моменте рождения. Там, где ты родился? В какой семье? Какое образование получил? Это и есть отправные точки твоего сюжета.

И я рассудила так: если уж я родилась наперекор всем правилам — у почти сорока шестилетних родителей, у мамы, у которой перевязали трубы, — значит, мне дано право что-то повернуть так, чтобы идти наперекор заложенному сценарию.

Ещё один сводный брат Ильи, работающий в прокуратуре города, негласно окружил меня недопусканьем к суду. Но в один прекрасный день в суд приехала областная комиссия, и моё появление там с заявлением оказалось кстати.

Тут Илья начал запугивать меня, что не отдаст Богдана, что найдёт доказательства моей невменяемости, и докажет, что моё лежание в больнице не может повлиять на нормальное воспитание детей.

Но день суда наступил, детей оставили со мной, и беспомощного Илью мне даже было немного жаль, несмотря на его продолжающиеся угрозы:

- Сына ты не получишь! Он останется у меня. А ты катись, куда хочешь. Подойдешь хоть на полшага к сыну — убью...

И я поняла, выход у меня один — уезжать.

1992 год, май. Степь

На заседании городской администрации Людмила Григорьевна — глава города — раздала всем задания по подготовке к республиканской спартакиаде, проведение которой выпало на наш район.

Я в этот день планировала подать заявление, и поняла, что придётся повременить, пока не закончу все дела. Да и надо бы найти себе замену. Хотя с последним вопросом всё было решено. Ещё недели две назад в разговоре с Сергеем Николаевичем — бывшим соседом и учителем физики из нашей школы — выяснилось, что он с удовольствием бы ушёл из школы.

- Как ты уволилась, стало пусто... — признался Сергей Николаевич, — да и платят совсем копейки, а нас теперь всё-таки трое.

Тамара родила через месяц после меня дочку Полину. Весной 1989 Сергей Николаевич начал строить дом, и теперь в их жизни всё было замечательно, кроме маленькой зарплаты.

Ему-то я и хотела предложить занять моё место в администрации города.

Сроки спартакиады близились. Я курировала проведение досуга во время спартакиады – проведение концертов, поздравлений гостей. И, конечно, открытие спартакиады, на которую должен был приехать сам президент республики. Все уже было готово, и в намеченный день отъезда, сделав все необходимые звонки, я отвела детей к родителям, и уехала на Маркаколь – место проведения мероприятия.

Приехали уже после полудня. Издалека многочисленные белые и разноцветные юрты напоминали яичные половинки, узорами расставленные на степном майском блюде. Со всей республики сюда съехались участники спартакиады, и уже завтра по утру, с прибытием президента, должно было состояться открытие торжества. Все пребывали в приятном волнении встреч. Радость от уже наступающего праздника преподносилась кумысом и бешбармаком. Запахи баурсаков, варёного мяса и жареной пшеницы кружили голову. Мне показали направление, где стояли юрты районной администрации и, груженная сумками с вещами и нужными атрибутами, я отправилась искать своё пристанище. Новостей здесь ждали только от прибывающих и поэтому каждый «новенький» был на виду. Ко мне навстречу шли несколько джигитов и предложили помочь донести тяжелые баулы с инвентарём.

- Привет, дорогая! Никак спортсменка...

- Спортсменка – не спортсменка, а видишь, с дороги, устал человек. Девушка, давайте помогу донести, – преградил дорогу невысокий парень с доброджелательной улыбкой.

- Да, я в общем-то и сама могу, – показала я свою самостоятельность.

- Э-э..., сразу видно, неоседланная кобыла, – пьяно прошипел сидящий около юрты остряк.

- Ты, братан, повежливее с дамой-то, а то ведь и по роже..., – встрял всё тот же желающий помочь поднести сумки.

- Ладно, держи, – скомандовала я и отдала сумки доброжелателю.

- Меня Ермек зовут, – представился парень, забрасывая сумку на плечо.

Он посмотрел, как бы ожидая услышать в ответ имя, но я ушла вперёд.

За два года работы в аппарате главы администрации я научилась, где надо быть суше на слова. Да и мероприятие масштабное, надо осмотреться вначале, прежде чем заводить какие-либо знакомства.

- Сумка-то тяжеловата у вас. Вы, случаем, не штангистка? – всё пытался разговаривать меня Ермек.

- Ты сам-то откуда приехал?

- Ну, вот так бы давно...а то думаю, чего молчит...плохо может...а чем помочь не знаю... Из Устькамана я. По поясным видам спорта практикуемся.

Разговорчивый Ермек посвятил во все новости уклада жизни спартакиадной деревни, показал, где расположился их лагерь, когда по режиму тренировки, сколько времени отведено на отдых, и вечером предложил сходить на дискотеку. «Штурмует парень» – подумала я, и хихикнула самой себе – «а почему бы и не на дискотеку»...

Но как только появилась около своих, после объятий и любезностей нужно было явиться к Людмиле Григорьевне, которая выехала ещё вчера.

Людмилу Григорьевну Замятину все тепло называли «мамой». Она на самом деле была заботливой, какой должна быть забота мамы. Я восторгалась этой необычной женщиной, полной энтузиазма, уверенности, жёсткости, и одновременно, тёплой женской нежности, лучащейся из глаз.

- Анна Михайловна, хорошо доехали? Сейчас пока осваивайтесь, располагайтесь. Иван Терентьевич вас определил уже? Иван Терентич, распорядитесь по Ане... и чтобы накормили хорошо, поваров предупредите, чтобы не зевали, – Замятина свела брови, придавая лицу строгость, но слова были сказаны по-доброму, – Как приведёте себя в порядок с дороги ... – часа хватит? – вот

и славно, в восемь пойдём с визитами вежливости – обойти нужно как можно больше областей. Гитару-то привезла?

Я кивнула головой, благодарно улыбнулась и вышла из юрты. Мою гитару и ещё кое-какие вещи должны были привезти на милицейском уазике, который был назначен для доставки части нашего груза. И меня убедили, что гитаре там будет безопаснее.

- Не видели, подъезжал уазик? Вещи выгружали? – спросила я ставящих ещё одну юрту работников.

- Привет, Ань, – слышалось откуда-то изнутри строящегося передо мной сооружения.

Это был голос водителя уазика – майора Рахимжанова, с которым должны были приехать мои вещи.

Я увидела водружающийся к небу шанырак, который крепким батогом держал в равновесии тот самый водитель уазика – Рахимжанов.

- А я уже думаю, куда это вы, Анна Михайловна, пропали? Мы уже и наряды поставили, и реквизит разгрузили, и вот ваши вещи привезли, а вас всё нет и нет. Уж, думаю, не украли ли нашу молодку. А потом вижу – под охраной идёт. Это кто наших девушек обхаживает?

- А где ж вещи-то? – спросила я.

- Ну, кое-какие вот, а гитара в машине осталась, а машина ту-тю, за продуктами поехала.

- Да мне гитара нужна, Замятина предупредила, что через час надо быть у неё...

- Ну, так бы сразу и сказали. Ща, всё будет.

Пока Рахимжанов связывался по рации, я наблюдала, как вяжут тугие узлы на креплениях юрты, как натягивают кошму и обматывают её обечайкой. Будто девушку одевая в наряды, закрывая бесстыдство её тела, накладывали на остов кере материи, расправляли узоры, крепили аппликации и обвязыва-

ли нарядными лентами. За считанные минуты это кочующее строение превратилось в жилище. Невестой на выданье стояла нарядная и гордая юрта.

Я прикоснулась к белому одеянию. Юрта представилась сразу в нескольких ликах: и молодой нетронутой девушки, и матери, вскармливающей ребёнка и умудрённой женщины, в поклоне склонившейся над землёй. Какие тайны ей ведомы?..

Неподалёку заскрежетали тормоза и меня окликнули. Оказалось, что машина, в которой находилась гитара, застряла, и нужно ехать вызволять её. Рахимжанов подсуетился быстро, и уже через несколько минут мы подъехали к рычащему узику, стоящему с открытой пастью передка машины, из которой валил дым.

- А, это ваша там балалайка? – со злостью кинул находящийся рядом человек с широким лоснящимся лицом.

- Греховна, наверно, вот и посадила мне машину, стыдно признаться – такая девушка... а нас в грязь, значит...

Он подошёл ближе, и я еле успела увернуть лицо от нахлынувшей волны перегара.

- Чё, землячка, крутишь головкой... Как искупать вину будешь?

Я в недоумении посмотрела на Рахимжанова, но тот стоял, как вкопанный и почти на вытяжку. «Так вот в чём дело» – смекнула я и вспомнила, что видела этого «в штатском» не один раз на расширенных планёрках, и ответила:

- Я по срочному распоряжению от Замятиной. Мне гитара нужна.

Напористый скривил ехидную улыбку и процедил сквозь зубы:

- Рахимжанов! Отвезите гитару Замятиной.

- Дак...Есть! – натянулся дугой майор.

Я двинулась в сторону машины майора, но резкий болевой ухват за руку чуть не выбил искры из глаз:

- А вас попрошу остаться...

Притянув меня к себе, он осоловевшими глазами впялился в лицо, прощупывая пальцами на спине каждый миллиметр одежды.

- Вам, кстати, Замятина тоже приказала прибыть... – задыхаясь, проговорила я, продумывая одновременно – как бы изменить ход событий.

Уворачиваясь от тыкающегося в шею подбородка, я ногтями вцепилась в плечо налегающего на меня, тот слегка застонал, стиснув зубы. Но в то же время, будто пришёл в себя, и в следующую минуту повёл себя, как ни в чем не бывало.

- Ну, что ж, вы бы раньше так и сказали, что Замятина... Ладно, поехали.

Он подошёл к водителю уазика, о чем-то распорядился, и запрыгнул в машину к Рахимжанову.

Ехали молча. Я сидела на заднем сиденье и рассматривала пейзаж за окном.

Вечерний степной воздух наполнился густым дымом костровищ, расположенных по четырём сторонам огромного юрточного города. Приготовления ещё не были закончены и небольшие поломки на линии энергоподачи высветили ночное небо кострами.

Обход в свите Замятиной обозначал и особое ритуальное поведение. Я старалась не сводить глаз с движений «знающих» и повторяла за ними: и поклоны головы и усаживания на корпешки.

В каждой юрте нас приветствовали хозяева областей, усаживали за дастархан, за которым привечающая сторона и гости обменивались дежурными любезностями. Потом объявлялись ближайшие планы. Поднимались тосты за благополучие спартакиады. И торжественные речи заканчивались моим пением под гитару.

Предстояло обойти семнадцать юрт – по количеству районов республики.

Одним из самых торжественных моментов было посещение юрты Алматы и алматинской области.

Эта юрта стояла на возвышенности и отличалась от остальных особым убранством. Золотом вышитые орнаменты поверх белой парчи притягивали

восхищённые взгляды. Развевающийся белый шифон, покрывающий газовой накидкой всю юрту, придавал нарядной красавице утончённость и изысканность.

Низкий вход в юрту – часть ритуала: тыходишь уже в поклоне к хозяевам. Наш визит ожидался, но пир здесь уже шёл во всю. Звучали песни в исполнении под домбру. Сверкающая глазками исполнительница звонким густым голосом в минуту нашего появления запела хвалебные куплеты гостям и хозяевам. Мы пересеклись с ней взглядами, и она подмигнула мне, указывая на гитару за моим плечом.

Первый тост произнёс хозяин юрты Баке. Иносказательность национальных речей – это искусство востока. За каждым словом – объёмная многозначительность. За каждым жестом и вздёргиванием бровей – тоже укрыта немалая часть смыслов.

После здравных речей обеими сторонами, после тоста за здоровье, в юрту внесли на большом подносе только что извлечённую из казана варёную баранью голову. Баке, отделяя ту или иную часть от головы, обращался к гостям со словами подношения:

- Вам, уважаемая Людмила Григорьевна, я подношу ухо и глаз – держите ухо востро, и будьте внимательны...

- О! Баке-ата, это мудро! – воздел руки вверх один из старейшин, сидящий здесь же за столом.

- Благодарствую, Баке, – приняла Людмила Григорьевна блюдо и ответила на этот ритуальный жест подношением подарка, который уже держал наготове один из служащих.

Журчала горной рекой казахская речь, перетекая в русские фразы. Сияли улыбки сидящих за достарханом. Когда время подошло мне петь, я сожалела только об одном, что не могу исполнить песню на казахском языке. Но и мои исполнения были восприняты на хорошем уровне.

- О, Люда-апа, хороший смена у тебя! – воскликнул Баке, – И что такие звёздки степь освещают? Надо бы им в столицу!

- Баке, в столице и так светло, пусть звёзды и нашему Востоку светят!

Рядом со мной подсела домбристка:

- Далеко пойдёшь, молодец, только не особо-то слушай, что они говорят, а то ещё загордишься, а тебе ещё работать и работать...

Я поклонилась исполнительнице за её слова. С другой стороны ко мне уже пробирался Баке.

- А вот мы сейчас и проверим – нашего ли племени чудо твоё...

Я, видимо, что-то упустила в разговоре, пока меня отвлекала исполнительница, и взглянула в сторону Людмилы Григорьевны, та молча кивнула головой.

- Ну, красавица, за твой талант! – Баке поднёс мне фужер с коньком.

Я улыбнулась, и как учила меня Людмила Григорьевна, пригубила бокал и замерла, будто пью.

Уже подвыпивший Баке смотрел на меня в упор:

- Давай-давай, до дна... – и поддавил на ножку бокала, не давая мне возможности убрать его ото рта, – Давай-давай-давай...

Я пила и смотрела на Людмилу Григорьевну, а та показала жестами, мол, не переживай, всё нормально.

«Как же нормально?» – думала я, – «Сейчас опьянею, а как потом по другим юртам идти...».

Тут домбристка начала петь озорную песню, внимание переключилось на неё. Я отстранила бокал от губ с недопитой жидкостью и столкнулась взглядом с Баке, который смотрел на меня, лапая меня взглядом. Я опустила глаза и стала продумывать – как отсюда выбраться.

В юрте все сидят вокруг низенького стола на карпешках – таких маленьких подушечках. Только высоким персонам предлагались низенькие табуреты или стульчики. Мне удалось немного сдвинуться назад. Голова начала кружиться от выпитого коньяка. Сидящий рядом Баке преградил мне своей но-

гой дорогу. Он-то сидел на стульчике, и вальяжно вытянул ногу. Потом положил мне за спину руку – как бы невзначай:

- Пей, красавица, ешь, всё для тебя! – нагнулся к уху и прошептал, – Сегодня ты будешь со мной!

Меня как ошпарило. Я отпрянула спиной назад. Баке лыбился, не давая мне сделать лишних движений, и жестом показал кому-то из своих, давая какие-то указания.

Застолье гудело какими-то обособленными разговорами, смехом – все, как будто знали друг друга и вели себя, как давно не видевшиеся родственники, переговариваясь, перекрикивая друг друга, смеясь, гогоча и поедая кушанья, которых было огромное множество, и стол всё более и более наполнялся подносимыми блюдами.

Я ещё раз попыталась слегка отползти от стола, ведь уходить из-за стола раньше, чем не будет дозволено Людмилой Григорьевной – нельзя.

- Нам наша звёздочка сейчас хочет что-то сказать и спеть, – обратил на себя внимание Баке, подливая ещё коньяка в мой бокал.

Я выпрямила спину, отказываться нельзя, поэтому выход один – на амбразуру. Улыбнулась, расправила плечи, и подняла бокал:

- Тепло вашего приёма подобно ласковому солнцу, которое всех согревает с единой силой. И во власти человека – строить навес над головой, чтобы укрыться от палящих лучей, или смиренно дожидаться заката. Пусть ваше тепло согревает нуждающихся, и дастся вам столько тепла, сколько вы можете принять. За ваш дастархан, за ваш уют.

- За это надо до дна, и на брудершафт, – воскликнул Баке, держа в руках два бокала и глядя мне прямо в глаза.

Я наклонилась поближе к нему:

- Я не выпью столько...

- А я хочу, чтобы ты выпила! Сейчас всех выгоню отсюда, только мы с тобой останемся... – и сделал жест в сторону веселящейся толпы за столом.

- Не надо, не надо, Баке-ата...

- Называй меня просто Баке. Твой рот говорит это так, что я всё готов за это отдать...

Он дышал на меня перегаром совсем близко, а как отсюда вызволиться – не могла придумать.

- Баке, я...я ...хочу в туалет....

- М-мм-мм...Вот выпьем, и вместе выйдем...– он просунул свою руку за мою,– Давай, пей! – залпом выпил, не уводя глаз с меня и наблюдая, как я медленно цежу коньяк сквозь зубы, потом подтолкнул бокал, сам же его отставил и вцепился цепкими губами в мои губы, больно ударив зубами по губе.

Отпрянув назад, я закрыла губу рукой, и когда отдернула увидела кровь на пальцах.

Пьяный ухажёр схватил бутылку коньяка:

- Давай смочим, ничего... ничего, заживёт до свадьбы... – и начал обильно поливать меня коньяком, гадко и мелко хихикая при этом.

И тут мне удалось привстать:

- Мне надо, мне надо...выйти... – я зажимала кровоточащую губу и пятилась к выходу, пробираясь через сидящих плотно гостей и хозяев.

На меня уже будто никто не обращал внимания. Подвыпившие гости веселились, Людмила Григорьевна увлеклась разговором с сидящими с ней рядом персонами, а, может, сделала вид, что не заметила, как я юркнула из юрты. Я только теперь вспомнила, как Людмила Григорьевна сказала мне перед входом в эту зловещую юрту «будь умницей».

Мне было противно, больно и обидно – за всё сразу: за наш район, наш город, за себя, за Людмилу Григорьевну, за это нелепое поведение Баке.

Я на ощупь пошла в сторону ручья, который видела ещё засветло. Там спряталась в высокой траве и сколько так просидела – не знаю.

Звёздное, оглушительно тихое небо подмигивало звёздами. Слышно было только далёкие отзвуки людского разгула. А где-то совсем рядом свои радиосигналы небу отсвистывали сверчки.

От холодной воды стала приходить в себя. Закатная полоса зари совсем растворилась в тёмном небе. Резко стало холодно. Лёгкая кофточка не спасала. По дороге к месту своего ночлега, пробиралась тихо, чтобы никто не заметил. Уже у входа я столкнулась с майором Рахимжановым.

- Ой, Аня?! А тебя там ищут – всех на ноги подняли, пойдём, а?

- Раимбек, давай договоримся – ты меня не видел... Я тебя очень прошу... А я спрячусь. Утром всё разрешится...

- Аня, ты не понимаешь... Я слышал, как сейчас нашего начальника по стойке смирно отчитывали – приказали, чтобы тебя из-под земли достали...

- Раимбек...ты меня не видел...– где-то далеко я услышала голоса и чей-то незнакомый:

- Кто Максиму видел?

Это спрашивали около юрты рядом. Я рванулась бежать через высокую сухую траву куда-то в степь и бежала, пока совсем не выдохлась.

Майская степь – она, как ладонь. Куда бы далеко ты не ушёл по ней, а приглядишься в сумерках, и кажется, что тебя отовсюду разглядеть можно. Поэтому и бежала, пока уже юрточный городок не стал совсем маленьким – с ноготь на мизинце.

И всё стучало в висках: «Что же делать-то?..– и сама себя успокаивала, – Ничего, завтра начнётся спартакиада, приедет президент, все займутся делами, и всё встанет на свои места...».

Ночью в степи одиноко и холодно. Одиноко от величия неба над тобой и ощущения себя таким маленьким под этой чёрной, усыпанной звёздами, куполом перевёрнутой пиалы. А холодно от ещё не прогретой днём земли. И вдруг показалось, что я держу купол неба над собой, будто надувной шар, за ниточку. А оно – и не настоящее вовсе, а бутафория. И сто^ит всего-то паль-

цы разжать, и – улетит оно вместе со всей нелепостью произошедшего вечера.

Через какое-то время холод стал пробирать до клецанья зубами. Попыталась собрать траву вокруг себя. Майская степная трава выжжена и высушена, она уже потеряла краски, и местами стоит совсем сухая. Но не хватало сил её вырывать. Села. То, что насобирала – обложила вокруг себя, пытаюсь хоть немного согреться, но теплее не становилось.

Вдруг где-то совсем рядом слышалось шепуршание и тяжёлое сопение.

«Собака, что ли?» – подумала я, начала цокать языком и вглядываться.

Жуткого вида худая собака, раскачиваясь, стояла поодаль и вглядывалась в меня, а я в неё. Собака странно отпрыгивала назад, снова раскачивалась и подёргивала шеей, растягивая пасть, как будто смеясь. И тут меня, как ошпарило: «Шакал?!»

Я приподнялась с земли. Топнула в сторону дикой собаки, произнесла какие-то странные, вырвавшиеся из меня утрашающие звуки, и стала медленно спиной отступать, не выпуская из поля зрения очертаний этого жуткого чудовища. Где-то сбоку слышалось другое шепуршание и сопение, и я почувствовала, что в эту минуту из меня выделилось столько адреналина, сколько накопилось за всю жизнь. И всплыли строчки, читанные где-то в детстве в журнале «Здоровье»:

Когда человек боится, он выделяет адреналин,

Собаки это чувт, и, лая, бегут за ним.

Стишок крутился и крутился в голове, как заедающие звуки на пластинке.

Я выдавила из горла пронзительное, низкое, долгое:

- Фу-уууу....

И в ответ слышала что-то похожее на смех.

«Точно – шакалы...». Ужас, охвативший меня, заставлял делать утрашающие шаги в стороны, рычать, выкручивать пасы руками... О, если бы этот мой танец кто-то снимал на видео – не знаю, было ли бы смешно...

Так я пыталась отступать. А куда отступать? Я и повернуться спиной к обнажившим себя тварям боялась, и удирать тоже: вдруг, они за мной побегут, и ведь это я чувствую, что их, вроде бы, два, а на самом деле – не известно.

Так, танцуя перед шакалами, я пятилась в каком-то непонятном направлении, но, вроде, в ту сторону, где был лагерь, который уже успокоено где-то вдали перемигивался светом установленных фонарей на столбах линии электропередач.

Длилось это, казалось, вечность. В какой-то момент хотелось остановиться. И что это сулило? Быть разодранной шакалами? А там, в лагере – быть разодранной кем...

Еле дотанцевала до того момента, когда звери остановились и дальше не пошли. Ещё немного попятившись спиной, я развернулась и бросилась бежать, что есть сил, к свету...

Пробралась к юрте с реквизитом дома культуры. В ней должны были ночевать директор дома культуры Любовь Андреевна и её помощницы Карлыгаш и Катя. Побоялась заходить через главный вход. От Любы я знала о потайном ходе, его сделали, чтобы лишний раз не наматывать километры до сцены. Здесь лазейка была открыта. Нырнула внутрь и услышала сонный голос Любовь Андреевны:

- Карлыгаш, это ты?

Я уже плюхнулась в театральное тряпье и сквозь зубы процедила:

- Мг... – это хорошо, что Любовь Андреевна не знает, что это не Карлыгаш.

- Чего шастаешь так поздно – завтра рано вставать, давай спать ложись...

Еле согревшись, я ещё долго не могла уснуть, всё прокручивала в голове произошедшие события ... Сильно заболел низ живота, хотелось выть – и от боли, и от не отпускающего озноба и клацанья зубами, одновременно...

Утром у Любовь Андреевны зазвонил будильник, она подскочила, и начала суетно и громогласно поднимать спящих:

- Подъём! Подъём! Всем умываться, через полчаса завтракать и по постам! Карлыгаш! – обращаясь в мою сторону, прокричала Любовь Андреевна своей помощнице.

- Ну, Любочка Андреевна, ну, чего вы, я уже почти встала, – донеслось из другого конца юрты.

- Не поняла!? А кто в этом углу у нас? Катька, ты что ли?

- Любовь Андреевна, я здесь – отозвалась Катя тоже издалека.

Я вытащила голову из тайника платьев, приложила ко рту палец и покачала отрицательно головой, давая понять, что «я» это не «я».

Любовь Андреевна подошла ближе и шёпотом, с удивлением:

- Анна Михайловна?! А вас вчера везде искали... А вы тут, оказывается...

- Люба, меня здесь не было...Хорошо?

Я полностью выкарабкалась из костюмного барахла.

- А что случилось-то, а, Ань?

- Потом расскажу... Мне самой сначала надо всё понять...

- Тут какой-то ходил, всё орал – «достаньте мне её под земли», на нашего Оспанова так кричал, что поувольняет всех...Так чего было-то?

- Я потом расскажу...

Как и проникла в юрту, я выбралась из неё и направилась к ручью. У ручья мы снова столкнулись с Рахимжановым.

- Доброе утро, Раимбек. Вы здесь дежурите что ли?...

- Кому доброе, а кому не очень...Чё теперь делать-то будете?

Я молча умылась и направилась к Замятиной.

Людмила Григорьевна уже была на ногах, точнее, на стуле. Она сидела, скрестив ноги и руки, а вокруг неё колдовала парикмахер, укладывая причёску:

- Анна Михайловна?! Как спалось? – и, не давая мне вставить ни слова, - А мы вот по вашей милости и не спали. Короче, сейчас всё пусть идёт, как идёт, а по приезду будьте любезны ко мне на беседу.

«Ну, вот всё и разрешилось само собой – меня выталкивает из жизни в этом городке не только личное, но теперь и весь город. Это ли не повод – ехать отсюда, куда глаза глядят...».

Отъезд не должен был привлечь к себе внимание. Богдана Илья запер у своих родителей, и не подпускал меня к нему. Я решила уехать в город, пока с Настей, а после забрать сына.

Мой переезд был в никуда – ни квартиры, ни работы. Небольшой запас денег на съёмные площади, да на сборы дочери в школу.

Богдана я выкрала через два месяца. Приехала к родителям, упросила Илью увидеться с сыном, забрала его в чём был, и увезла. А Илья и не кинулся искать – не до этого ему было с другой семьёй.

1994. Обретение равновесия

В областном центре, конечно, больше возможностей для заработка, но кругом нужны связи, которых у меня просто не было. Я и пойти ни к кому из знакомых не решалась – стыдно было чувствовать себя просящей. А в глазах моих в то время только и были поиски – как хлеба добыть. Думала я так: «Встану на ноги, тогда и объявлюсь среди своих знакомых-бардов или поэтов из литературного сообщества или бывших сокурсников».

Работу найти не получалось. Без прописки никто не брал, даже с дипломом. Хорошо, что директор школы попалась сговорчивая, и Настю взяли в первый класс без лишних документов. Когда я показала свой диплом в надежде вакансии учителя, директриса, догадываясь о моих проблемах, не стала вводить меня в заблуждение:

- Я бы рада вас взять... учителей не хватает. Но вы же снимаете квартиру, а нашей зарплаты вам даже на полмесяца не хватит... А то и вовсе её не дают. Нам уже задолжали за полгода, не знаю, как учителям в глаза смотреть.

Около рынка, где я отоваривалась картошкой, на столбе увидела объявление «Требуется домработница», и – позвонила.

Хозяева смотрели в мою трудовую книжку, а потом на меня – с недоумением. А вскоре начали строить планы на то, как я буду обучать их сына игре на фортепиано, буду проверять его уроки... Я выдержала полгода. И по весне, открыв окно для мытья, вдруг осознала: «Я так больше не могу...».

И тут совершенно неожиданно на пороге нашей съёмной квартиры оказался руководитель бардовского клуба. Женя просто тихо сказал:

- Можно, я тебе помогу...

Он действительно помог, узнав, что на телевидении объявили конкурс на должность журналиста с филологическим образованием. Я прошла конкурс, и меня взяли вначале стажёром, а через месяц уже на постоянную должность. Жизнь стала налаживаться. Так прошёл год, другой. И Богдан, и Настя ходили в школу, мы продолжали снимать квартиры, пока однажды я не встретила своего старого приятеля, знакомого ещё по школьному комсомолу, по лагерю комсомольского актива. Сашка просто сказал:

- Я открываю фирму. Пойдём ко мне работать.

- А что за фирма? А кем работать?

- Менеджером. А фирма перспективного направления – компьютерная.

- Но я же ничего не понимаю в компьютерах! – испугалась я, уже подумывая уйти с телевидения, где совсем не платили зарплату, выдавая её сахаром или макаронами.

- Ничего страшного – обучишься!

Я согласилась. И только теперь вдохнула жизнь полной грудью. Дети стали учиться в престижной школе. Зарплаты хватало, чтобы и жить, и радоваться, и снова писать песни.

Наш маленький коллектив рос, как на дрожжах. И всё было умело продумано – даже не столько Сашей, сколько его супругой и другом по бизнесу – Милой. Она незаметно, но неутомимо будоражила всю атмосферу фирмы. И работалось легко и отдыхалось на выходных целыми семьями – весело.

Благодаря Саше и Миле у нас вскоре появилась своя квартира, а однажды соседка, тётя Соня зашла:

- Анечка, дело у меня к тебе... Я тут собралась к сыну переезжать в Россию, и квартиру буду продавать. Да, не хочу кому попало... И вот думаю – может, ты купишь?

- Да вы что, тётя Сонь! Я, конечно, рада за вас, что вы решили ехать жить к сыну... Но как я куплю... я только-только за эту рассчиталась.

- А ты в рассрочку купи. Я торопить сильно не буду. Сейчас бы мне на переезд, потом через полгода, и через годик остальное...

Всю ночь промучилась в думах. А утром решила – надо соглашаться. Дети подрастут – а тут квартира есть, да и ещё и рядом – прямо над этой. Ну, подумаешь, год всего надо поработать с напряжением, зато потом можно будет вздохнуть легко.

Но не всё так гладко в расчетах, как на деле. Полгода прошли, и оставалось то всего ничего. И вдруг приехал сын тёти Сони с доверенностью на продажу, и стал требовать полную оплату:

- Даю тебе срока – неделю, не заплатишь, продам другим...

- Но ведь я внесла уже немалый залог...

- Ну и что, меня это не касается... И так я иду навстречу: я хотел бы поднять цену на продажу, но очень уж матушка просила не делать этого...

На консультации у юриста мне объяснили, что я указала в расписке «залог», а не «аванс», поэтому продавец вправе, выставя новые условия, не возвращать мне уплаченную сумму, если изменились обстоятельства сделки.

На работе удалось насобирать небольшую сумму. А вечером я села за телефон – звонить сёстрам и просить о помощи.

- Это твоя затея, и не очень разумная... Я помочь не смогу, – ответила Валя.

- Что-ты, две тысячи долларов... Это откуда ж у нас? – сказала Зоя.

А, зная положение Нины, я даже и звонить ей не стала.

Заняла деньги у кого только могла и расплатилась. Но впереди меня ждал период отдачи долгов – очень трудный, с процентами.

Работать приходилось за десятерых. И опять вернулось время жизни впроголодь. Но решила, во что бы то ни стало – не забирать детей из компьютерного лица.

Январь, 1996 год. Папа

Я скрывала от родителей свои проблемы. И, приезжая навестить их, виду не подавала, что нам сейчас очень тяжело.

И вдруг...

Это произошло в январе. Мы только собрались ехать с детьми на каникулах в Серебрянск, как позвонила мама:

- У отца инсульт, приезжай скорее...

Мне повезло – я нашла очень хорошие лекарства, и вовремя начали лечение. Папа поднялся.

Весной, в мамин день рождения, он играл на баяне, пел песни. Провожая нас на поезд, он как-то тяжело посмотрел на меня, стоящую на подножке поезда, и помахал, еле подняв руку, уже отъехавшему вагону. Он стоял в рыжем плаще, такого же цвета, как когда-то были его волосы. Теперь он был совсем седой, маленький, но с теми же добрыми глазами и слегка подёрнутыми улыбкой кончиками губ. Внутри у меня всё сжалось.

После своего дня рождения, первого мая, папа впал в кому, и уже не встал...

На долю отца выпало не так уж и много праздников. Сразу же после окончания ФЗУ (так назывались училища) в июле 1941 года, где он получил специальность радиста, был направлен на фронт. Полк формировался в Мытищах. Там, на курсах молодого бойца его вместе с тысячей его сверстников учили обращаться с лошадьми и... шашками. Да-да... с шашками. Именем Рокоссовского были прикрыты военные просчёты, о которых после напишут, что

это было ошибкой. Но тогда – юных, размахивающих шашками пацанов, кинули на юго-западное направление фронта.

Август стоял сочный, благоухающий запахами невыжатых соков виноградных полей, раскинувшихся крылами по обе стороны дороги, по которой двигался армейский эшелон. И не думалось даже, что этот щедрый край может забрать самое ценное – жизнь.

Конармия на скаку ворвалась в пасть тяжелой артиллерии. Всего один бой показал юным парням, что такое война, что такое сопротивление и что такое пуля в висок от безнадёжности – именно так закончили жизнь молодые офицеры. Весь командирский состав принял решение не сдаваться. Позже история много лет будет замалчивать всё, что коснулось двенадцатой армии с двести сорок седьмым батальоном связи, где оказался мой отец.

...Связи со ставкой не было. Искать обрыв связи – оставалось единственным выходом. И он пополз в предполагаемом направлении, где можно было соединить разорвавшиеся провода. Кругом то и дело громыхали падающие снаряды, и вдруг всё тело как будто подкинуло кверху и резко запахло мокрой землёй. Все перед глазами поплыло красной пеленой. А потом оглушительный звук от падения, и – хруст в плече...

Очнулся ночью. Громыхало где-то далеко. Под рукой нащупал землю, сгрёб её в кулак и даже обрадовался, что рука цела. Услышал стон где-то за головой. Открыл глаза и ужаснулся увиденному – рядом, друг на друге лежали молодые бойцы – перемазанные кровью вперемешку с землёй.

- Ты как? – услышал папка чей-то голос, – Это я, Николай, учились вместе...

Николай смотрел совсем близко в глаза, как будто пытаясь рассмотреть ответ на вопрос, потом он стал наматывать разорванный рукав, силясь как-то закрепить его. Отец попробовал подняться:

- Где мы?

- Сам не могу понять... Никого из комсостава нет. Фрицы вокруг ходят, говорят чего-то непонятное, и наших всех раненых стаскивают сюда... Как будто яма какая-то огромная, как котлован.

Как только забрезжило рассветное солнце – поднялся гомон незнакомой речи – лязгающий, громкий, резкий и приказной. Стали поднимать с земли. Тех, кто не мог подняться – оттаскивали в сторону и при всех – автоматной очередью...

Николай с моим отцом, поддерживая друг друга, поднялись. Подошёл низенького роста такой же по возрасту, как они, молодой фриц – начищенный, выбритый, он смотрелся, как клюква среди крыжовника:

- Дойч? Нихт? Русиш швайн...

Это было начало плена.

Выстроенных колонной пленных погнали в западную сторону. Никого не били, только не давали еды. Измождённых сваливали в ямы от разорвавшихся снарядов и пристреливали, как собак. Люди издевались над людьми. И не укладывалось в голове, что это были люди.

Это была война.

Долгие, тягучие часы дневного времени измерялись теперь шагами. Оборванная, потная, грязная одежда уже не спасала от ветра и дождя, и, казалось, она стала частью тела. А когда сквозь неё сочилась кровь, не было необходимости оголять кожу, она лопалась вместе с ранами и вместе с ними заживала. Примерно на двадцатые сутки подошли к станции. Теперь можно было немного отдохнуть, но спать дали только четыре часа. Днём разрешили по команде опуститься на землю. Всех разбили на группы примерно по двадцать-тридцать человек и назначили в каждой группе старшего, он с помощниками приносил воду, которой хватало порой только намочить губы. На станции впервые за все дни выдали несколько граммов хлеба и прессованный кусок какой-то крупы.

В эшелон грузили ночью.

Шёл дождь, и в вагоне стоял парной запах пота и грязи. Теперь можно было выспаться хотя бы несколько часов, пока не затекут ноги, ведь пленных было так много, что на одного приходилось одно место сидящего на четвереньках человека.

Откуда, из какого уголка истерзанного тела бралось невыносимое желание жить...

Поезд часто ставили в железнодорожные тупики. Было слышно где-то неподалёку разрывающиеся снаряды, и не верилось, что всё это происходит наяву. Глоток свежего воздуха становился валютой. Появилась какая-то иерархия между пленными, но оставалась человечность – тех, кому становилось плохо от духоты, подтягивали ближе к выходу или дырам в стенах вагона. Свежий воздух стал не просто отдушиной, а будто лучиком надежды и веры. Глотали этот воздух вместе с этим лучом, как будто он мог утолить голод и жажду. И он спасал. От невыносимой головной боли, от тяжести за боль разлагающихся ран. Но больше ныли не раны тела... ведь ранили в самую душу – за что вот только...

Как громом прозвучало на чужом языке и тут же стихло название места, куда привезли на двадцать восьмые сутки.

Испокон веков земли завоёвывались. И не понаслышке, от деда слышал мой отец, что такое война. В хуторе всё держалось на мужиках – дело спорилось, и работа кипела от урожая к урожаю. Успевали всё – и за скотиной ходить, и шкуры выделывать, и сапоги шить. Вспомнил Мишка, как батя однажды про себя рассказывал – как ещё мальцом заартачился он было по утру рано вставать, на выпас идти не хотелось, и батя-то его – дед, значит, и говорит: - Ты Бога-то не гневи, жизнь он тебе дал, чтобы ты пользу приносил земле. Он же у тебя жизнь-то и забирать будет. А куль жив – роби, всё воздастся. Папа редко рассказывал о своей родне – в основном в майские праздники, когда у самого день рождения был, выпавший на Международный день солидарности трудящихся 1 мая.

- Батя рассказывал, – повёл рассказ папа, – Что хуторские дела шли хорошо. Но однажды, все собрались кругом, и порешили кинуть насиженные места. А вот кожевенный заводик наш, который и кормил всех, решили с собой перевезти. Скот – какой закололи, какой с собой потянули. С тем и подались в киргизские края. Помню, всего пять лет мне было, как разговоры поползли, что и сюда до границ с Китаем, советская власть докатилась. Как-то поутру все мужики сложились по телегам, бабы завыли, и всё куда-то исчезло: и жизнь радостная, и мамкины светлые глаза вдруг почернели навсегда. А с сестрёнками, да с мамкой я остался за мужика. Много позже мать говорила, что за границу они ушли, в Китай. И всё долго вспоминала, как напоследок бабка скинула с телеги сундук с фамильным серебром, да с дохою...

- Воспоминания – самый близкий друг, – говорил папа, – С ними будто жизнь ещё одну проживаешь где-то в другом пространстве. И только онемевшее тело может напомнить о существовании ещё одного измерения, которое доставляет физическую боль и страдание...

А там, в гнилом вагоне с пленными, какие только мысли в голову не приходили – что ж это я, пулю-то себе не приберёг... Нет... Я – есмь. Я могу ещё потрогать губами этот луч свежего воздуха, он оттуда, от Бога, и я не сдамся. Как там дед говорил: – Бога-то не гневи...

...О том, что война закончилась в 1945-ом, пленные узнали только в начале сорок шестого, когда их освободили американские воска. Все проведённые годы в плену они выполняли разную тяжелую работу на фабрике. Их покупали, как рабов. Как с рабами обращались. А когда пришли американцы – весь штатлаг посадили на карантин. Медицинское обследование выявило у многих кучу заболеваний, у большинства истощение, чахотку. И тут папка начал слабеть – ноги совсем перестали слушаться, грудную клетку раздирал болезненный кашель, глаза стали слепнуть... И это в двадцать шесть-то лет!

Как попал в госпиталь – не помнит. Когда очнулся – за окном лил холодный осенний дождь. Перед ним, как ангел, весь в чистеньком, стоял офицер, и по

лицу его было видно – свой, русский. Палате зачитали приказ о возвращении военнопленных на Родину.

Родина... Теперь отцу это слово напомнили мамкины слова: – Родненький, да куда ж ты, покидаешь-то нас, кормилец, – причитала она, провожая сына на фронт.

- Я вернусь, мать! Девочек береги.

Я вернусь... Было даже страшно подумать – как теперь примет Родина...

Внятно объяснили, что они её предали, сдаваясь в плен. И папка был готов к расстрелу, но только там – на Родине, на той земле, которую пахал и засеивал его дед и отец, на той земле, на которой отрезали его пуповину от матери, на его земле, которую определил ему Всевышний.

Вернувшись в Восточный Казахстан, в Алексеевку, на границу с Китаем, отца не тронули – слишком он был слаб, думали и так от чахотки помрёт. Выдали временный военный билет, в который записали со слов отца номер армии, и забыли о нём. А отец выжил. И как-то закружилась-завертелась жизнь. Взял в жёны активистку Авдотью с маленьким сыном Юркой, которых тоже потрепало войной, и в сорок девятом родилась у них дочь Нина. Переехали в Свинчатку, где отец пошёл работать на рудник – здоровье-то и так угроблено, зато хоть деньги какие в дом будут – так размышлял. Потом, в пятьдесят первом родилась Зоя, а в день смерти Сталина – Валя.

Я буду поскрёбышем у родителей – уже в шестидесятых. И когда семья переедет в Серебрянск, там, лелея мечту о сыне – отец будет нести меня из роддома, и дарить мне свои стихи, песни... И там, уже в девяностых, плановой проверкой по военкоматам отца объявят дезертиром.

- Михаил Николаевич, – обратился к нему военком, к которому отца вызывали по повестке, – Положите военный билет на стол. Вот вам бумага, ручка – ответьте письменно на все мои вопросы: в каком году, каком месяце были призваны на фронт, в каком городе это всё происходило, назовите номер армии, в которую были мобилизованы...

Отец описал всё, что помнил, по памяти. И в какой-то момент потянулся к военному билету...

- А вот этого я вам делать не рекомендую... – вмешался сидящий здесь же в кабинете военкома подполковник.

Он привстал со своего места и накрыл ладонью билет.

- Вы должны зубок помнить номер своей армии.

- Так ведь... как на зубок-то, если уже и зубы все вставные? – ухмыльнулся отец.

- Вставные зубы, говорите... – и улыбнулся своим беззубым ртом, – У кого-то, работающего на Родину, средств не достаёт, чтобы зубы вставить... А у вас, значит...

Военком тоже ухмыльнулся – стиснутыми губами.

Отец записал то, что помнил.

- А ниже приписочку сделайте, – посоветовал подполковник, – Чем вы там, в плену, как вы говорите, занимались...

- Да, как и все пленные, на разные работы нас определяли...

- Так и пишите – выполнял разные поручения...

- Ну, как бы это, не поручения совсем... – возразил отец.

- Пишите-пишите... – и снова улыбнулся беззубым ртом, – И добавьте фамилии – с кем вы были в плену, может кого из охранников вспомните...

А через два дня к нам домой пришли из военкомата несколько человек. Вручили отцу бумагу – для ознакомления, под роспись.

А в бумаге той значилось, что таким-то – таким-то предоставлены ложные сведения, что указанной в военном билете армии не существует... Что объявляется отец дезертиром. И, с учётом состояния здоровья, назначен ему домашний арест – до выяснения подробностей и судебных разбирательств. И с позором, с публикацией в газете «Он предал нашу Родину», лишат почти всего.

Отец слёг.

А я не могла уговориться – не могла я поверить, чтобы папка, мой хороший папка был вот так опозорен.

Письма в архив Москвы, Мытищ, где формировалась армия, по рассказам отца, где прошёл их первый и последний бой, – ничего не дали.

И только от безнадёги я послала письмо в Германию – практически, «на деревню дедушке»... И через двадцать дней пришёл ответ, что Томин Михаил Николаевич – был взят в плен в августе 1941 года под Симферополем, армия такая-то; рост такой-то, вес такой-то, количество зубов...

В военкомате меня встретили по-недоброму: докопалась-таки, мол.

Восстановили отца, какую-то медаль даже вручили, придя к нам домой... А папа уже не вставал с постели.

1996-1997 год. Осиротела

В ночь с 9 на 10 мая 1996 года отца не стало.

Папка в моей жизни был моей опорой. А тут как будто её выбили у меня из-под ног.

Мать утвердительно сказала:

- Ты должна меня забрать к себе...

- Мам, надо немного подождать...

- Тебе мать свою не жалко? Ты хочешь меня здесь одну бросить?

Она говорила это, не смотря на то, что рядом жила старшая дочь, ссора с которой уже слишком затянулась, и это ли был не повод объединиться двум одиноким, уже немолодым женщинам. А мне сложно объяснить было, что в квартиру, за которую ещё предстояло расплачиваться, я пустила квартирантов, чтобы хоть как-то сводить концы с концами. Как было вскрыть, что я перед ней «фасон держу», а нам порой просто есть нечего.

Но мать настаивала. Она стала приезжать каждые выходные. Однажды я застала её, измеряющей стены:

- А что ты так смотришь на меня? – не ожидая мой приход, сама напряглась мать, – Там, квартира такая же, – вот смотрю – куда что поставить.

Она записала в тетрадке какие-то цифры, и прижимая к себе сантиметровую ленту, повернулась ко мне:

- Я в следующем месяце перееду, давай, своих квартирантов попроси освободить квартиру. Ничего, проживём...

- Мам... Я ещё не расплатилась за квартиру, а если ты туда въедешь, мне нечем будет платить за неё...

- Как это, нечем? Ты работаешь, дети вон в престижной школе учатся... Ты и одеваешься неплохо... Я же вижу, что деньги у тебя есть. Проживём!

Мать за совсем маленькие деньги, которых хватило только на переезд, продала свою однушку, и переехала.

У времени свои режимы, повороты, свои испытательные плацдармы. Я в детстве очень любила сказки «О потерянном времени» и «Царевна-лягушка», где моралью было умение ждать и не сжигать шкуру, пока не пробил час. И тут я почувствовала истощение сил. Я никогда так остро не чувствовала одиночество. Хотя рядом была мать.

Мамка, мамка, если бы ты знала, как я всегда мечтала прижаться к тебе, чтобы ты трепала мои волосы и спрашивала: «Как дела, дочка? Ты расскажи... Поплакать хочешь? Давай вместе поплачем...».

Я работала с утра до полночи, а домой хотелось идти всё меньше и меньше. Мать тоже чувствовала себя одинокой, и даже брошенной. И только теперь она поняла, как нам тяжело.

- Я-то думала, что у тебя всё хорошо, а оно – вон как: меня перевезла и забыла про мать. Что же это за работа у тебя такая, что дети тебя не видят, и в холодильнике шаром покати...

И я не выдержала:

- Я просила, мама, даже умоляла – подождать...

- Ах, дак ты меня упрекаешь! Мать родную упрекаешь, что я на твоё жильё позарилась! Да, пропади ты пропадом...

И когда приехала в гости старшая сестра, мать приняла решение – уехать к ней.

Вещи грузили молча, не поднимая взглядов друг на друга. И уже сидя в машине, она посмотрела на меня и Настю, стоящую со мной рядом:

- Будьте вы прокляты, – прошептала она и отвернулась.

Машина уже отъехала далеко. Я стояла, как вкопанная. Слез не было. Я просто смотрела вдаль, за угол дома, а Настя начала теревить:

- Мам, что сказала бабушка? Я не поняла...

Я обняла Настю, прижала к себе:

- Как у тебя дела в школе? Что-то ты мне давно не рассказывала, пойдём, чай поставим, и ты мне расскажешь, какие у тебя новости...

Ноябрь 2007. Тревожный цвет

На начало декабря мы наметили проведение Зимнего Слёта с приглашением московского барда Александра Макаренкова. Я организовала мастер-классы с приглашением казахстанского поэта Валерия Михайлова. Практика мастер-классов нам была уже известна по Слёту имени Насера Кульсариева в 2006 году. Тогда, на Слёте имени Насера мы впервые практиковали много чего, в том числе мастер-классы. И вот, в 2007-ом, решили и на Зимнем повторить их.

Зимний слёт назначили на приалматинской турбазе. Добирались как-то с трудом. Нас не пропускал экопост, хотя путёвки были на руках, и к тому же мы – организаторы Слёта. Серёжка пошёл разбираться, а охранники – их было двое – не поняли, что у нас путёвки, а может просто включили «дурку».

Сергей пошёл на принцип – покажи, мол, бумагу, на основании которой требуешь оплату за проезд, накануне читавший информацию о том, что взимание оплаты на въезде на базу считается мошенничеством.

А охранник – в кулак. Почти драка завязалась. Серёжка достал из кармана газовый баллончик и прыснул в драчуна. Тот с матами-перематами, с криками-угрозами пропустил, но сказал, что из-под земли достанет.

Мы доехали до базы. А там нас уже местная полиция поджидает. И предъявили заявление «пострадавшего», грозясь статьёй о хулиганстве. Ситуация оказалась нервической. Доказывать что-то было невозможно, тем более, что Сергею пригрозили арестом, непрозрачно намекая на то, что их всех удовлетворит некая сумма. Пришлось заплатить.

Уже сели ужинать. И всё обсуждали произошедшее. Наш гость из Усть-Каменогорска Олег попросил мою гитару, я – ему:

- Конечно, бери, вон она, в чехле.

К своим гитарам мы все относимся с трепетом, считая – нельзя свой инструмент пускать по рукам. Но моего инструмента эта установка не касалась. У кого только она в руках не была: и у Алексея Иващенко, и у Шухрата Хусаинова, и у Тимура Ведерникова, и Ромы Ланкина... а уж наши-то алматинцы почти все её в руках держали. И многие считали за честь – притронуться даже. Олега я знала давно, и тем более он приехал в Алматы в командировку, а попал на Слёт совершенно случайно.

Олег подошёл к гитаре, стал аккуратно открывать чехол, и вдруг оборачивается, смотрит на меня как-то испуганно и произносит:

- Анечка! Ты только не волнуйся...– и через мгновение мы уже все стоим около моей гитары, у которой голова грифа болтается на струнах.

Что могло произойти? Что-то неаккуратно поставили в машине, и произошло сдавливание инструмента? Но Саша Макаренков сделал заключение:

- Гитара взяла на себя что-то более страшное...

...А у меня уже больше месяца было открыто кровотечение. Всё думала – отведу Слёт, и схожу в больницу...

Вот и отвела Слёт. А следом ещё одно мероприятие прилетело, аж из Канады – ну как не провести. Провела квартирник Димы и Володи Огаев. Они тоже

были на Слёте, но хотелось ещё как-то побольше их послушать, поэтому и решили провести дополнительную встречу. А тут ещё и подвернулось удачное предложение по помещению.

Я внутренне чувствовала трогательное расположение к Диме и его семье.

Талантливый Димка удивлял наше окружение ещё со своих юных лет. Он начал писать музыку на стихи серьёзных поэтов, когда ему всего-то было одиннадцать-двенадцать. Он подносил ошарашенным музыкальной подачей слушателям Тарковского, Рубцова, Бродского, Кенжеева... И это было, несомненно, влияние умно построенного воспитания в семье.

Там, в далёком 2003-ем, Огаи одни из первых отдали себя в мои неопытные руки, как звукооператора. Я делала первый диск с песнями Димы, и проверяла свою работоспособность, своё умение работать с автором и с записью. Получилось!

Первый диск мы везли из типографии с Серёжкой, как из роддома. Потом уже они будут записываться в год по несколько штук. Я буду, конечно, так же сидеть, обрабатывать их по ночам, волноваться при их прослушивании авторами. Выверять каждый зигзаг в дизайне обложки, которые было доверено делать Насте. Настя к тому моменту уже зарекомендовала себя первоклассным дизайнером, и её обучение по специальности проектировщика, казалось, ей только обеспечивает платформу, а дизайн – это призвание. Потом ко мне приедет на запись один, другой автор, и даже из других соседних стран... И это тоже будут наши – новорожденные. Но тот трепет, с диском Димы, был для нас особенным – он был первым.

Буквально через месяц мы выпустим диск с музыкальным спектаклем, который готовили целый год, но это уже другая история.

После Слёта, после квартирника Огаев, и уже под самый Новый год наконец-то пошла в больницу, кровотечение так и не останавливалось.

Срочно направили на операцию. В гистологии написали, что это полипы неясной этиологии. Когда после операции пришла в себя, в палате была жен-

щина, которой сделали экстирпацию, то есть удалили все женские органы. И её слова запали в меня как-то особенно, окрасившись в тревожный цвет:

- У меня вот, – говорила она, – Тоже два года назад такое же было, а теперь вот повторилось, и пришлось всё удалить – от греха подальше...

Меня это напрягло тогда, и я допустила мысль в себя:

- ... и у меня так же будет?..

26 ноября 2010. Не поглаженные рубашки

Проснулась от того, что хотела повернуться, но боль где-то в районе живота не давала этого сделать. Открыла глаза. В предутренней темени разглядела стоящие на ровном расстоянии друг от друга кровати. Ночью меня привезли на скорой, я теряла сознание, подписывала какие-то бумаги, должны были сделать операцию... Вспомнился весь вчерашний день...

Утром проводила Сергея на работу, и он как бы невзначай напомнил:

- Ты подарок-то приготовила?

- Серёж, ну, чего как маленький, конечно, приготовила... Волнуешься, да?

- Ну, так... всё-таки дочь замуж выдаю...

- Не переживай, мне осталось только поздравление распечатать, папку красивую купить и рубашки тебе погладить.

- Ты дома распечатывать будешь?

- Нет, там всё в цвете, да и хочу на хорошей бумаге, поэтому съезжу в типографию.

- Н-ну, давай, пока! Держи меня в курсе передвижений... и будь осторожна, – чмокнулись, и я закрыла за Серёжкой дверь.

Эта фраза «будь осторожна» меня почему-то стала раздражать. За ней вроде бы стоит забота о тебе, но это же не явная забота, а слова-напоминания. Может быть, когда-то давным-давно они выполняли роль оберега, но в нашем жизненном ритме они звучат не искренне, дежурно. Потому и реакция на них дежурная, как дежурный чмок на дорогу.

Коты – а у нас их трое... наш друг из Астаны Максат, назвал их «трикотажем» – уже сидели наготове к завтраку.

- Стадо! Кушть-кушть! Куша-ааать, – я шла по утреннему маршруту – от холодильника к кухне, где около стола стоят три кошачьи миски.

Коты следуют за мной, задрав головы и подняв хвосты. Каждое утро у нас начинается так.

Коты, перепрыгивая и обгоняя друг друга, бегут к мискам, и, наконец, приступают к трапезе, а я могу какое-то время наблюдать за ними, а потом занимаюсь своими делами.

Итак, в планах... «В типографию – до 10.00» – записала и подумала, – «Позже у них очереди, а мне ещё надо в магазин – найти для Серёги красивый галстук... Да, ещё рубашки погладить. В одной он пойдёт на регистрацию, а в другой на само торжество. И тут поймала себя на преследующей мысли: он пойдёт, не «мы», а он...».

- Зачем я там нужна?! Дочь Серёжи пригласила меня из уважения, и тем не менее, я–то понимаю, что моё присутствие ей не очень будет нравиться, всё-таки это её праздник! А ещё там будет мама Ани, их бывшие семейные друзья... Вот, не хочу идти...– разговаривала я то ли сама с собой, то ли с котами.

У нас с Аней было не много общего. Разве что одинаковые имена. Ну, вот как может относиться к новой жене папы его единственная дочь?! В моей жизни только единожды встречались идеальные отношения новых жён с детьми супругов, и то потому, что девочка лишилась мамы в раннем возрасте... А здесь совсем другая история... Когда они разводились, Ане было всего два года. Сергей выдержал лицо добросовестного алиментщика, выплачивая дотацию добровольно и вовремя. Каждое начало месяца Аня исправно звонила, интересовалась самочувствием и приезжала повидаться с папой. В первый год жизни с Сергеем у меня была попытка выстроить отношения со своей тёзкой. Мы приглашали её к себе, и Аня видела, что мы от-

крыты для общения. Тем более, мои дочь и сын – Настя и Богдан приветливо отнеслись к ней, делаясь своими радостями и проблемами. Аню можно было понять – мы как-то более творчески смотрели на жизнь, а она, может быть, осознавала, что мы счастливы с её папой, и – ревновала.

Мои дети доброжелательно приняли и маму Сергея, называя её бабушкой. Но на это у Ани сложилось своё мнение, и как-то в день рождения бабушки она не выдержала:

- Почему они тебя называют бабушкой? – кричала она, – И ты их тоже, как родных... А мы с мамой никому не нужны... – в рёве высказалась Аня и убежала, хлопнув дверью.

Рано или поздно это всё равно бы произошло. Аня была тогда подростком, и ей, возможно, весь мир казался враждебно настроенным.

А тут ещё наши одинаковые имена и фамилии навели тень на плетень. И я готова была даже сменить имя, только не давать повода наткаться на какие-то неприятия или проблемы в тех же социальных сетях. И где-то внутри понимала, что я взрослая и должна быть умнее, и мне не следовало показывать виду, что мне не очень нравится то, что происходит.

Здесь мне можно было и слукавить... Но это не так. Тем более, я хочу разобраться во многом... Может быть, именно в таких моментах кроются истоки самых разных болезней. И чтобы вытащить всё это на поверхность, мне надо быть предельно открытой.

А теперь Аня выходила замуж. Наверное, для неё это был счастливый билет. Потому что мама её, устраивая свою личную жизнь, не занималась дочерью уже определённое время. А накануне свадьбы она выкинула такой финт, что мне стало жаль Аню. Представьте себе – мать собралась замуж за человека из другого государства, и объявила дочери, что они должны продать квартиру, две трети стоимости она забирает с собой, а одну треть оставляет Ане. Но у них с дочерью была-то двухкомнатная квартирка на двоих. Условие на пер-

вый взгляд — обычное: делёж. И мать посчитала, что у дочери есть жених, пусть он и обеспечивает. А ещё есть отец — пусть раскошелится и он...

Надо было видеть, как переживал Серёжка всё это. Ведь именно из-за той злополучной квартиры у них развалилась семья. Ане было всего два годика, когда её родители оформили развод, чтобы Сергей остался прописанным у матери, а мама Ани получила новую квартиру.

Развод на бумаге вскоре превратился в реальный. К сожалению, люди не думают, что мнимые желания, тем более в получении выгоды, могут закончиться плохо. Выгода будто становится третьей силой, перетягивая неравенство только в одну сторону.

Сергей помогал семье все годы взросления дочери. И в словах его переживаний сквозила печаль, что Аня росла без его влияния.

А Аня... Аня исправно звонила накануне получения алиментов, и мечтала об успешности. В её понятии быть успешным человеком — значило быть богатым и ослепительно выглядеть. Может, это пробелы возраста, и став взрослее, она непременно поймёт значимость совсем других ценностей.

Возраст такая непонятная штука: когда находишься на подступах к двадцатилетию, думаешь — побыстрее бы стать взрослым, и как будто начинаешь раскручивать колесо времени, и рукоятка так тяжело идёт. А потом, лет в тридцать, почему-то кажется, что ещё всё впереди, но внезапно наступает момент, когда всё оказывается позади. А колесо уже раскручивается, и настолько быстро, что и не остановить...

Но я отвлеклась от приготовления к свадьбе Ани.

По дороге в типографию я почувствовала слабость и сильную боль в спине. Подумала: — Не вовремя...

Но зато вовремя попала в типографию. Пока распечатывали мои материалы, за мной уже скопилась очередь. Поздравления получились шикарные. Я нашла для них не менее стоящую бархатную папку. И увидела красивую шкатулку, оторваться не могла...

- А что, – подумала я, – Это же будет даже симпатичнее, если деньги подарим не в конверте, а в шкатулке...

Цена немножко напрягла, но эта шкатулка ей потом пригодится для её же украшений... Оставалось купить галстук и погладить рубашки... Спину как-то напрягло и меня согнуло от боли. Я ухватила за первое, что попало под руку, немного отдышалась.

- Ещё этого не хватало... Но, вроде, отпускает... Неужели это из-за того, что я не хотела идти на свадьбу... Но ведь свадьба завтра, а сегодня у меня ещё не поглажены рубашки. И галстук надо купить новый...

Галстуки можно было приобрести в ЦУМе, а это было по пути домой. Не удержалась, когда рассматривала галстуки, и купила два – ну, очень красивые. Серёжка, конечно, меня за это поругает, но у меня есть весомый аргумент – это же свадьба его дочери!

На подходе к дому снова скрутило спину.

«Странно, – подумала я, – таких болей у меня никогда раньше не было».

Пока поднималась по лестнице домой, пришлось несколько раз переводить дух – как будто не хватало воздуха и очень ломило спину.

Дома уже решила немного полежать, а потом уже погладить рубашки.

Еле сбросила сапоги, вещи, и боль пронзила настолько сильно, что пришлось опуститься на пол тут же в прихожей.... Открыла глаза – рядом лежат коты, Кот Дарвин уткнулся мне в шею. «Жалеет...» – подумала я.

Поднялась, нашла обезболивающие, и прилегла на тахту. Проспала долго – часа четыре. А когда проснулась – боли не было, только слабость.

«Надо рубашки погладить», – подумала я, и снова вонзилась боль.

«Вызову скорую, воткнул что-нибудь, и буду как огурчик...».

Последующее происходило, как в тумане – сколько времени, не могла вспомнить. Но в какой-то момент осознала – надо дотянуться до телефона и пусть трубка хотя бы просто лежит рядом, надо бы из замка ключ вытащить, но нет сил подняться...

Позвонила мужу на работу. Он был на совещании у начальника. Попросила секретаршу передать просьбу, чтобы он перезвонил домой. И вызвала скорую. Скорая приехала быстро. Врач, по виду опытная женщина, расспросила обо всём, поставила обезболивающий. А он не помогает.

- Давайте-ка на госпитализацию, похоже на почечную колику... – предложила врач и достала бланк.

- Нет-нет... – буквально взмолилась я, – Понимаете, у дочери моего мужа завтра свадьба... ему стоило труда уговорить меня идти на неё, и вообще будет неправильно... сейчас... не ко времени... А ещё послезавтра у меня презентация моего альбома «Песенки детям»...

Врач смотрела на меня несколько секунд, как на полоумную:

- Вы, что, не понимаете, что вам может стать хуже, и тогда уже ни свадьба не нужна будет, ни презентация, и скорая не поможет...

- Да, я всё понимаю... – начала уговаривать я, – Мне ведь уже лучше, а значит, ничего страшного не может произойти...

- Я посижу тут у вас немножко... если вам станет лучше – я уеду, но вы напишите отказ от госпитализации.

Потом мы разговаривали на обыкновенные бытовые темы, врач расспросила меня о презентации, о чём я охотно рассказала. А сама всё это время думала: «Не отпускает боль... Но мне б хоть рубашки погладить...».

Когда врач уехала, меня снова склонило в сон, и я временами открывала глаза, видя, как в комнате становится всё темнее и темнее.

Морально мы никогда не готовы к вмешательству в наши планы обстоятельств. Так была не готова и я. Предполагая, что Серёжка сильно расстроится, что накануне такого ответственного дня я «устраиваю» ему сложности. Тем более, что я как-то неохотно согласилась присутствовать на свадьбе, что это могло быть расценено, как преднамеренное бегство.

Через полчаса после отъезда скорой боль стала невыносимой. Я еле доползла до входной двери и вытащила из замка ключ на тот случай, если кто-то из

наших придёт, а я не смогу открыть дверь изнутри... Не могла дозвониться до Серёжки – он всё ещё был на совещании у начальника, а секретарша почему-то не передала мою просьбу – «срочно позвонить жене». Позвонил сын. Как будто что-то предчувствовал. Дальше всё помню только урывками. Богдан, Сергей – рядом... Скорая...та же врач...Сергей держит меня за руку. Везут в скорой – долго, по каким-то колдобинам. Кажется, что боль отступила, и хочется попросить остановить, и вернуться домой. Потом провалы... Опять – скорая, которая почему-то долго едет. А, может, это поезд?... За окном темно.

Потом в больнице – катания из кабинета в кабинет, анализы, уже несколько обезболивающих уколов, склоняющиеся лица – мужские, женские. На время я приходила в себя и, казалось, боль исчезала полностью, но когда она возвращалась – коридор наклонялся сначала в одну, потом в другую сторону...

Потом меня отвели в кабинет уролога. Врач отправил на УЗИ. Странно, что на дворе поздний вечер, а народу в клинике много.

У меня было ощущение другого измерения. Я ли это? Со мной ли это? Как встряхнуть голову, чтобы понять – правда это или снится?... Врач скорой вышла от уролога, подошла к нам, пожелала выздоровления и сказала:

- Говорила я вам – надо сразу было ехать... Ну, ничего, всё будет хорошо. Вы только порвите ваш отказ, я другой протокол написала, будто вы впервые вызвали.

Несмотря на то, что мне поставили ещё один обезболивающий, боль не отпускала. УЗИ почек не дало ясной картины, и уролог сделал заключение – не его проблема. Меня посадили в кресло-каталку и снова повезли на обезболивание, а потом к хирургу. Хирург сказал то же самое, что и уролог. Повезли в кабинет гинеколога.

По коридору мимо нас провезли носилки-каталку. К руке лежащего на ней неподвижного человека были прикреплены наручники и рядом шли полицей-

ские в форме и с оружием. Все они скрылись за вывеской в конце коридора – «операционная».

Гинеколог – совсем молодой врач – сонными глазами посмотрел на нас и снова задал вопрос, который мне за этот вечер задали уже в четвёртый раз:

- Что беспокоит?...

Боль была настолько непонятной, что я не могла никому объяснить – где она сидит. Просто болел живот. Я хотела одного, чтобы меня оставили в покое, дали уснуть. Молча посмотрела на врача, и он больше ничего не стал спрашивать, только говорил, почти приказывал:

- Не закрывайте глаза!

Выписал направление на УЗИ, и Серёжка снова повёз меня на кресле-каталке в другой конец коридора. Все эти процедуры были настолько растянутыми по времени, что, казалось, секунда теперь равна не счёту «раз-и», а долгим, многократным «раз-и, раз-и, раз-и.....». Пока ждали результат, в кабинет прошёл гинеколог. Провезли в обратном направлении из операционной уже перевязанного больного в наручниках и с охраной.

Потом гинеколог долго разговаривал с узисткой и попросил нас с Сергеем зайти в кабинет УЗИ.

- У меня есть некоторые подозрения, – справляясь с зевотой и протирая не выспавшиеся глаза, сказал молодой врач.

На вид ему было совсем мало лет...ну, прям, как сын, может, чуть старше...

- Вам надо бы сдать онкомаркёр и сделать томографию малого таза...

- Ну, так давайте сделаем! – строго сказал Сергей, – если заплатить надо – говорите, сколько...

- Вы не поняли меня... Мы это здесь сделать не можем. Онкомаркёры у нас вообще не берут, а МРТ – завтра же суббота, у нас не работает.

- А вы думаете, мы найдём, где работает? В субботу-то?

- Ну, есть же дежурные МРТ, ну...поищите.

Я стала «утекать» соображением. Серёжка, видя моё состояние, и не зная чем помочь, на повышенных тонах стал напирать на врача:

- Вы отказываете нам в помощи? Дайте мне телефон заведующего...

- Ну, вы опять меня не поняли...

- Да я всё понял...

Я сидела в кресле-каталке, и мне было просто больно. Мысль, что отпускают домой, мне была нужнее, чем возможность оставаться в этом чужом пространстве.

Серёжка, от безысходности, стал листать телефонную книжку в своём телефоне, где наткнулся на телефон нашей знакомой Нади, которая работала в этой же клинике. Это была знакомая Солнцевых. После недолгого разговора, после ожидания звонка от кого-то, откуда-то, после ещё нескольких препираний с уже окончательно проснувшимся молодым врачом, которому в какой-то момент Серёжа передал трубку, – было принято решение меня определить под наблюдение в палату.

Серёжка поцеловал меня перед приёмным покоем, где покосившиеся влево, будто в ухмылке, стрелки часов на стене показывали 02.15, и поехал домой.

Мне поставили ещё один обезболивающий. Медсестра что-то заполняла. Прошла нянечка с комплектом белья. И я снова отключилась...

Потом помню, как в руку мне засовывали ручку, я должна была что-то подписать, у меня это не получалось. Пришёл ещё один врач, который стал спрашивать о наркозе, я могла только качнуть головой, даже глаза не поднимались. Это был анестезиолог, он попросил телефон кого-то из близких, но у меня не получалось ничего вспомнить. Я только проговорила:

- В телефоне «Мой Серёжа».

Всё тело трясло мелкой дрожью, чтобы зубы не клацали, я стиснула их.

Потом Сергей рассказывал, что он не успел ещё доехать до дома, как ему позвонили и сказали, что меня везут на операцию.

А утром я очнулась уже в палате. Без тех самых болей, просто с желанием – перевернуть затекшее тело.

27 ноября 2010 год. Танец чёрных птиц

Утро началось со щелчка включаемого света, звона перебираемых в банке градусников, и визгливого голоса медсестры: – Просыпаемся, просыпаемся... Температуру меряем. Копылова, Капсанова – на анализы, Абрамова – готовьтесь к перевязке. С тумбочек уберите всё лишнее, сегодня обход с заведующей. Копылова... Копылова, просыпайтесь, вот градусник, не выроните... Так, вы у нас сегодня ночью прооперированная? Максимова Анна? Градусник возьмите...

- Алиюша, – обратилась сонным голосом одна из больных к медсестре, – выключи свет, а? Дай немного ещё поспать, сегодня всю ночь спать не давали...

- Копылова, у тебя каждое утро одно и то же...

- Алия, как человека прошу... – шуря не выспавшиеся глаза, просипела Копылова и отвернулась к стене.

Я догадывалась, что причиной недосыпа моих сопалатниц стала я.

«Грустно начинается знакомство...» – подумала я, – «А ведь мне с ними несколько дней придётся делить один потолок».

Медсестру сменила санитарка, шурша по тумбочкам тряпкой. Она подошла к широкому – почти во всю стену – окну, натянула на себя верёвочку, и вертикальные полоски жалюзи синхронно зашевелились, раздвигаясь в разные стороны.

Солнечные лучи ещё только слегка притронулись к верхушкам гор, панорамой растянувшихся вдоль окна палаты. Лёгким розовым отливом окрасился снег на вершинах. Но это было так далеко, что как-то не очень верилось, что маленькое розовое облачко в силах будет разбудить горы до подножий, а тем более – город, пока ещё покоящийся в предрассветной тишине. Откуда-то от

гор потянулась в сторону крыш чёрная колышущаяся туча – всё ближе и ближе.

- Это воронья стая, – будто поймала мой взгляд соседка, – Меня Гуля зовут, а тебя?

- Аня... – на меня с любопытством посмотрела ещё одна женщина.

- А я – Ольга Леонидовна, можно и просто Оля...Здесь всё можно.

- По этим воронам мы прогнозы строим, – кивнула в сторону окна Гуля, расчесывая густые чёрные волосы, – как тучей идут – значит, жди какое-нибудь известие...

- Да, ладно вам...– вмешалась Копылова, ворча и поворачиваясь от стены, – Всю ночь спать не давали...Ну, кто у нас там?

Она повернулась и посмотрела на меня. Я сделала попытку приподняться на локтях, но тут же бессильно откинулась на подушку – боль в области живота резанула вдоль тела... Но это уже была совсем не вчерашняя боль, а намного легче.

- Тоня, ты бы утомонилась...Человека сегодня ночью оперировали, а ты... забыла уже, как тебя такую же привезли...– встала на защиту Гуля.

- Ладно-ладно... Нет, ну, в три ночи пришли кровать стелить, свет как включили, так до шести – пока тебя не привезли, а через полчаса подъём... Ну, ночь, ну, ночь...Так! Аня, говоришь? – Копылова натянула халат, взяла полотенце и подошла ко мне, – А чё у тебя?

Я пожала плечами. Я не знала – «чё у меня». Помнила, как дома скрутила боль, как позвонила мужу, потом - как везла скорая... Остальное – как в тумане. Я снова посмотрела в сторону гор. Чёрная туча кружила уже над крышами ближних домов – это и в самом деле были птицы. Тьма чёрных птиц. Какие-то из них выписывали большие круги, какие-то цепью опускались чуть ниже, рисуя в воздухе малые обороты. Танец чёрных птиц. Подобно ве/домому только им ритуалу, крылатые то ли отмахивались от чего-то, то ли нагоняли тень на приходящую в чувства ноябрьскую землю. Но где-то там, за

птичьим караваном напелзала розовая вуаль восхода. Ярче очертился контур белоснежных вершин. А вот уже и упали блики света на крыши просыпающегося города...

- Градусник давайте...— я не заметила, как тихо подошла медсестра, — М-м... немного температурите, Максимова, тридцать семь и четыре...

Пока я рассматривала восход и пыталась справиться с болью, Копылова уже подошла к умывальнику, находящемуся здесь же, почти рядом с моей кроватью.

- У мына эт эмпеауы, — с полным ртом зубной пасты проковыряла языком Копылова, повернувшись к Алие—медсестре, сплюнула в раковину, всосала воду, побулькала во рту, ещё раз сплюнула и продолжила, — Вон градусник на тумбочке. Мне уже на выписку пора...

Зашёл совсем молоденький медбрат. По его осанке, уставшему цепкому взгляду и фонендоскопу, закреплённому на шее, можно было догадаться, что он принадлежит к старшему медицинскому персоналу.

- Константин Викторович, — вытираясь на ходу полотенцем, стала напирать голосом, надвигаясь массой нехуденького тела Копылова, — мне можно уже домой, а? Я залежалась у вас, а как меня уволят — кто мою ораву кормить будет...

- Копылова, никто вас не имеет право уволить, у вас больничный. Вот анализы сегодня сдадите — посмотрим...Так, Максимова... Анна... как вы себя чувствуете?

Доктор подошёл ко мне, обхватил пальцами запястье руки и на мгновение погрузился внутрь себя.

«Ммм, так это тот самый вчерашний врач-гинеколог» — узнала я, и обрадовалась, что с памятью всё в порядке.

- Ну, так как себя чувствуем? Температура какая? — обратился он к ещё собирающей градусники медсестре, — Какая?

- Тридцать семь и четыре...Субфебрильная...

Он откинул одеяло:

- Так, шов не промок. Вы до обеда не вставайте. Через час принесут первоначальные анализы гистологии, я зайду к вам.

- Доктор, что со мной было?

- Через час гистология придёт – всё будет ясно, – доктор поправил одеяло, сказал медсестре:

- Кетонал поставьте... – и отошёл к уже заправившей кровать Гуле.

Со спины доктор был похож на мальчишку.

- Да, точно, по возрасту почти как мой сын, – как и вчера, подумала я.

Пока доктор осматривал других женщин по палате, дискутировал с Копыловой, вернулась медсестра со шприцем в одной руке, подмышкой другой держа какой-то листок. У меня как-то неестественно заколотилось сердце. Глянула в окно – птицы совсем рядом, кружат над прибольничными постройками, чёрным облаком кидая тень на окно.

- Говорят, здесь когда-то городское кладбище было, – посмотрев в сторону окна, проговорила Гуля.

- Виктор Константинович, вам лаборант попросила передать, – Алия повернулась боком к врачу, давая понять, что листок подмышкой и есть переданное от лаборанта.

Виктор Константинович, заканчивая осмотр Гули, вытащил из-под прижатой руки медсестры листок и, отвечая на фразу Гули, стал просматривать записи:

- Да, когда-то здесь было, говорят... городское... но это так давно – ещё вначале прошлого века...

Алия поставила мне укол.

Виктор Константинович, не отрываясь от листка глазами, встал и медленно подошёл к моей кровати. Сел на краешек.

- Вы у нас кто по специальности? Учительница, поди?

Я ничего не ответила, только в упор уставилась на врача. Доктор оглянулся на моих сопалатниц:

- Так, на кровь – Копылова, Капсанова. Абрамова – на перевязку в процедурный.

- Анна...как вас по отчеству?

- Михайловна... – я произнесла, а какой-то сухой комок перекрыл глотку.

- Анна Михайловна, после обеда уже можно вставать, старайтесь расхаживаться... Ну, вы вчера и подняли всех на ноги, даже заведующий клиникой звонил – интересовался. Вы у нас блатная, что ли?

Я не поняла, как мне реагировать на эту фразу и промолчала.

2 декабря 2010. Другая жизнь

В процедурном проводила осмотр заведующая отделением. После того, как я спустилась со смотрового кресла и стала одеваться, она отвернулась к окну:

- Анна Михайловна...– она повернулась и уставилась на меня... – Мы во время операции... убрали у вас яичник и одну трубу...– она как-то неестественно растягивала слова, а потом, резко, как выдохнула, – В трубе у вас обнаружился рак.

Я услышала слова, которые как будто разрезали воздух на части, поставив между доктором и мной прозрачную, но глухую стену. Я увидела, как высыпались из её рта слова, которые предназначались, возможно, не мне, а кому-то другому. Я напрягла слух и переспросила:

- Что? Как – рак?...

Заведующая посмотрела на меня сверлящим взглядом. Какое-то мгновение стояла тишина. Внутри меня мелкой дрожью затряслось всё, что могло затрястись, будто в часах сломался какой-то механизм, и огромная цепь, связывающая все колёсики воедино – порвалась, раскручивая каждое колесо в свою – только ему ведомую сторону...

- Мы сделали только часть операции... Это не наш профиль... Подозрения у нас сразу были... Но вы были без сознания, поэтому мы приняли решение

оперировать. Хорошо было бы..., и ваш лечащий врач говорил вашему мужу, томографию, онкомаркёр надо бы.....

Я не слышала, что говорит заведующая...

Я вспомнила птиц, летящих к окну. Они совсем близко подлетели и, казалось, пытались ворваться в этот процедурный кабинет.

- Вот заключение гистологии, можете прочитать...

Я автоматически взяла из рук доктора листок. Буквы наезжали друг на друга. Напечатанный текст не поддавался чтению. С трудом сфокусировав зрение, официальную часть быстро пробежала глазами и уткнулась в заключение, выделенное жирным шрифтом: «Умеренно дифференцированная аденокарцинома».

У меня стучало в висках: «Но ведь здесь написано – «аденокарцинома», где слово «рак»? Может, это и не рак вовсе, – пыталась противостоять я, – Это мне? Это про меня? Надо задать какие-то правильные вопросы... Какие вопросы задать?

Я посмотрела в глаза заведующей. Она сделала шаг ко мне, но я, автоматически, сделала шаг назад и чуть не упала:

- Опухоль старая...

Мысли мои разлетались в разные стороны, как будто в мозгу произошёл взрыв. Я поймала первый попавшийся осколком вопрос и выпалила:

- Метастазы есть?

- Опухоль старая...– повторила врач, – Наш профиль позволил удалить у вас только кисту и один яичник, дальше мы проверку не осуществляли. Дальше... Давайте, вы сейчас посидите немного в коридоре, подойдёт с обхода Виктор Константинович и всё вам объяснит.

И уже перед моим выходом из кабинета добавила:

- Вы только в палате никому ничего не рассказывайте... не надо сеять панику.

В коридоре я ушла в рекреацию, где никого не было. Меня колотило внутри самой мелкой дрожью, которую у меня не получалось унять.

Я почему-то думала, позже размышляя над случившимся, – нельзя вот так – в лоб. Но как иначе было поступить врачу? Размусоливать, тянуть время? Наверное, это только в кино пытаются не нанести психологическую травму. А в жизни...

- Мне надо взять себя в руки... – всё тело продолжало колотиться мелкой дрожью, – Мне надо взять себя в руки!

Я приказывала себе успокоиться. Закрывая рот ладонями, с силой попыталась выдохнуть дрожь. Но хлынули слёзы.

- Нет, только не реветь...

Я сжала кулаки и с силой попробовала натянуть на себя этот приказ для самой себя.

Дрожь не прекращалась.

Я достала из кармана халата листок с заключением, ещё раз прочитала...

«...пациентка Максимова А.М.....поступила...полный диагноз... аденокарцинома...».

И тут мне пришла в голову мысль: «Ещё несколько минут назад я не знала, что произошло, и у меня не было этой дурацкой дрожи... Потом доктор сообщил...и меня начало трясти. Но ведь во мне всё осталось прежним... Разве во мне-то что изменилось, пока я не слышала от неё эти слова? Ни-че-го!

Мой организм остался прежним! Откуда взялась эта дрожь?!».

Положила листок на подоконник. Закрыла глаза и представила, как слова, сказанные доктором, разбились о пол... А ту фразу, которую уместил мой мозг, стала стирать ластиком... Буквы исчезали одна за другой... Открыла глаза. Дрожь прекратилась. Посмотрела в окно. Вспомнила слова Гертруды Вениаминовны о том, что на разные события мы смотрим из разных окон... Птицы расселись на деревьях и замерли. Розовая вуаль восхода уже нарядила дома. Перевернутая пиала неба вылила на город молоко нового дня. Это был

ещё один день моей жизни. Жиз-ни! Жизни, восход которой оставил в прошлом ночные тени и мрачный танец чёрных птиц. Впереди меня ждал новый, неизведанный день. Другая жизнь?

Зазвонил телефон.

Я увидела на табло телефона «Мой Серёжа». Вдохнула – выдохнула, и нажала кнопку для разговора.

Я боялась голосом выдать свою проблему. Но первым заговорил он:

- Ань, ты только не переживай...

Я заволновалась от мысли, что неужели ему уже успели сообщить?

- Я только что получил известие из Усть-Каменогорска – Оля умерла, Коломина... Похороны в субботу.

- Оля... – у меня хлынули слёзы, перекрыло горло, – Серёж, я тебе потом перезвоню...

С Ольгой мы дружили много лет. Наши дети рядом росли, в одну школу ходили. Ольга – очень позитивный человек – тысячу раз спасала меня от депрессий. Вместе с ней и ещё несколькими «разведёнками» мы устраивали девичники. И, так уж получилось, в нашей компании все были творческими работниками: Ольга – журналист, а по специальности «культработник», Ира Калина – режиссёр телевидения, Валя Лазарева – журналист и ведущая телевидения, Люська (и фамилию-то её уже не помню) – костюмер, и я – тоже журналист телевидения. Наши девичники были всем «девишникам девишники»! Веселились на полную катушку! В разгул, конечно, не шли – все-таки дети наши рядом... Но праздники отмечать умели на зависть окружающим и самим себе: я сочиняла к девичнику новые песенки, мы их разучивали и пели хором, Ольга придумывала игры, Валя обязательно рассказывала о своих новых героях передач, Ира – молчаливо улыбалась, а Люська всех тянула танцевать...

Декабрь 1999. Костюм Деда Мороза

Как-то под Новый год...

- Мам, тебя тётя Оля к телефону, – постучала в ванну Настя.

- Сейчас, я выхожу уже, - я сделала ещё один взмах кисточкой над ресницами, сощурившись, оценила своё лицо, и вышла из ванной комнаты.

- А-а, Оль, привет...Тебя тоже с наступающим... нет, никуда не собиралась. Настёна с их танцевальной студией будут выступать на площади... Да, представляешь, в тридцатиградусный мороз, почти раздетые. Надо проконтролировать, хоть чаем горячим отпить...Опять в костюме Деда Мороза? Ты его подреставрировала? А ты снова в костюме Снегурочки?... Слушай, это уже становится нудно – третий год подряд. Хоть бы один Дед Мороз нам встретился, только настоящий – не мужеподобный, а мужик, - я вздохнула, - ...Хорошо, к восьми подходи.

Мы сдружились с Ольгой на почве одиночества. Обе были разведёнками. Обе – журналистки, только я на телевидении, а она – в местной газете. Ольга закончила театралку, и в бытность работы в городском клубе культмассовиком за ней прочно закрепилась репутация массовика-затейника. Её фантазии теперь были востребованы для проведения семейных праздников и девичников, когда подружки собирались у кого-нибудь дома, чтобы почаёвничать и излить друг дружке скопившуюся тоску.

Ровно в 20.00 Ольга позвонила в дверь.

- Привет, подруга!

- Привет, подруга! – облобызались, я взяла у Ольги огромный пакет с костюмом, - Раздевайся, я чай только что согрела, иди пока наливай, а я прикину костюм...

- А Наська-то где?

- Она ещё час назад ушла, у них репетиция. А твоя, что?

- Ой, Ань! Юлька мне заявила - мол, идите в свои детские игры сами играйте. Я вас, говорит, дома подожду.

Я вышла в костюме Деда Мороза, который хорошо сел на мою не худенькую фигуру:

- Здравствуйте, детишки - девчонки и мальчишки!- произнесла я баском, сняла бороду и как-то удрученно опустила на стул.

- Что ты, дедушка, не весел?... Чего ты так расстраиваешься - встретится ещё на нашей улице Дед Мороз, - хихикнула Ольга.

На новогоднюю площадь после ноля часов народ вываливал из домов, чтобы поздравить друг друга, вручить детям подарки, «найденные в сугробе», покататься с горок – в общем, повеселиться на полную катушку. И крепкий морозец не был помехой.

Дед Мороз со Снегурочкой вышли из подъезда.

- Ох, Снегурушка, смотри у меня, если холодно будет, говори, я тебе свою шубу дам. И зайти-то погреться некуда.

- Ну, ничего, мы долго не будем.

- Если и в этот Новый год ни одного Деда Мороза не будет на площади – пойду ругаться.

- Куда? В Дедоморозову управу? Зайдёшь, стукнешь по столу и скажешь – «Требую: выделите Деда Мороза?». И все перед тобой так и расшаркаются, вот вам – на выбор, хотите, с короткой бородой, хотите, с длинной...- Снегурочка рассмеялась звонким раскатистым смехом.

Навстречу шла гурьба первых новогодних прохожих:

- С Новым годом! Дед Мороз! Настоящий! Урра...- голосила компания, они схватились за руки и начали водить хоровод вокруг Снегурочки и Деда.

- С праздником вас, дорогие! С праздником! Удачи вам в новом году! Счастья!

Дед Мороз со Снегурочкой шли по направлению к площади, налево и направо раздавали добрые пожелания, смешили проходящий народ, дарили детям конфетки, всякую мелочёвку из мешка.

- Привет, Дед Мороз! Это я – помнишь меня? Ты в прошлом году мне счастья пожелал, и у меня сын родился! – подбежал к деду Морозу здоровый мужик,

начал хлопать Деда по спине, - Выпей со мной, а? Я специально сегодня на площадь пришёл, чтобы тебе сказать «спасибо»...

- Доброго здоровьичка зазнобе твоей и сынишке! – пробасил Дед и помахал ему расшитыми варежками, - Нам со Снегурочкой много ещё владений надо обойти, так что не серчай, с друзьями выпей и за моё и за Снегурочкино здоровье!

Снегурочку уже окружили взрослые с детьми, дети рассказывали ей стишки.

- Дед Мороз! Послушай-ка, какие нам детки встретились – добрые, умные. Не найдётся ли у тебя для них сладостей? – позвала Снегурочка.

Смекалистые родители тут же сунули Деду Морозу подарок и почти шёпотом:

- Дочке нашей вручите, её Ксюша зовут.

- Ах, какие детки собрались вокруг! Кто мне стих расскажет? Ну-ка, станьте в круг! Посмотрю, кто первый будет самый смелый! Слушаю я, слушаю – стихотворенье Ксюши.

Счастливая Ксюша, не веря своим глазам, сделала шаг к Деду Морозу и замерла.

- Где твои слова потерялись? Ходят, бродят в голове, ищут тропинку...

Ксюша не могла поверить своим глазам – перед ней был Дед Мороз!

- Дедушка Мороз, ты такой красивый, – подыграла Снегурочка, – Я бы тоже забыла все стихи, глядя на тебя! А давай, Ксюша, песенку Деду споём про ёлочку.

Ксюша начала лепетать песенку и ей Дед Мороз вручил подарок за смелость – ведь она первая подошла к Деду Морозу. Потом другие родители незаметно совали подарки Деду Морозу, и уже часть гуляющего народа столпилась вокруг праздничного зрелища.

Со стороны смонтированной сцены неслась музыка и на ней во всю выделяла кренделя танцевальная студия. Радостные выкрики, песни, звуки взлетающих пробок шампанского раздавались то тут, то там. Дед Мороз со Сне-

гурочкой медленно перемещались по площади, то и дело останавливаемые радостным людом.

Когда Дед Мороз со Снегурочкой прорвались сквозь охрану к студийному автобусу, танцовщики уже отогревались после очередного выхода. На вошедшего Деда Мороза все сразу обратили внимание:

- О, Дед Мороз пришёл!

- А подарки принёс?

- А как же – вот вам чай горячий, прямо из термоса!

- Мама? – Настя смотрела на Деда Мороза и улыбалась.

- Замёрзли небось? – Снегурочка проворно разливала чай по стаканчикам.

- Зззз-замёрзли! Ещё один танец и по домам! – Настя обхватила обеими руками кружку от термоса и прижалась к Деду Морозу.

- Ох, ледышка, ох, худышка...Давайте, не задерживайтесь. Термос оставляем. Дома встретимся.

- Вы что Настю в Лапландию забираете? – засмеялся один из мальчишек.

- Пока-пока! Счастья всем в Новом Году! Ну-ка, загадывайте желание! Раз, два, три! Всё сбудется! – Дед Мороз со Снегурочкой так же, как и появились, незаметно исчезли.

Дома, с трудом стащив с себя валенки, праздничное облачение, мы долго молчали.

- Ань, а вот если бы тебе встретился Дед Мороз, ты бы что у него попросила? Ну, в смысле, что загадала?

- Знаешь...надоело мне быть Дедом Морозом...и быть одной тоже надоело... Хочется, чтобы рядом наконец-то оказался тот, за чьей спиной можно было спрятаться. Я бы, может, ему ещё сына родила...

Сказала и испугалась своих же признаний.

Мне вроде бы было уютно в моём одиночестве. Я уже давно осознавала, что боюсь людей, мужчин. Боюсь, что буду не по'нята. И потому мне легче было спрятаться в собственную скорлупу. Конечно, я ждала, когда кто-нибудь

окликнет, позовёт. Но не так, что села и жду. Работы было невпроворот. А если, вдруг, позвали... счастье-то какое! Старалась не показывать порыва радости – «дождалась», но не получается сдержаться, выплёскивалась, обрушивалась. Как голодный пёс, накидываюсь на еду. А на меня ошарашенно смотрели, и мне ничего не оставалось, как пятиться назад, и снова скрываться за свою перегородку.

А в одиночестве был мною созданный мир. Мой мир. Мне всё в нём понятно. И есть правила. Их создала сама, и потому мне легко им следовать. Но я наблюдаю за внешним миром. Анализирую. Поверхностно, конечно – только то, что на виду. Потому как внутрь чужих миров мне было страшно попасть. Всё остальное – в рамках одиночества.

Были ли в нём страдания? А не было. Не/когда.

И, вообще, что такое страдания – упоение собою, несчастным? Не/когда.

Успеть надо много.

Жёсткая к себе. Жёсткая к другим. Бесчувственная. Се/рдца, говорят, у таких нет. Страшный я человек получалась. Человек без любви страшен. Получается, вот она – находка: человек без любви находится под риском полного опустошения. И в этой пустоте не зарождается новая жизнь, в ней – зародыш антижизни. И этот зародыш растёт, увеличивается в размерах. В нём тоже есть клетки. Но они – злые, злокачественные. Без любви.

И, как по велению каких-то высших сил, я встретила уже по весне с тем, кто повернул круто всю мою жизнь в другую сторону. И уже на следующий Новый год Сергей пригласил меня встретить праздник вместе, совсем в другом городе.

Ольга вначале расстроилась, что теперь придётся плестись на новогоднюю площадь одной. Худоба не позволяла ей одеть дедморозовский костюм, да и роль Снегурочки была более отработана. Но по чистой случайности накануне позвонила знакомая подружка – Наташа, и сообщила, что у неё нет никаких планов на встречу Нового года и она с удовольствием, зная по рассказам, как

мы с Ольгой встречали Новый год на площади, сыграла бы роль Деда – не нарушать же традиций.

И – о! чудо – в тот же год Наташе предложил руку и сердце хороший парень из Новосибирска, и уже в следующую зиму она переехала жить к нему.

Накануне следующего очередного Нового года Ольга достала из шкафа костюмы и принялась утюжить.

- Мам, – скосила хитрые глаза дочь Ольги – Юлька, – слушай, вот и тётя Аня, и тётя Наташа в костюме Деда Мороза сходили на площадь, и замуж вышли.

- Да, вот я тоже думаю, как заколдованный этот костюм – а не одеть ли и мне его?

- Ага, а я буду Снегурочкой!..

В конце января Ольге позвонил её старый знакомый из Германии Сергей Романов, и сообщил, что вот уж несколько лет не мог решиться сделать этот звонок...

Ольга счастливой побыла-то всего год. Несколько месяцев Ольга с Сергеем переписывались, прежде чем решили съехаться. Переезд Сергея в Казахстан казался многим странным. Многие судачили: – Лучше бы уж Ольга к нему туда уехала.

Но... гладким бывает только искусственный лёд. Там, в Германии, он оставил бывшую жену, взрослых детей. Семья давно расклеилась. Жена стала поглядывать – как ей устроить новую жизнь. А Сергей изнывал по Ольге. Вот и ... Однажды Ольга позвонила и почти шепотом сказала мне: – Серёжка приезжает... Под Новый год... А я в прошлом году одела твой костюм Деда Мороза и загадала, что ровно через год мой Сережка приедет ко мне.

В аэропорту, по прибытии самолёта, Ольга увидела подъехавшую скорую помощь, врач которой громко спрашивал у диспетчера о рейсе из Франкфурта. Откуда Ольге было знать, что скорая приехала за Сергеем. Потом, в больнице скажут, что это инфаркт. Но, слава Богу, всё миновало, Ольга вы/ходила

Сергея. И счастье их продлилось целый год. Всего один год. У Сергея вскоре случился второй инфаркт, и больше он уже не вставал.

После похорон Ольга как будто потеряла себя. Только дочь-студентка как-то возвращала мать к жизни, выставляя счета за обучение.

Как-то Ольга пожаловалась, что грудь странно опухла.

- Так в больницу же надо, – не унималась я.

- Ой! Брось ты! Я капустный лист прикладывала. А ещё мне посоветовали такую хорошую индийскую мазь... – и Ольга пускалась в рассказы о чудотворном действии мазюки.

Потом они с дочкой съездили в Индию, на Алтай, где Ольга получала навыки мануалиста.

А потом мне сообщила Валя, что у Ольги рак. Весной 2010-ого Ольге назначили курсы химиотерапии. Опухоль оказалась в очень запущенном состоянии. В сентябре, после шестого курса, мы с Серёжкой выслали Ольге немного денег, и я позвонила:

- Ой, Анька, привет... Нет, у меня всё отлично... Похудела? Ну, так, немного... А чё волосы – волосы отрастут... Ты когда приедешь-то? Песни бы попели, девишник бы собрали.

Это был наш последний разговор.

И теперь вот это сообщение, как будто лёд треснул: – Ольга Коломина умерла.

«Поехать к ней на похороны?» – думала я, – «Если завтра на поезд, только в воскресенье буду там, не успею...».

Таким было второе декабря.

А ещё... ещё в этот день был день рождения моей дочери – Насти. Ей исполнилось двадцать шесть.

Как можно было соединить в одном дне сразу и столько всего?

«Господи, зачем так? За что? Как понять мне твои эксперименты надо мной и моими близкими? Неужели тебе хочется, чтобы я разгадывала эти шарады».

Меня вернул в себя голос того самого молодого врача, моего лечащего.

- Максимова, пойдёте со мной.

Я шла, глядя себе под ноги за впереди маячащим халатом врача. Если бы подняла взгляд – из меня бы вылилась река слёз. Но шла и думала:

- Успокоиться! Успокоиться! Вопросы! Какие вопросы задать?!

В кабинете мы сели за столом друг против друга, и Константин Викторович начал рисовать на листке, объясняя мне, где был обнаружен рак.

«Зачем мне это знать?» – думала я, разглядывая ёрзающую ручку в руках доктора.

- Это очень редкая форма... Даже если бы у нас в ту ночь была экспресс-лаборатория, мы бы не рискнули делать всю операцию – у нас другой профиль. Может, вашему мужу сообщить? Или кому-нибудь из родственников?

- Нет! Я пока не буду этого делать... Сегодня у дочери день рождения...

- Время оттягивать нельзя... Рак старый... Мы вас сегодня выпишем, только обязательно уже завтра вам надо обратиться в онкологию на Утепова. Может, хотя бы Надежде Анатольевне сообщить?

Он имел ввиду нашу знакомую – Надю, которую вызванивал в ту злополучную ночь моей госпитализации Серёжа. Я кивнула головой:

- Я сама.

- Нужно, чтобы хоть кто-то знал... А ещё вам надо забрать стёкла, спуститесь в цокольный этаж, там у заведующего отделением патологоанатомии стёкла заберёте. Их придётся на пересмотр отправлять.

Я встала из-за стола, врач как-то совсем неофициально добавил:

- ...вы – сильная. Я видел, как вы мучились с болями и терпели, не многие так могут... Только не поддавайтесь... да, и пожалуйста, в палате не говорите никому ничего... во избежание, так сказать, паники...

Я вышла из кабинета, потяжелевшая килограмм на сто. В коридоре опустилась на стул.

Я была совсем одна. Один на один с судьбой. И я могла ей – своей судьбе – смотреть сейчас в лицо и говорить всё, что о ней думаю. Но слова куда-то потерялись. Перед глазами были снующие туда-сюда люди, и у каждого свои проблемы, свои дела, свои маршруты. А мне было некуда идти. Я будто бежала-бежала по жизни, и – остановка... Провезли больного на каталке. «Куда его повезли? На операцию? На процедуру? Что ждёт этого человека? Почему мне выпалили всё сразу? А как могли бы по-другому сообщить? Если бы во мне были признаки слабости, наверное, это выглядело бы иначе... Бы, бы, бы...Тысячу раз говорила Серёжке, что не люблю сослагательного наклонения, а сама...А как я всё скажу ему? А детям? У Насти сегодня день рождения. А через три дня у сына».

6 декабря 2010. Иди...

Сергею всё рассказала сразу после выписки. А детям – после дня рождения Богдана, вечером, уже перед отъездом детей, я набралась сил – и призналась. Повисла тишина. Настя проговорила что-то оптимистичное, похожее на то, что это может быть ошибкой.

Я уже несколько дней жила в каком-то другом мире, примеряя к себе этот странный диагноз, и не веря, что это происходит со мной. Надя в это время взяла на себя подготовку места в онкологии, чтобы сразу после дня рождения Богдана я могла лечь на вторую операцию.

Страхи второй операции я не подпускала к себе. Может, потому что по первой плохо всё помнила, а осознанный поход на вторую держал только один страх – как это: всё вырежут? А как же жизнь? Она будет совсем не такая, какая была? А как муж переживёт всё это? Он же ещё в самом расцвете сил... Страха смерти не было. Между операциями всего двенадцать дней. Кардиолог долго не давала согласие на вторую операцию, обосновывая моими побочными заболеваниями, связанными с мозговой патологией. А у меня всё-таки был страх – где-то читала, что если воздух попадает в открытую по-

лость, то метастазы начинают своё быстрое развитие. И ход размышлений был такой: меня же вскрыли, всё не убрали, но обнаружили опухоль, значит, могут теперь метастазы прогрессировать. Казалось, счёт пошёл на часы.

Я решительно направилась к заведующей, и то, что мне сказала она – будто кипятком ошпарило:

- Вышла, и закрыла за собой дверь! Иди, и радуйся каждому прожитому дню!

В тот момент я почувствовала себя кем угодно, только не человеком. Я была для них – пациент, и всё... Не человек... Так с человеком не разговаривают.

«Это хорошо, что у тебя есть защита – твоё начальство. У меня была моя защита – мой Серёжка, который с ума сходил, не зная, как мне помочь» – как-то я написала Юльке.

Позже я узнала, что всю операцию и потом, пока я сутки была в реанимации, Серёжка и Настя дежурили около, в коридоре.

«Тяжелее всего приходится нашим близким. Они готовы помочь, но не знают как, и готовы любые деньги платить, только чтобы этот кошмар побыстрее закончился – не для них, для тебя. Но кошмара-то нет внутри тебя, если ты не паникуешь сам, если ты адекватен, если веришь врачу. Верить врачу очень важно. Если ты с ним в одной связке, то он знает – как «разговаривать» с болезнью, как решить твою проблему» – продолжала я писать записки Юльке, – «У нас очень много ходили по больнице, по палатам всяческих «доброжелателей» со всевозможными соками нони, ксанга, с БАДами, якобы вылечивающими даже самые запущенные формы рака. Они – эти страшные люди – рассчитывают как раз на родственников, готовых тратить любые деньги, чтобы помочь. Только не это! Это обман. Открытый обман. Симулякра. Плацебо. Только в связке с врачом!» – написала Юльке, и она успокоила меня тем, что абсолютно с этим согласна.

Когда мне сообщили, что это третья стадия, что есть метастазы, я сильно струхнула. Завещать мне практически нечего. Записку написала и оставила в

компьютере. Музыку подобрала для поминок. Записала голосовое письмо для всех... И волновал меня теперь один вопрос – сколько времени осталось.

Июль 2006. Боль

Прогрессировали совсем другие боли – в затылке, и порой я туго соображала – что происходит вокруг. Стала раздражительной. Постоянно принимала цитрамон – в день уходило до десяти таблеток. Я заглушала боль на некоторое время, но она возвращалась.

После пива или коньяка боль отступала. Я легко стала идти на заглушку боли спиртным. И мне даже порой казалось, что это помогало. Но становилось страшно от мысли, что я спиваюсь. Хотя пила только хорошие, качественные напитки.

Моя творческая работа позволяла пить часто, потому что пьющих приятелей рядом всегда было очень много. Даже только что появившиеся люди из числа поклонников быстро переходили в ранг близких знакомых, которые часто предлагали встретиться, колдырнуть. И это поначалу радовало. Ведь люди звонили, приглашали, а значит – помнили о тебе. Дни недели распределялись от четверга до четверга. В четверг я проводила концерт кого-то из друзей-авторов, после концерта небольшие посиделки. Домой – в три-четыре утра. На следующий день, в пятницу – жума – это святое! Собираемся в гостях – опять выпили, уже побольше. В субботу и воскресенье либо добавляешь, либо болееешь. В понедельник начинается подготовка к четверговому концерту, а во вторник, среду – чьи-то дни рождения, праздники, презентации, встречи, конференции и просто гулянки...

Эта круговерть затягивала настолько, что казалось – ты не принадлежишь себе, своим желаниям, своим целям. Сказать, что всё остановилось – нельзя. Но движение жизни было не вверх и вперёд, а куда-то в воронку.

Складывалось ощущение, что вокруг какое-то массовое спивание. Но оправдание находилось тут же – у всех творческих людей это так. Пили все. Не

пили только те, кто за рулём. Хотя для них-то и была жума – пятница, или, как её называли «пьяница». Во время одной из таких пятниц мы сидели на веранде у наших друзей Солнцевых – Михаила и Ольги. Но Оли не было. Мишка и мой Серёжка накатили по стопочке, и пошли обычные разговоры. За столом сидели родители Оли – Тамара Александровна и Виктор Иванович, которые приезжали из другого города погостить, и оставались у детей на несколько месяцев. Здесь же была и наша общая знакомая Надя. Та самая Надя, которая помогла нам с устройством в больницу. И это та самая Надя, которая когда-то, до строительства дома Солнцевых, была в соседках у Миши с Ольгой, и так прикипели они друг к дружке за годы, что уже и друзья стали общими.

Виктор Иванович, на правах старшего, начал свою речь. И когда он сказал фразу «в моём доме собираются те, кого я хочу видеть...», Мишка побагровел, он стукнул по столу кулаком, и его прорвало:

- Это о каком доме вы говорите? Вот об этом? О доме, который я строил вот этими руками? А вы приезжаете, живёте здесь по полгода...

Я сидела с Мишкой рядом и видела, как его трясёт. Перепалка между зятем и тестем начала набирать обороты. Надя попыталась сгладить ситуацию:

- Мужики! Да вы чё?! Давайте по маленькой, и всё встанет на свои места...

Её не слушали. Надя поставила стопку и ушла за веранду, в сад. Ушла в дом и тёща Мишки – Тамара Александровна, бросив, уходя:

- Сегодня это с самого утра... И Оля поэтому ушла... Я не могу на всё это смотреть...

Виктора Ивановича несло на высоких нотах куда-то в необозримое пространство, и когда он сказал о Мишкиных песнях:

- Поёшь всякую галиматью! И с друзьями водишься, которым лишь бы попить да пожрать...

Я не выдержала:

- Виктор Иванович! Остановитесь! Вы же будете жалеть о том, что говорите!

- Это я не прав? Я здесь хозяин! А ты молчи!

Мишка ударил кулаком по столешнице. Встал, наклонился над столом, его жилы на шее напряглись, натянулись, кожа покраснела, и казалось, сейчас взорвётся всё вокруг:

- Завтра же чтобы вас здесь не было...

- Ах, ты гонишь нас?! Мы уедем!... Но уедем вместе с Ольгой и детьми, а ты оставайся здесь со своими собутыльниками!

Виктор Иванович ушёл с веранды, хлопнул дверью.

Ситуация была отвратительная. Мы все молча сидели минуту-две, но казалось, что время растянулось на километры жизни.

- Поехали к нам? – предложил мой Серёжка Мишке.

Мишка посидел ещё немного молча. Дрожащей рукой наполнил стопки. Выпил тоже молча. Серёжка тоже выпил. В большие застеклённые двери веранды было видно, как в дом из парадной вошла Ольга. Ей навстречу вышла Тамара Александровна, жестикулируя и указывая на веранду, видимо, объяснила что произошло.

- Может, я пойду и поговорю с Олей? – предложила я.

- Да, бесполезно... Мы уже со вчерашнего дня все как на пороховой бочке. Да чё, со вчерашнего... Как они стали приезжать, я в своём доме как чужой. А они, похоже, считают, что так и должно быть. Уже дошло до того, что Ольга собралась уезжать с ними. И это длится уже пять лет! Я больше не могу!

- Слушай, поехали к нам, а? – не унимался Серёжка.

- Нет, ты не ходи никуда, – взял меня за руку Мишка, когда я уже поднялась, направляясь поговорить с Ольгой, – Поехали! Хоть куда! Поехали!

Вернулась Надя.

- Мишка! Да, то ли ещё было?! Всё перемелется – мука будет...

Перед уходом, я всё-таки забежала к Ольге, хотя бы предупредить, чтобы она не волновалась. Я встретила её холодным выражением лица.

- Оль...Мишка бузит... Мы не можем его оставить в таком состоянии... Как ты думаешь, что лучше – нам исчезнуть? Или ...

Ольга молча смотрела куда-то сквозь меня.

- А, может, поехали вместе, и вы помиритесь...

Ольга молчала. Её отрешённый взгляд говорил: «Мне всё равно...»

Мы поймали частника. Частниками у нас называют такси. Завезли Надю домой, уже почти подъезжали к нам, Мишка встрепенулся:

- А поехали в боулинг! – и, не давая нам с Серёжкой опомниться, назвал водителю адрес – куда.

В боулинге был режимный день, и он был закрыт для смертных.

Мы немного прошлись по улице. Серёжка не унимался – «к нам, к нам». Я-то знала, что он уже находится за пределами своего привычного режима, и уже давно хочет спать. Но авральная ситуация – друг в беде – мобилизует его, и всё-таки тянет домой.

А Мишку тянуло на подвиги. Чтобы не допустить его разгула, мы решили контролировать каждый его шаг. Мишку несло – он балагурил, не переставая. Он делал вид, что ему всё «по барабану». Он хорохорился, рассказывал нелепые анекдоты. Помотавшись по городу, мы осели в каком-то круглосуточном кабаке с привлёкшим наше внимание названием «СССР». Там просидели до утра. Мишка рассказывал о своей жизни. Серёжа давал советы. И мне приходилось исполнять роль выравнивания ситуации. Самым прискорбным было то, что Мишка всё твердил, что потерял смысл жизни и постоянно трындил одно и то же:

- Жизнь закончилась...жизнь закончилась...

Потом, в течение нескольких месяцев, Мишка мог позвонить ночью, Серёжа поднимался с постели, и мы снова ехали куда-нибудь на край города, чтобы говорить-говорить, искать выход.

Потом Мишка сдался. Попросил прощения у тестя, а тот поставил условие:

- Прощу, если все свои слова назад возьмёшь, и скажешь, что я здесь – хозяин. И ещё – о твоих друзьях, и особенно этих (имея в виду нас с Серёжкой) - чтобы их больше на пороге не было.

Так я стала косвенной, но, как оказалось после, главной причиной раздора. Спустя два года всё улеглось, успокоилось.

Все наши встречи с друзьями, теперь уже на других территориях, сводились к разговорам, что я была не права, что у Сергея нашлись силы попросить у тестя прощение, и поэтому он молодец. Главное – спасти семью.

Моим принципам это было непонятно. Если ты перед собой честен, как можно предать себя и пойти на поводу у того, кто управляет тобой, как пешкой... Он – такой же человек, как и ты, с такими же двумя руками и двумя ногами. Никто из людей не имеет право управлять твоей жизнью. Ты сложил свой семейный уклад. Ты взял на себя обязательство защитить свою семью. И никто, даже родители, не имеют право вмешиваться в созданное тобою. Назначение жизни родителей только в том, чтобы дать тебе жизнь и ничего не требовать за это.

Шёл уже второй год после этого инцидента. Приближался Мишкин юбилей, а у нас уже было традицией – готовить сообща сценарий, творческие номера. Ведь все друзья – музыканты, поэты. Каждая встреча превращалась в праздник хорошего уровня. За годы наших общений чего только мы не напридумывали – костюмированные вечера, шляпные вечеринки, съёмки кинофильма, пионерские побудки...

Однажды вечером пришёл Гоша и наши общие друзья – Олег с женой Ириной, Марат, Марина с Лёнькой, и мы стали обсуждать приближающийся юбилей Мишки.

- А давайте перепоём его песни, – предложил Олег.

- Классная идея! – подхватила я.

- Я, чур, возьму «Речной вокзал», – вставил Марат, уже давно «положивший» глаз на песню Мишки, которую любили все.

Содержание его песен уносило слушающих в реалии и, одновременно, в мечты. Всё, что населяло песни Михаила, не было придумкой – это была жизнь, его жизнь, наша жизнь.

- А я спою ту, что он мне посвятил, – сказал Гоша, пряча свою гордость в дрожащем голосе.

На том и порешили – по мере готовности исполнителей, я буду записывать их в нашей студии, готовить диск, который мы и вручим Михаилу на юбилей. А заключительной песней станет хитрый манёвр – я взяла песню в исполнении Михаила, расписала партитуры голосов, и мы сделали голосовое наложение. Получился маленький шедевр.

Но для себя я решила – диск сделаю, передам его с друзьями, а на юбилей не пойду. Это будет сверх моих сил. Видеть глаза тех, кто меня оттолкнул, я не смогу, потому что не хочу портить своим присутствием праздник родных Михаила.

- Как же так? – возмутился Гоша, когда я ему призналась, что меня не будет на концерте, – Это не правильно. Ты сделала такую работу, а мы, получается, будем дарить её... Да и вообще пора прекращать эту ссору.

- Это не было ссорой, - я смотрела на Гошу и не могла понять, почему он посчитал произошедшее ссорой.

- С Мишкой у нас отличные отношения. А Виктор Иванович имеет свой взгляд на жизнь, который не совпадает с моим – вот и всё.

- Ну, как ты так можешь говорить? – не унимался Гоша, – Виктор Иванович человек, повидавший многое, да и только возраст его заслуживает уважения.

- Гоша, я считаю, что нельзя прятать за возрастом свою бестактность.

- Ну, знаешь... Это твоё право. Но я считаю, что ты должна попросить прощения у Виктора Ивановича.

- За что? Я-то в чём перед ним провинилась? В том, что Мишку защитила?

- Я не знаю, что там у вас произошло, но так как мне рассказали, ты – виновата.

- А что тебе рассказали?
- Ну, что ты устроила скандал. Оскорбила Виктора Ивановича... И, вообще, что развалила семью...
- Гош, я не буду спрашивать – кто тебе так преподнёс всё, чтобы не складывать дурного мнения об этом человеке... Я своё сказала – я никуда не пойду. И всё-таки меня вынудили.
- Уже после прошедшего юбилея, все наши должны были собраться на очередную жуму у Солнцевых. Гоша пришёл к нам с Сергеем:
- Ребят, вас там ждут... Давайте прекращать это всё. Анька, ну, нам просто тебя там не хватает...
- Гоша! При всём моём уважении ко всем – я пойти к Солнцевым больше не могу. Мы можем встречаться где угодно. А тебе наших репетиций не достаточно?
- Ну, ты же сама понимаешь: столько лет у нас держалась эта традиция собираться по пятницам у Солнцевых, а тут вот такая нелепость, и жизнь как будто остановилась. Там сегодня все собрались, и ждут прихода вас.
- Ань, может, действительно, пойдём, а? – умоляюще посмотрел на меня Сергей.
- Получается, я приду как ни в чём не бывало... Да не смогу я смотреть даже в сторону Виктора Ивановича... А ещё и, зная теперь, как это преподнесли другим...
- Нет ты не придёшь, как ни в чём не бывало... Виктор Иванович ждёт твоего прощения...
- Что?!... Гоша! И кто я в этой ситуации? Или что? Получается, я – та тряпка, которой вытрут грязь, и всё станет, вроде бы, чистым?
- Ой, Ань! Вот любишь ты всякими образами! Давай по-простому: мы возмутились, что тебя не приглашают. Мишка сказал, что его теперь самого в чёрном теле держат. Ему самому стыдно, что так всё произошло. И, вот, если ты приедешь, и попросишь прощения...

- Замолчи, Гоша! Я слышать тебя не хочу...

Прошёл месяц-другой. Мы по-прежнему были в опале. Мои переживания переросли в какую-то непонятную фазу. Я стала чувствовать, что идёт давление на мою совесть, на моё понимание жизненных ценностей.

«Почему в детстве, - думала я, - Так всё понятно: что такое хорошо, и что такое плохо. И вдруг однажды понимаешь, что грани между этими понятиями у кого-то уже стёрты, а он не то, что не обращает на это внимание, а даже испытывает восторг... Я не хочу стирать эти грани».

На августовский высокогорный фестиваль, который каждый год проводил Владимир Юн, мы старались подготовить что-нибудь новенькое из репертуара. Ведь фестиваль – праздник. Это встреча поющих друзей. Это состояние переливания восторга от творчества друг в друга.

С Владимиром мы виделись редко, но «метко».

- Анька! – как я рад, что ты приехала! – улыбался во всю широту своей искренней улыбки Владимир, – Я тебя включу в вечерний концерт, а потом – давайте, подгребайте с Сергеем к нам в гостевую...

Здесь мы увиделись с нашими давними друзьями из Павлодара, Актюбинска, познакомились с новыми авторами из Байконура.

Песни, песни – как искры большого костра – летели, взвивались, будоражили, создавая атмосферу творческого порыва. Обычно, после фестивалей, писались новые песни – сказывался запал полученного вдохновения.

На фестиваль приехали и Солнцевы, и родители Ольги. И Ольга пригласила нас к себе.

Меня вынудили сказать эту нелепую глупейшую фразу: «Простите меня, Виктор Иванович...».

После того, как стали уговаривать сказать это все наши друзья, кто вновь были «допущены» к дому Солнцевых, кого не было в тот вечер, и кто смело мог мне заявить, что я была не права.

Сказала. Сказала эту фразу. Сказала и развернулась, чтобы тут же уйти, и больше никогда не возвращаться в этот дом. Но сзади встали стеной – Серёжка, Мишка и Гоша.

До сих пор ощущаю какое-то предательство по отношению к самой себе.

Я не понимала – за что я прошу прощения.

Но благодарна этой истории за то, что у меня хватило сил после всего этого сказать себе: – Всё! Больше не пью!

Я сдержала слово.

Но вернулись боли, и как будто с новой силой. Они могли придти ночью, не отпускали днями, сутками. Врачи разводили руками, и назначали лечение, которое было как мертвому припарка, пока однажды...

6 ноября 2008. Байконур

Шёл четверговый концерт. Это была программа алматинского автора Яна Ролина. Он, как всегда, с шутками-прибаутками вел программу. Было весело. Слушатели веселились на полную катушку. А у меня всю болела голова. Я силилась концентрироваться, чтобы не упустить нить программы – всё-таки я ведущая. От громких звуков меня будто шлёпало по макушке доской, и даже закрывались глаза. Подступала тошнота. Было одно желание: - Быстрее бы всё это кончилось!

Перед третьим отделением подошёл Ян, попросил помочь одеть ему ремень от гитары. Я помню, как смотрела на этот ремень и не могла сообразить – что нужно сделать. Непростая конструкция собственного ремня была и в нормальном состоянии сложной, а тут... Ян посмотрел на меня с удивлением, я растерянно смотрела на него, потом попросила кого-то из подошедших помочь справиться с ремнём.

Ночью, уже дома, мне стало хуже. А на следующий день мы дружной командой в сорок человек должны были ехать на фестиваль на Байконур.

Погранзона, я – руководитель. Загодя, за месяц, прежде, чем нам дали разрешение на въезд, документы перепроверялись несколько раз.

- Если я не поеду, то сорвётся поездка всех, а это пропавшие билеты, недовольство всех и вся...– убеждала я Сергея, который испугался за меня, но осознавал, что ситуация безвыходная.

В поезде принимала тройчатку – так врач назвал комплекс обезболивающих на крайний случай. Но боль через два, а потом уже через час возвращалась. Было здорово, что поехали и Мишка с Ольгой. Я очень дорожила этими моментами творческого общения. После наших встреч у многих появлялись новые песни, стихи. Была надежда на то, что и в этот раз Мишка порадует всех новыми песнями.

На Байконуре нас встретили замечательные ребята из клуба «Звёздный». Они приготовили для нас поездки на площадки запуска, в музей. Потом, уже перед концертом выяснилось, что было бы неплохо представлять наших ребят, а никто кроме меня этого сделать не сможет. Да и ещё кое-что обнаружилось: байконурский ведущий куда-то пропал. Военные есть военные, и если они пропадают, значит – по делу. И я вынуждена была начать вести программу одна. Почему-то не из-за кулис... Мне приходилось каждый раз спускаться в зал, потому что на ходу нужно было корректировать последовательность выступающих, уточнять имена байконурцев, которых я и в лицо-то не знала.

Перед концертом я предупредила всех, что мне нужно хотя бы час поспать. Меня разбудила одна из наших завсегдатаев концертных программ Ксюша Нейлова. Она стояла передо мной и что-то говорила, а я, глядя на неё, испугалась того, что я не помню – кто это, и как её зовут... Помню только, как я уснула у неё на коленях, а она массажировала мне острыми ногтями голову.

По возвращении домой меня положили в больницу. Снимки головы показали кровоизлияние, и не одно, а несколько, прошедших каскадом.

Потом были консультации нейрохирургов. Поездка в Астану на ангиографию. И – окончательная установка патологического диагноза «тромбоз синусов мозга».

Ношение болей в себе обостряет хладнокровность. Я стала спокойно относиться ко всему, что происходило вокруг. Находила, конечно, своим холодным оценкам оправдание – мне это далось через боль, значит, я имею право так думать. Всё больше раздражали чужая беззаботность и неумение людей ценить отпущенное время. Я продолжала спать по четыре часа, и много работала, чтобы увести себя от боли.

Август 2012. Лёнька

Мои разговоры с Лёнькой, отцом Юли, стали носить какой-то странный характер. После отъезда Марины в Томск, а затем в Германию, этот большой мужчина стал выглядеть со стороны маленьким и беспомощным. На вопросы «как обстановка, как дела у Юли?» он хорохорился и отвечал:

- Да, всё нормально...

А сам безудержно напивался. Иногда его прорывало на откровения, и Лёнька признавался, что ему тяжело принять эту мысль о болезни Юли, что он в растерянности, и не знает, как ей можно реально помочь.

- Я не могу уснуть, поэтому мне надо выпить, а потом несёт... и уже остановиться не могу.

Меня успокаивало только то, что он контролирует себя, раз может так рассуждать.

- Ты же понимаешь, что своим таким состоянием ты только делаешь хуже всем – и ей, и себе... – не унималась я, когда он приходил на репетицию выпивший.

Лёнька злился и напивался ещё больше, оправдываясь, что его никто не понимает.

Когда стало известно, что Юле отказали в операции, объясняя это наличием метастаз в костях, и назначили курс химиотерапии, Лёнька стал хвататься за любую возможность, сулящую просвет.

Он взял большую ссуду на своём предприятии и готов был оплачивать кого угодно и что угодно, лишь бы что-то двигалось, и приносило результат, а не стояло на месте.

Ещё летом мы с Сергеем приняли решение провести в конце ноября большой фестиваль. Для меня этот фестиваль был завершением работы с бардами.

В том режиме, в котором я жила до операций и химий, больше я находиться не могла. Проблемы с кишечником, с костями, с головой – всё это тянуло отлежаться, побыть в одиночестве, никого не видеть. И нагрузка по заботе о других людях, которая не приносила ни морального, ни материального удовлетворения – была жизненной роскошью, которую я уже не в состоянии была дарить никому.

На фестиваль мы пригласили именитых бардов из Москвы и Санкт-Петербурга.

Билеты на концерт раскупались плохо. А тут ещё наши собраты по бардовской песне устроили нам с Сергеем бойкот.

Многие недоумевали – зачем мы тратим огромные деньги на проведение фестиваля, зачем арендуем центральный городской концертный зал, зачем мы приглашаем такое количество авторов из России... Сергей не хотел никому объяснять, что этот фестиваль – итог наших отношений с болезнью, что мы готовы вложиться в его проведение, и это был для нас праздник – ведь уже два года нам приходилось вкладываться в лекарства, в операции, в болезнь. А теперь, когда я начала приходить в себя, нужно было поставить жирную точку, и отойти от бардовских дел.

Все эти десять лет не разрушили устоявшегося отношения к песне, как к хобби, или элементу отдыха, как к развлечению – пришёл, спел, захлепил гитару и ушёл, и не важно, как и о чём поют твои собраты. Потому что их – собра-

тьев – нет. Есть только ты и твоё. Всё остальное – чужое. Теперь и я становлюсь такой же... И мне больше не будет дела ни до кого, ни до чьих песен. Я буду думать только о себе.

Когда выяснилось, что нам нужно искать аккомпаниатора для одного из значимых гостей фестиваля, вопрос встал нешуточный – приглашать ещё одного, седьмого, гостя, к которому исполнительница привыкла, мы уже не могли себе позволить, а из наших ребят с репертуаром исполнительницы был хорошо знаком только Леонид. Они вместе с Мариной не раз выступали с программами, посвященными Визбору и Якушевой, и в их исполнительском репертуаре было немало песен этих весомых авторов.

Я пригласила на деловой разговор Леонида, и он с радостью согласился принять участие в этой затее. Начались репетиции.

Прошёл месяц. И после очередного сообщения о состоянии Юльки, Леонид ушёл в глубокий запой.

- Ты звонила Лёньке? – спросил меня Сергей как-то после очередного неприхода Леонида на репетицию.

- Звонила... – я хотела скрыть это, думала, что всё как-то образуется, – Вчера он, по словам Полины, приехал поздно с вечеринки, и был не в состоянии, а сегодня за ним снова заехали и увезли на дачу.

- Кто? – спросил Сергей, хотя он догадывался, кто взял под свою такую заботливую опеку Леонида.

Напахнуло нашей летней поездкой на грушинский фестиваль, куда мы ехали, как призёры интернет-конкурса в ансамбле «Островитяне». Перед отъездом я предупредила всех о сухом законе на фестивале. Но уже на этом этапе моё лидерство было подорвано случайно оказавшейся в нашей компании Люсей Лим. Она считала эту поездку развлечением, отдыхом, и сухой закон не вписывался в её график. Марина, уже не раз переживавшая за здоровье легко спивающегося Лёньки, предупредила несколько раз Люську:

- Я тебя очень прошу – если нравится тебе такой образ жизни, в подпитии, спаивай себя, а других не надо.

- Они что, маленькие, чтобы я их спаивала! Хотят и пьют, это их право – иметь своё мнение! – и вначале в открытую, а потом «в тихую» продолжала наливать желающим выпить.

И в один из напряжённых моментов Лёнька и Марина начали ссориться. Лёнька был пьян, и его «несло», а Марина была в отчаянье.

А тут, по приезду домой, – сообщение об Юльке. Оно выбило всех из колеи, и Лёнька считал единственным выходом – пить, чтобы забыться.

Вот и в тот день, с Люськиной подачи, Леонида увезли на дачу – отойти от забот, отдохнуть.

- Надо позвонить Лёне, – предложил Сергей, и я набрала номер телефона.

Осоловевшим голосом Лёнька проговорил в трубку:

- Слушай, чё тебе от меня надо, а?...

Я замерла в непонимании «что происходит» и сбросила разговор.

- Надо срочно искать другого аккомпаниатора, иначе у нас выступление на фестивале под угрозой, – заявил Сергей.

Мы перебрали возможности нашего региона и сошлись на мнении, что любому из музыкантов придётся учить репертуар с нуля, а значит, нужно время, которого не осталось.

Музыканта всё же нашли. А Лёнька, проспавшись, понял, что он натворил и пришёл с повинной головой:

- Простите, я виноват... бес попутал... но я готов исправиться.

Сказать ему, что доверие имеет свои границы – значило, подставить его под угрозу ещё большего спивания.

- Лёнь... я верю, что ты можешь взять себя в руки. И понимаю, что на тебе сейчас ответственности больше, чем на всех нас взятых... – говорил Сергей, – Но ты должен оставаться с человеческим лицом, а не со спившейся рожей...

Мы, конечно, назидали. Я включила в себе прежнюю училку. Сергей поддерживал меня, и только этот тон сейчас был уместен, но похож на отстаивание своих правил.

- Ань! Серёж! – вы единственные, кого я сильно уважаю и люблю, – говорил Лёнька, – Я смогу! Вот увидите, я смогу, только дайте шанс...

На фестивале аккомпанировали двое.

19 декабря 2012. Родная

Третий день стоят морозы. Для влажного климата Алматы «минус двадцать», это то же самое, что и для устькаменогорцев «минус тридцать». На сегодня мне назначен очередной приём в онкологии. Точнее, его не назначают, примерно за две недели до необходимой даты, ты звонишь и записываешься. Я специально освободила среды от уроков, чтобы этот день посвятить решению разных социальных вопросов.

Пока собиралась в клинику, позвонил с работы Сергей, предупредил, что на улице очень холодно, и чтобы вызвала такси к подъезду.

За выходные не отсканировала результаты УЗИ, думая, что это минутное дело, и не учла, что Серёжа последнее время сканировал много фотографий для одного знакомого, и сменил настройки сканера. Пока разобралась – изнервничалась.

В поликлинику – почти на другой конец города добралась только через час. Таксисты в холода сами стали похожи на лютые морозы, задирая цену сверх прежнего.

Спёртый воздух старого здания онкологической поликлиники был удушлив. Два этажа с узкими коридорами, заполненными сидящими на редко расставленных диванчиках и стоящими вдоль стен в ожидании своей очереди пациентами, напомнили ноябрь десятого года... Ничего не изменилось. Вот только тогда мне было не до разглядывания людей.

Заняла очередь. Передо мной человек десять. Кабинет лечащего врача прямо по центру второго этажа. Все поднимающиеся по лестнице упираются взглядами в этот кабинет, а впервые пришедшие некоторое время стоят в замешательстве, соображая в какую сторону идут номера остальных шестнадцати кабинетов – на возрастание или убывание.

Вынужденное стояние в очереди имеет свои плюсы для наблюдений. Такое богатство персонажей, правда, все с одним уклоном – в негатив. Выражения лиц, практически, одинаковые. У большинства усталость в глазах. Да и эту усталость рассмотреть получается только случайно, когда кто-то отрывает взгляд от пола. Находится какой-нибудь любопытствующий новичок, но зачастую и, слава Богу, он из тех, кого ещё не коснулась эта болезнь. «Химики» – с платками или обтягивающими шапочками – сразу выделяются по бледному цвету лица. «Первопроходцы» – зачастую с сопровождающими, с опухшими от слёз глазами, или с потерянными взглядами. «Бывалые» стоят или сидят тихо. И у всех впереди неизвестность – сколько осталось: год, месяцы?

Крутые высокие ступеньки лестницы – будто специально сделаны такими, чтобы каждый шаг жизни прочувствовать, чтобы поднимаясь на второй этаж, ощутить каждой клеткой организма боль восхождения к жизни. Когда я преодолею свою болезнь, это будет мой Эверест, моё восхождение над всем, что останется в прошлом.

По лестнице легко вспорхнула невысокая миловидная женщина, на ходу расстёгивая шубу и шагая прямо на меня:

- Анька, родная... – она уже обнимала меня, когда я узнала в подлетевшей ко мне Лену – ту Лену, которая первая стала свидетелем моих послеоперационных будней.

- Родная... – почти прошептала, уткнувшись в меня Лена.

- Леночка, милая... – я еле сдерживала слёзы.

Мы успели стать родными за те несколько дней испытаний. Лена живёт в Талды-Кургане, иногда перезваниваемся, делимся новостями. Лена отважно пошла сама на добровольное согласие на экстирпацию после того, как у неё удалили раковую опухоль третьей стадии в молочной железе. После шести курсов химиотерапии Лена приняла это серьёзное решение с одной лишь целью – жить, чтобы воспитать ещё маленьких детей, чтобы не оставлять проблем мужу и пожилой маме.

- А помнишь Раю из седьмой палаты? – спросила Лена.

- Это ту, что в хоспис перевели?

- Да... умерла в начале ноября...

- ...А у Вики как дела, ты вроде бы с ней переписываешься?

Это я спросила о той молодой женщине, тридцати с небольшим лет, которую лечили от миомы, а оказался запущенный рак. Лена тогда отважно доказывала, что каких только случаев не было в истории и что, в конце концов, лучше вовремя всё удалить, чтобы не случилось худшего, а ребёнка можно и из детского дома взять. В операции Вике отказали, сообщив, что необходимо провести несколько курсов химиотерапии. Мы виделись с Викторией после её первого курса химиотерапии. А обо всём последующем мне уже рассказывала Лена.

Первую химию Вика перенесла очень тяжело. Муж и начальник Вики настояли на продолжении лечения в Израиле. Из Израиля Вика вернулась воодушевлённой, с надеждой на полное излечение. Ей сделали операцию, несколько курсов химиотерапии, но по схеме израильского лечения. Прошло два года, и у Вики пошёл рецидив – уже на культе удалённого органа появилась опухоль.

- Она снова собирается в Израиль, – сообщила Лена.

Мы поболтали о быте, о работе, о детях. Меня удивило, что Лена до сих пор помнит по именам моих детей. Над моей же памятью химия сделала насмешательство, вырезав кусками часть событий, не говоря уже об именах. Я испытывала панический страх от того, что не хотела показывать вида, что что-

то не помню, но это сделать было сложно. Напрягается мозг, а там – белое поле, и ни одной зацепки, до звона в ушах.

Мы распрощались с Леной. Её муж всё это время заботливо следил за женой, наблюдая за нашим разговором, но, не вступая, как будто оберегая и цenia своё сокровище. Он кивнул на прощание, и у меня осталось щемящее чувство тепла от этой встречи, от слова «родная»...

Вышедшая из кабинета медсестра собрала карточки у вновь пришедших и предупредила о нововведении:

- До двенадцати принимаем только впервые пришедших, потом остальных.

Очередь заволновалась и разделилась на две части. Нас – тех, кто на «после» – оказалось всего трое. У меня защемило под левой грудью. Мы молча переглянулись. По взглядам можно было догадаться – о чём каждый из нас подумал. Отсоединившаяся очередь побурлила, выясняя – кто за кем, и, скучковавшись около двери кабинета, стали с любопытством озираться на нас.

Разнообразие внесла только что поднявшаяся по крутой лестнице пожилая женщина с костылём. Она вперилась взглядом в номер кабинета – то ли изучая цифры, то ли продумывая тактику дальнейших действий. Перевела взгляд на стоящую пациентку около двери:

- Я только спрошу... можно?

- Много вас тут – только спросить, – не выдержала одна из очередников.

- Да мне только спросить...

- Чё ж в регистратуре не спросила? – подхватила другая.

- Да они говорят, что направление надо, а где ж его взять... – с тяжестью в голосе лепетала, но уже как будто отступила костыльная, – Не знаю – куда идти... УЗИ сделали, говорят «киста»...а у меня спина не разгибается, вот с костылём хожу... Куда идти не знаю...

Нашлись советчики:

- Так, к своему иди участковому, киста у неё... здесь-то не с кистой уже...

- Да, зачем пугаете, и с кистой здесь...разные...— вмешалась ещё одна и резко замолчала, увидев на себе сразу несколько неодобрительных взглядов.

Вышла медсестра и всех снова расставила по местам:

- Карточка где? Нету? А направление? Тогда к своему участковому...

Костыльная попятилась назад, опёрлась в растерянности о стену, постояла с минуту и медленно стала спускаться по крутым ступеням вниз.

Через два часа подошла моя очередь.

Молодая врач как будто отбывала наказание на работе. В отличие от предыдущей – внимательно расспрашивавшей меня обо всём и даже интересующейся всеми побочными проблемами, в том числе болезнями по родственным линиям, - этой было всё равно. В её глазах читалось: – Как надоели все эти больные! Ещё и характер проявляют!

- Я не вижу никаких проблем по своему профилю.

- Но, доктор, у меня показатель онкомаркёра полез вверх...

- Это не те цифры, при которых стоит направлять на химиотерапию.

- Скажите, – пыталась я высказать свои тревоги, – после химий я стала хуже видеть, прошла обследование в глазном институте, у меня резко уменьшились поля зрения, и теперь уже атрофия зрительного нерва распространилась на второй глаз, и ещё подозрение на глаукому – это могут быть последствия химии?

- Глаза – это вообще не моя тема... И потом, в вашем возрасте...

Я вышла из кабинета состарившейся лет на двадцать. К тому же меня, сорока восьмилетнюю, уже зачислили в отряд стариков. Я чувствовала, что подскочило давление, голова пошла кругами. Держась за стенку, я стала спускаться с этой тяжёлой горы, которую накатали молодые и дерзкие специалисты узкого профиля.

Пришла в голову странная мысль – неужели «рак» – это «война»... Как-то пришло в голову это нелепое сравнение, и вот повторилось. Но не хочется об этом думать, ведь совершаемые военные действия идут не от болезни, а от

людей, призванных спасать. Человек заболевший находится в их руках. Он настолько беззащитен, что одно неловкое движение, слово – и человек будет сломлен. А вокруг этого настолько много, что только теперь начинаю осознавать – выживают способные сражаться.

11 февраля 2013. Метастазы

Лёнька позвонил, сказал, что у Юли обнаружили метастаз в мозгу. Марина с Юлей скоро выедут из Германии домой.

- Я собрал все документы и отправил в Китай. Жду, может, там помогут...

- Лёнь, что ответят – ты сообщи, – попросила я.

- Хорошо, Анчик! Может, и твои документы отправить?

- Нет, Лёнь, я не думаю, что это надо.

- Ладно, давай дождёмся, что нам скажут.

На табло телефонной трубки высветилось имя «Вера-Химия». Это был звонок от той Веры, с которой мы лежали на химии. Это она не говорила своим родственникам – где лежит. И я восторгалась её мужественностью. Мы иногда перезванивались. И вот – звонок её.

- Привет, Вера! – первой поздоровалась я.

- Это не Вера, – произнёс мужской голос на другом конце трубки, – Вы Анна? Вы лежали вместе с мамой в больнице?

- Да... – у меня похолодело всё внутри.

- Мама умерла сегодня ночью...

Пауза затянулась. У меня перекрыло горло. А там слышно было тяжёлое дыхание.

- Вас, кажется, Валера зовут? – выдавила из себя, помня, как Вера рассказывала о сыне.

- Да... Вы, если сможете, приходите... Прощание будет завтра в двенадцать, адрес я вам вышлю... Мама много о вас рассказывала... Приходите...

На меня будто стало давить небо. Хотелось отстраниться от него, закрыв глаза руками. Выплакаться, выораться: «Почему это происходит? Неужели, Господи, нельзя сделать так, чтобы люди не мучились, не уходили в муках?! Зачем ты рождаешь людей, вкладываешь в них свои экспериментальные схемы, сталкиваешь их лбами, разнимаешь, ранишь... Это любовь? Такая твоя любовь к человеку, Господи?!...».

Вера лежала с улыбкой на лице. Спокойной улыбкой – в уголках губ. Валера рассказал, что она очень мучилась последнюю неделю. Метастазы прошли почку и ушли в лёгкие. Всего четыре года после операции были даны Вере на подведение итогов.

Два года назад – там, в больнице – мы рассуждали с Верой на эту тему.

- У меня складывается такое ощущение, что карабкаешься, карабкаешься по жизни, а она всё больше и больше даёт сопротивлений, – так она говорила, – Я работала учителем в школе, вела домоводство. Ну и так, в увлечении, шила по знакомству. Потом, когда всё это произошло, а жить-то на что-то надо, – стала заказов принимать больше. А сил нет. Вообще не понимаю – как выживают те, у кого и этой возможности подработки нет? На лекарства уходит больше, чем на еду. А ещё говорят – надо правильное питание организовать... Это вообще, как издёвка, слышится... Каждый день, а потом, как там у тебя в стихотворении, если повезёт – год..., получается, вымучивается. Сил нет – но ты карабкаешься зачем-то, как будто что-то кому-то доказывая... А я знаю к чему мы карабаемся....

Вера очень многозначительно посмотрела на меня. Отвернулась и пошла к окну:

- Там будет свобода, – и добавила после паузы, – Знаешь, у меня сложилось впечатление, что каждый миг жизни – это обмен на наши осознания нелепости её сути, и как только ты перестаёшь смиряться с тем, что тебя окружает – приходит свобода.

- Вера, но ведь не всё так плохо! – возразила я, – И ощущение гармонии или счастья оно только нами самими и образуется.

Я говорила это с одной лишь целью – подбадривания, но очень хорошо помню, что самой себе в тот момент не верила. Как можно чувствовать себя гармоничным или счастливым, если у тебя нет сил утром почувствовать себя полноценным человеком, если среди чувств осталась только боль?

Теперь на губах Веры была улыбка – она освободилась.

16 февраля 2013. Обида

Позвонила Лёньке. Он сказал, что Юля как-то обронила, что обижена сильно на родителей. Что она думала всегда, что всё внимание младшей сестре, а про неё будто забыли...

- Как думаешь, что ей говорить? Я-то думаю, что она не права... Но она там...ей тяжело...И мне тяжело...

Лёнька, почти как маленький ребёнок, плакал в трубку.

...За окном уже почти закончилась зима. Кошка наша Фрося стала чаще сидеть на окне, наверное, разговаривая со своим кошачьим Богом. А вторая кошка, которую мы звали Лисопилкой, орала и просила кота. Кот Дарвин не мог ей ни чем помочь.

Меня уже второй месяц мучили боли в спине....

21 февраля 2013. Спаси и сохрани

Лёнька выставил на сайте сообщение:

«Юля с Мариной вернулись домой – немцы не помогли, в Томске тоже сомневаются... Все очень плохо. Спаси и сохрани, Господи, рабу божью Юлию. Помолитесь за нее, друзья».

И полились слова помощи:

- Будем молиться! Силы вам и мужества! Мы вас любим!

- Сомневаются в Томске – но ведь могут попробовать! Боритесь.

- Лёнь! Я на связи! Держитесь, друзья мои! Чем могу реально помочь?

- Звоните? Я с вами, я рядом!
 - Сил вам с Мариной... Будем молиться.
 - Держитесь, родные! Самого вам лучшего! Чуда!
 - Юра в воскресенье закажет молебен о здравие Юленьки. Будьте все тверды и уверены. Обнимаем.
 - ...а мне кажется – надо Верить в чудо...
 - Надо!
 - Да поможет вам бог!
 - ПОМОГИ, ГОСПОДИ!
 - Юлька, молись: Господи, видишь Ты мою болезнь. Ты знаешь, как я грешна и немощна; помоги мне терпеть и благодарить Твою Благодать. Господи, сотвори, чтобы болезнь эта была в очищение многих моих грехов. Владыко Господи, я в руках Твоих, помилуй меня по воле Твоей и, если мне полезно, исцели меня вскоре. Достойное по делам моим приемлю; помяни мя....
 - Просьба ко всем – каждый хотя бы раз в день прочтите это вслух: «Владыко, Вседержителю, святой Царю, наказуй и не умерщвляй, утверждая низпадающих возводи низверженных, телесная человеке скорби исправляй, молимся Тебе, Боже наш, о рабе Твоей Юлии немощствующа посети милостию Твоею, прости ему всякое согрешение вольное и невольное. Ей, Господи, врачебную Твою силу с небесе низпошли, прикоснися телеси, угаси огневицу, укроти страсть и всякую немощь таяющуюся, буди врач рабу Твою Юлию, воздвиги её от одра болезненного и от ложа озлобленны цела и всесовершенна, даруй ей Церкви Твоей благоугождающа и творяща волю Твою. Твое бо есть, еже миловати и спасати ны. Боже наш, и Тебе славу возсылаем. Отцу и Сыну и Святому Духу. Ныне и присно и во веки веков. Аминь».
 - Лёня! Молимся за Юлю! Бог поможет!
- Слова – наши мостики между людьми. Мы их копим, носим в себе, наряжаем ими любимых, выплёвываем на врагов, выхаркиваем в болях, выливаем в страданиях. Они равномерно распределились по нашим дням: у кого-то оста-

ваясь невысказанными, у кого-то отслоившиеся в избытке. Я, целыми днями находясь дома одна, порой без сил опускалась на пол около кошачьих мисок, насыпала корм и – разговаривала с котами. Сил было мало, да и они от меня ничего не требовали, просто молча слушали.

Вспомнилось высказывание одного прекрасного человека, с которым нас совсем ненадолго свела судьба – с Владимиром Романовичем Гундаревым. Он сказал мне как-то:

- Каждому человеку дан определённый запас слов... Вот кончится этот запас, и жизнь закончится...

Юлька тоже теперь могла только слушать. У неё не было сил отвечать, реагировать, тем более противостоять... Её слова уже многое объяснили.

В течение нескольких лет Юлька работала над дневником своей прабабушки – простой крестьянки, которая обсказывала свою жизнь, полную тяжёлых, но счастливых моментов. Увлечение Юлькой народными песнями возникло от желания глубже постичь быт своих предков. Там, в пространстве памяти, Юлька оставила много высказанных слов.

22 февраля 2013. Вера

Лёнькина запись в Интернете:

«Друзья, спасибо за поддержку! Боремся, надеемся, верим в хорошее».

23 февраля 2013. Надежда

Позвонила Лёньке – поздравить с Днём Армии и Флота. Хотя этот праздник уже и не празднуется давно, но какое-то тёплое чувство осталось к этому советскому дню.

- Привет, Анчик... – он всегда бодренько обращался ко мне, когда звонил сам, – и тут, как ни странно тоже ответил бодрячком.

Меня это порадовало – значит, у Юльки есть надежда, и значит, трезвый. Поговорили о том-о сём. Он сказал, что младшая дочь летит в Томск, что он то-

же с внуком поедет навестить Юльку на восьмое марта – сделает сюрприз. И вдруг Лёньку потянуло на откровение:

- Я разговаривал с Юлькой по скайпу, и у неё уже уверенно сформировалось, что она обижена сильно на нас с Мариной. Что мы всё внимание уделяли младшей, ... ну, помнишь, я рассказывал...

Я слушала, а сама чувствовала, как у меня ком к горлу подкатил, и начала прокручиваться моя обида на мать. Ведь у меня тоже было такое же чувство, что меня кинули на растерзание судьбы. Но сёстры мои так не считали, они были убеждены, что мне, как последышу досталось в жизни всё самое лучшее... Неужели эта обида и есть корень рака?

25 февраля 2013. Бездна

Лёнька вместе с внуком Маратом сходили в Храм.

Лёнька принял решение – причаститься и принять соборование. Утром 26 февраля он пошёл один. Марат отказался идти – испугался чего-то. Лёнька выстоял молебен.

А после мы с ним опять говорили по телефону.

Мне он показался первый раз за многие последние годы знакомства лёгким. Он и говорил легко, и дышал легко. Сказал, что Юля тоже соборовалась, и читает молитву, выставленную на сайте.

Я снова сделала попытку позвонить Юле. Набрала номер, и сбросила. Не могу. О чём я ей скажу? Что она хочет услышать от меня? Да и хочет ли? Тяжело ей сейчас – разговаривать с теми, кто не понимает уже ничего. Она одна знает всё. Она изнутри знает свою беду. Стоящие на самом краю, смотрят в бездну. А там ты всегда один – со своим полученным багажом мыслей, и ничьи советы тебе уже не нужны.

Другое дело – попытаться сделать шаг назад, чтобы не смотреть в бездну. А если, физически, нет сил? Если не то, что ноги, руки не поднимаются –

настолько нет сил жить дальше. Если твой мозг уже в руках бездны? И управляет тобою только она...

- Вечером позвонила Наташа – та телеведущая, которая тоже получала лечение в Германии. Мы лежали с ней вместе на химиотерапии. Её журналистский темперамент фонтанировал и в речи. Мне вспомнились слова одной радиожурналистки о профессиональной привычке балаболить – ведь две секунды молчания равны краху. Я тоже помню это правило по работе на телевидении. Но там срабатывала ещё и картинка, поэтому нагнетание момента можно было сделать только благодаря выдерживанию в нужном месте паузы на грани... когда вот-вот, и будет крах, но ты до него успеваешь набрать темп и сделать ещё один перелом текста на вдохе, чтобы неожиданно остановить внимание слушателя кульминацией напряжения, поймать мгновение. Я потом часто использовала этот приём на творческих вечерах Острова. И – срабатывало. У кого-то даже до слёз.

Раскрывая тайну, ты обезличиваешь свою загадку. А вне загадки ты слишком прост, и становишься не интересен – никому. Я начала терять эту загадку в себе, когда у меня прекратилось сопротивление болезни. Даже Серёжка позволил себе высказать:

- Как ты оукуклилась...

- Ты хотел сказать «обабились»?

- ...Что хотел – я сказал...

Я понимала, что Серёжа тоже устал со мной мучиться. Ведь наблюдать мои ночные вставания по несколько раз. Терпеть мою хромоту. Видеть, как я глотаю кетонал – хорошо, если ещё соображаю, где он лежит, но иногда я этого просто не могу вспомнить – настолько сильно болит голова. Ночью ломит кости, суставы, мучают судороги. А вечерами дискомфорт в животе такой, что хочется лезть на стену...

Когда Наташа позвонила, я была в этом жутком состоянии. Но я знала, что она испытывает то же самое, даже похлеще. У неё ещё в середине 2011 года

начались проблемы с кишечником, а изначально всё почти так же как у меня – тот же диагноз, та же стадия, но уже и рецидив.

- Привет, Ань! Узнала? Слушай, я тут в больничке в Астане прохлаждаюсь...

- Опять? С чем, Наташ?

- Да, по глупости... В Алма-Ате закончился препарат, который мне нужен для химии, а в Астане его нашли, но вывозить нельзя, и выкупить – сама знаешь, дорого. Поэтому здесь и легла. Да я уже скоро домой...

- А-а! Тогда я догадываюсь – почему звонишь... День рождения?!

- Помнишь?! Приятно! Я вот и хочу договориться с тобой. Я же, как заболела, дала обещание всем, что буду теперь каждый год отмечать днюху. Ну, и потом, знаешь, все были в восторге на том вечере в кафе, где ты пела! Ань, у меня просьба... Да..., я чёт не спросила – ты-то себя как чувствуешь?...

Не могла я всё рассказать. Не могла.

- Относительно. Спина сильно болит, и с кишечником какие-то проблемы...

Наташа меня не услышала, или сделала вид, что не услышала. Её кто-то отвлёк.

- Я тебе перезвоню, там врач по коридору идёт, мне его поймать надо... – услышала я.

Перезвонила, и говорила о том, что хотела бы отпраздновать и пригласить бардов. Назначенный день она выбрала – четверг. Тот самый четверг, когда те, кого я могла бы позвать выступить, будут на своей вечеринке... Я сказала Наташе, что обмозгую ситуацию. Но когда она перезвонила через два дня – всё изменилось: у меня пошло обострение болей в позвоночнике, и я просто сказала ей правду – не смогу.

26 февраля 2013. Воздуха...

Нас пригласила в гости наша с Сергеем подруга – Тая. Она иногда устраивала у себя вечеринки по поводу и без повода – как она говорила «давно не поделись». Тая по профессии юрист. Доктор наук, профессор. Её лекции поль-

зуются огромной популярностью не только по Казахстану, но и за рубежом. Частые командировки изнуряют её настолько, что я понимаю её желание «просто увидеться». А ещё – её благородство по отношению к друзьям, которых она ценит и поэтому делает всё возможное, чтобы они были.

Тая, как всегда, приготовила шикарный стол – со своей фирменной запеченной рыбой. Как всегда – балагурили, пели, я читала свой новый рассказ, обсуждали его. Инна сожалела, что в рассказе печальный финал, что нужно дать возможность герою выжить. Её подхватил Гоша, считающий, что я не вправе «морить» своих героев. И с ним согласился мой Сергей, который ожидает хеппи энда и «мало букв».

«Моё пристрастие к прозе стало моей потребностью говорить с кем-то. Но не просто говорить, а искать ответы на поставленные вопросы. Может, у тебя, Юль, тоже так же? С одной стороны, по правилу философии – правильно сформулированный вопрос уже содержит в себе ответ. А с другой стороны, отвечая себе, я уравниваю себя же. Ну, вот к примеру, я на кого-то раздражена. Осерчала. В последнее время это происходит очень часто. Меня раздражают здоровые люди – я тебе писала об этом, и ты ответила, что тебя тоже. Так вот, если кто-то мне что-то сказал, и я ему или ей ответила, но потом, позже уже, поняла, что ответила не так, как надо было бы... я начинаю мысленно разговаривать с этим человеком, и мне становится легче. Поговорили. Вот и с тобой, как будто сейчас поговорила. Странно это хотя. Ты мне не пишешь, хотя обещала. Нет, не подумай, я не настаиваю... Просто думала, что если меня это спасает, то может и тебе поможет...».

На вечере у Таи был Вахтанг – её друг, который уже несколько раз бывал на вечеринках. Вахтанг – психолог международного уровня, или как сейчас модно говорить – «коуч». Он отреагировал на моё сообщение, что завтра мы идём делать мне сцинтиграфию, и поинтересовался – «что это такое» и «почему». Я рассказала о том, что мне было известно. О том, что мне введут радиоактивный технеций и через минимум два часа проведут сканирование

скелета. Очаги метастаз будут видны на готовом изображении. Вахтанг проявил не просто интерес, его предложение «поработать» со мной, было и нам с Сергеем интересно. К тому же, я ничего не теряла, а лишь приобретала. В желании помочь мне разобраться мою проблему, мне привиделось благородство Вахтанга, тем более, я знала, что подобные услуги достаточно затратны, а Вахтанг предложил мне всё это сделать без оплаты.

На завтра, около семи утра, мы поехали с Сергеем в радиологический институт. Лёгкий февральский морозец прогнал сон.

В институте онкологии в очереди было уже трое ожидающих женщин. Смурные, сонные, в своих тяжёлых думах, люди стояли на лестничной площадке перед закрытой дверью в лабораторию. Разговор начала вторая по очереди, тяжело вздохнув и обратившись к прислонившейся к стене моложавой полной женщине:

- А вы первый раз?

- Нет, я уже повторно... Первый раз была год назад, ничего не нашли, а вот снова отправили.

- А вы после операции?

- Да, в десятом году делали...

- Я тоже после операции...недавно, ещё полгода не прошло. У вас молочка?

- Угу...— неохотно ответила моложавая.

Входная стеклянная дверь раскрылась, и вошёл высокий плотного телосложения мужчина, ведя за собой высохшую маленькую, еле переступающую через порог, старушку. Было видно, как с трудом даётся ей каждый шаг.

- Тут даже стульев нет... А что они не открывают? Уже есть восемь? — произнёс мужчина.

- Ещё только пол восьмого, — оживилась разговорчивая женщина, — Никаких условий для больных людей..., — продолжила она возмущаться, — Вы хотя бы на ступеньки её посадите.

В болезни человеку становится безразлично многое. Но в отсутствии сил всегда хочется одного – присесть, прилечь, прислониться. Это может сколько угодно раздражать здоровых людей. А больному всё равно. Я не раз видела эти раздражения, но нет сил объяснить – почему ты молчишь, и просто текут слёзы.

Слёзы – это предатель и спаситель одновременно. Они выдают несогласие, и они же ещё пока показывают желание сопротивляться.

Но когда я увидела немощность этой маленькой женщины, возможно даже и не старушки вовсе, болезнь которой превратила её в пожилую, и ощутила на полную катушку невозможность ей помочь, потому как мы все были на ногах в этом жутком предбаннике клиники, в которой нам через несколько часов кому-то вынесут приговор, – я заплакала. Серёжка увидел мои слёзы:

- Что случилось? – он приобнял меня.

- Воздуха не хватает... – вытащила из себя я, расстёгивая верхние пуговицы кофты.

Воздуха. Воздуха, который перекрыли от человека человеку... Государство ли это сделало, жизнь ли... Но его перекрыли.

Мне снова повезло, и в этот раз. Метастаз в костях не обнаружили.

1 марта 2013. Любовь?

Семь кругов ада пройдены. Я чувствую себя Вертером. Я чувствую себя Маргаритой. Я чувствую себя лошадью и разлагающейся падалью, одновременно. Я – ...меня больше нет. Осталось только то, что может записывать эти строчки.

После опытов надо мной, когда из меня вырезали сначала душу, потом половину органов, осталось ли что-то?...

Родилась другая. Опытная, спокойная, рассудительная, у которой и жизни-то не было. А то, что ею называлось, оказалось блефом, растянувшимся в не-

сколько десятков лет. Что в ней было ценного? Что вообще считать ценностью?

Когда мы молоды, кажется, что каждый день — это чистый лист, который непременно нужно заполнить чем-то. И заполняем: узнаванием себя, рассмотрением других. И вдруг... какое же странное это слово «вдруг». Наверное, если бы не оно — так бы процесс ровного отношения ко всему и затянулся. Но «вдруг» — подобно войне, наступательным действиям, в которых ты постигать начинаешь себя в крайних состояниях. И это «вдруг» в одно мгновение может перевернуть всё накопленное годами. Жизнь для опытов. Жизнь, в которой вектор падения настолько глубок, что уже и не понятно — будет ли что-то ещё? Если уже не совсем ясно — что же было...

Может ли в остатке этого тела быть любовь? И какие добродетели могут здесь выжить? Всё, на сегодня хватит...иначе, это не закончится никогда.

14 марта 2013. Не приезжай

День рождения матери. Поговорила с сестрой Зоей, у которой теперь живёт мать.

Накануне мне очень хотелось приехать к ней, увидаться, попросить прощения. Но сестра сказала, как отрезала:

- Я запрещаю тебе это делать... Раньше надо было думать... Не приезжай!

А потом я как опомнилась, и успокоилась. Столько лет мы не виделись, не общались, и теперь уже, права сестра, моё появление может принести ей большую боль, несравнимую с той, которую она и я на этом большом расстоянии носим в себе, как горячий ком. Я уже сполна ответила за всё. А её прощение пусть даже никогда не случится, но она дала мне жизнь, опыт жизни, и уже за это я ей благодарна.

Я сходила в церковь, помолилась, поставила свечки.

И пошла на сеанс к Вахтангу.

24 марта 2013. Выбор

Позвонила Настя. Сообщила, что у Глеба высокий сахар и его увезли в больницу. Я собралась и поехала к Насте.

- Мама, это я виновата, – вопила Настя, – У него и так стресс из-за того, что старший брат навсегда уехал жить далеко, а тут ещё ...

- Что ты? Что ты сделала?

Настя хлюпала носом и прижимала к себе Дашку. Потом замерла на минуту, отдышалась:

- Я мысленно хотела, чтобы он навсегда перестал пить... – и снова заревела, – но не таким же способом....

- Настя, глупенькая...– я пыталась успокоить её, как могла, – Наши мысли, конечно, материальны, и наши мысленные желания могут осуществляться, но почему, с чего ты взяла, что это ты виновата? Ведь у него мама больна сахарным диабетом и уже много лет, и это просто наследственное...

Настя продолжала реветь, и я чувствовала, что она что-то не договаривает.

Пришли родители Глеба, и Настя пошла проводить меня и заодно зайти в аптеку. Меня беспокоило, что она сама очень сильно похудела, и списывала всё на заботы о своей маленькой дочке. По дороге в аптеку выяснились кое-какие подробности их жизни с Глебом.

Родители Глеба, после рождения внучки, стали приезжать в гости, как к себе домой – каждый день. Свёкр стал позволять себе командовать Настей, возмущаясь:

- Что это ты мне за бурду в стакан налила, налей нормального чая...

- А что ты грустная такая? – расспрашивала свекровь, - У тебя настроения сегодня нет? Ну, расскажи-расскажи, что случилось...

Настя уходила от расспросов, давая понять, что у неё много дел.

И это повторялось изо дня в день. Свободного пространства для жизни оставалось всё меньше и меньше...

Глеб приезжал домой вечером, когда родители уже уезжали к себе, и ему были не понятны просьбы Насти поговорить с родителями, чтобы они не так часто приезжали, и хотя бы предупреждали о визитах.

Уже вечером мы обсудили эту ситуацию с Сергеем. Сергей же в этот день переживал, что мы не пошли на юбилей к знакомому барду. Нет-нет, вздохнёт да скажет:

- Ну, вот, на концерт уже точно опоздали.

И после девяти вечера добавил:

- Ну вот, и в ресторан опоздали...

- Серёж, хватит уже, а?

- Я не переживаю... просто, обещал же...

- На каждое обещание есть обстоятельства. Как ты не понимаешь, что твои переживания только тебе делают плохо. А ему сейчас, поверь мне, ему всё равно – там его гости, его близкие, там те, кто ему нужен в этот момент, и кому он нужен.

Сергей пожал плечами. А я подумала: «Почему он не отрезает прошлое? Тащит его, как тяжёлый груз, за собой...».

А, может, это я не права, и прошлое должно оставаться с нами всегда? Но это же груз невероятный! Но если принято решение – идти дальше, топтаться на месте нет смысла. Человек не может, одновременно, и идти, и стоять. Надо делать выбор вовремя.

25 марта 2013. Без ответа

Много думается о Юле. Набрала номер. Не отвечает. Хльела поговорить с ней вот о чём: «Мне порой кажется, что за одну жизнь мы проживаем несколько жизней. И в каждой у нас даже имена разные. У меня например то Анна, то Анька, то Анна Михайловна... И в запасе ещё много осталось. И если имя несёт в себе какую-то программу, может, стоит сменить его?».

27 марта 2013. Память.

Пришла пора подготовки к очередной комиссии по инвалидности. Утром, к восьми я поехала в клинику сдавать анализы. Шла по коридору, и вдруг ко мне навстречу вышла моя бывшая онколог, которую перевели с нашего участка на другой, и с которой у меня сложились очень тёплые отношения, а потом мы потерялись из виду:

- Гульсим Абылхановна, дорогая...

- Анечка, куда же вы запропалились? Я уже недоброе думала... Пойдёмте ко мне в кабинет, всё расскажете...

Мы проговорили около часа. У Гульсим была сломана рука, и поэтому она не вела приёмы. Она внимательно выслушала мои переживания, дала дельные советы, и я вышла от неё окрылённая, снова вступающая в борьбу за жизнь.

Пока сидела в коридоре на анализы, позвонил Гоша.

- Привет, Ань...Ты, это... короче... сегодня ночью Юля умерла. Лёнька вылетел в Томск. Больше подробностей нет, – сказал Гоша...

.....

Марина говорила, что Юля сильно похудела.

На боли не жаловалась. За всё это время только один раз попросила обезболивающий.

Она и мне говорила:

- Странно, что боли нет...

- Не зря же говорят, что рак не болит...

- Ну хоть бы какие-нибудь внутренние ощущения... Только силы куда-то уходят...

...Пять дней назад врач сказал, что счёт пошёл на дни. Марина вечером сообщила это Лёньке.

А Лёнька молчит. Слова не может сказать, потом что-то пробулькал несуразное в трубку, и положил её. Позже перезвонил сам:

- Из Китая вот сообщения нет...

Он не хотел верить. И говорил, что всё обойдётся... Что этого не может быть...

Билет на самолёт достал через Москву. Прилетел вечером 25-ого. Но уже с Юлей попрощаться не успел.

Вечером Сергей позвонил Марго. Она была постоянно на связи с Томском. Спросил:

- Можно ли поставить на сайте некролог?

Марго пообещала выслать фотографию и сообщила, что на похоронах было очень много народу.

Часто говорят: «Человек уходит, но остаётся память о нём».

По-моему, не стоит блуждать в этой фразе. Человек уходит, и ничего от него не остаётся... Остаёмся мы, люди – живущие, помнящие или забывающие. И пока есть кто-то, кто помнит, жизнь на Земле длится.

Юлька ушла на встречу со своим женихом небесным. Там – небо, которое теперь она больше не держит на верёвочке. Теперь небо - её дом.

А между нами появилась возможность общаться уже более открыто – не через звонки, ни через расстояния, а через память. Ведь Юлька ещё не всё мне рассказала о себе, обо мне, о нас.

...Осознавая свою болезнь в себе и то, что произошло с Юлей, я будто проснулась. Увидела себя, свою жизнь со стороны. И, вспоминая события прожитого. Я раскручивала себя назад, своё время раскручивала назад, чтобы пройти тот свой путь к себе, сегодняшней, заново. Я прошла его – от каждого события прошлого в сегодня. Я шла, обдумывая каждый свой поступок – «а как и что могло произойти иначе, если бы я пошла по другой тропе?»... Я бы не была, в таком случае, сегодня такой какая есть. Не было бы много чего. И неизвестно, смогла бы та, другая, пережить посланные мне испытания.

От пройденного заново пути я чувствую себя обновлённой. С богатым багажом опыта. Я – богатый человек. И делюсь самым великим богатством – взаимоотношений, переживаний, пониманий.

Рассказывая эту историю, я переживала все чувства, эмоции, страхи – в полном объёме – в том, как их задумал Всевышний для всех людей, вместе взятых. Так уж получилось, что на меня выпал жребий стать испытательной площадкой на выносливость. И, пережив всё это, ощутив в себе предельную наполненность от всей этой огромной амплитуды – от достаточно глубокой точки падения до точки некоей высоты, я поняла – теперь я могу перемещаться в этих точках пространства, не опасаясь уже больше ничего.

И вот наступило утро сегодняшнего дня. Утро нового дня. Я знаю, что в Томске теперь есть Юлькина аллея – та самая, которую она со студентами обустроила на месте бывшей свалки. По весне там будут распускать свои зелёные листочки дубы и грабы. Их любила Юлька. И когда-нибудь на скамейках, под сенью деревьев здесь будут сидеть молодые родители, и играть дети, называя эту аллею Юлькиной.

Теперь и я, благодаря Юльке, знаю – кто я, что я, для чего я. Я бросила вызов своему прошлому. Оно преобразилось во мне в меня сегодняшнюю. И я осознаю теперь уже не болезнь в себе, а только себя в себе. Мне уютно. Мне спокойно. Я понимаю, что я нашла в себе силы снять заслонку, которая отгораживала меня и от жизни, и от смерти – одновременно. Этой заслонкой было моё неумение узнать себя и любить себя. И уже ничего не страшно. Мне хочется обнять весь мир, и руками разгладить его крылья – подобно тому, как я обнимаю своего Серёжку, или своих детей, или друзей – и разглаживаю им за спиной их крылья.

22 апреля 2013. Сон

Приснился сон.

Я с вещами в каком-то странном помещении. Вещи – это, почему-то, рюкзак. Он стоит чуть поодаль от меня. На нём кружка. Литровая эмалированная кружка. Я знаю, что это моя кружка – я перетаскивала её за собой из квартиры в квартиру. Она мне служила – помогая ополаскивать уже помытые тель-

ца моих детишек, которых иногда приходилось купать в тазу. В ней кипятилась вода. Ею можно было просто черпать воду из ведра. Я осознавала – это моя кружка. Пока я смотрела на неё, к рюкзаку, а соответственно к кружке тоже, подошла молодая женщина. Я вижу, что она беременная. Она ставит кружку на пол. Мраморный пол. И тут раздаётся голос из динамиков, как на вокзале:

- Обед в 13.00.

Пока я ищу взглядом – откуда голос, и заодно осматриваю незнакомое мне помещение, беременная женщина с моим рюкзаком уже исчезает. Осталась только кружка. Я хватаю её, и бегу куда-то. В голове стучит: «Это не ваш рюкзак!».

Но звука нет. Пытаюсь открыть рот, а губы стиснуты и не получается ничего произнести.

Вокруг приспособившиеся людей – в каких-то закутках, отделённых друг от друга низкими, в рост, тонкими, как будто пластиковыми, перегородками. Некоторые люди парами. За одной перегородкой даже целая компания. Кто-то улыбается, кто-то молча смотрит в сторону. Всё раскачивается и расслаивается, как в рапиде. Не хватает воздуха, и снова куда-то бегу. Вижу дверь, подобную купе поезда. Серебристая массивная ручка изогнута вверх. Тяну её на себя... передо мной – вокзальная площадь. Оказывается, я уже в поезде. Ветер – воздух. Глотаю его большими глотками. И так хорошо и легко внутри – будто нашла то, что искала. Стоит сделать всего один шаг, и я окажусь вне поезда. Вижу – по перрону бежит мой сын Богдан. Вот уже совсем рядом. Я машу ему головой и мысленно: «Не надо сюда...».

Богдан бежит. Поезд мгновенно набирает скорость, и будто взлетает...

Там, внизу – зелёная мягкая трава. И на неё летит моя кружка.